

В. Тихомиров

ИЗ ПРОШЛОГО
ОРЕНБУРГСКОГО
КРАЯ

1939

Из прошлого Оренбургского края

Содержание

[Памятники старины](#)

[Народы, населявшие край в более поздние века](#)

[Башкиры](#)

[Калмыки](#)

[Казахи](#)

[Начало колонизации Оренбургского края](#)

[Переселение в Оренбургский край](#)

[Яицкие казаки](#)

[Башкирские восстания в XVII и начале XVIII века](#)

[Петр Первый и Оренбургский край](#)

[События в Азии и их влияние на политику царского правительства](#)

[Экспедиция Кириллова](#)

[Деятельность Оренбургской комиссии](#)

[Основание города Оренбурга](#)

[Реорганизация Оренбургского края](#)

[Восстание башкир под руководством Батырши](#)

[Национальная политика царского правительства в крае](#)

[Пугачев в Оренбургском крае](#)

[После пугачевского восстания](#)

[Эпизоды из времен крепостного права в Оренбургской губернии](#)

[Во власти взяточников](#)

[Бесправие матери](#)

[Прошлое села Якутино](#)

[Запоротая до смерти](#)

[Заключение](#)

[Хронологическая таблица](#)

Памятники старины

Обширный Оренбургский край в далеком прошлом являлся частью того широкого пути, по которому с востока и юго-востока передвигались на запад различные народы, гонимые более сильными соседями и относительным перенаселением. Одни из этих народов оседали в крае на десятки и сотни лет, другие, преодолев естественное препятствие - Волгу, проникали в Западную Европу. Отдельные народы, долго жившие в степях Оренбургского края, проходили здесь первоначальные этапы развития культуры - каменный и бронзовый века, постепенно вступая в фазы более высокого развития.

Многие из народов, живших в Оренбургском крае, нам не известны. Но о жизни и материальной культуре народов, населявших край в века, более близкие к нашему времени, говорят памятники старины, которыми так богат Оренбургский край. Одни из этих памятников относятся к более давним временам, другие - к более поздним. Одни раскрыты и пролили свет на отдельные исторические вопросы прошлого, другие продолжают оставаться предметом изучения для научной общественности. Одни из них раскрыты как памятники материальной культуры определенного народа и времени, другие остались как безотносительные свидетели седой древности.

В Оренбургском крае памятников старины сохранилось очень много, они разбросаны по широким степям у берегов рек и озер, у урочищ в виде курганов, они сохранились в виде названий различных древних стоянок и т. д. Самыми древними памятниками старины являются курганы конической формы. Высота их нередко достигает нескольких метров. Такие курганы обнаружены у городов Бузулука, Троицка, Челябинска и в других местах.

По материалам некоторых историков и преданиям, сохранившимся в народе до наших дней, многие курганы, обнаруженные в крае, принадлежат переселившимся из Азии финским племенам, известным под названием чуди. Они, видимо, долго жили на территории Оренбургского края, так как раскопки показывают эволюцию материальной культуры, т. е. переход чудских племен от каменных орудий к медным и бронзовым. В курганах чужь хоронила своих покойников. Могилы в курганах обычно обкладывались камнем или другим материалом, напоминающим жженный кирпич.

По религиозным обрядам, чудские племена закапывали в могилу вместе с трупом топоры, ножи, копья, стрелы и другие предметы, изготовленные из камня. Как видно из раскопок, чужь достигла большого искусства в изготовлении из камня оружия и предметов домашнего обихода. Те же раскопки показывают, что чудские племена не остановились на обработке камня, а в дальнейшем стали использовать металлы: медь и свинец, которые в соединении давали бронзу.

Позднейшими научными экспедициями установлено, что чудские племена имели в Уральских горах медные рудники. Последние напоминают собой узкие подъемные ходы, иногда очень глубокие. В некоторых из них обнаружены и орудия, которыми добывалась медь. Это каменное долото, медные кирка и кайло и т. д. В рудниках же найдены рукавицы из шкурок различных животных. При этом мех разделялся так, что уши использовались, как напальники. Среди многих различных вещей, извлеченных из чудских могил, встречаются предметы домашнего обихода греческого и персидского происхождения, главным образом, серебряные и золотые вещи. Из этого можно заключить, что чужь не жила замкнутой внутриплеменной жизнью, по-видимому, она имела развернутую торговлю с Персией и Грецией.

Широко используя цветные металлы, чужь еще не знала названий различных древних стоянок и т. д. железа, что подтверждается наличием рудников для добывания только меда.

В II—IV веках на территории Оренбургского края появились новые многочисленные племена—гунны, ветвь тюркских народов. Теснимые другими пародами, они двигались из Азии на запад. Захватив широкую территорию по среднему и нижнему течению р. Яика, гунны подчиняют все население огромного Оренбургского края, в том числе и чудские племена.

За гуннами следуют в VII—X веках другие тюркские племена, вытеснившие первых. Они тоже оставили много памятников. Своих покойников тюркские племена хоронили в чудских курганах и для отличия ставили каменные, грубо обтесанные фигуры, которые являются показателями слабо развитого искусства.

В Оренбургском крае встречаются курганы и более поздние, во многом отличающиеся от

чудских. Они значительно ниже и имеют форму продолговатых холмов. В них, среди множества металлических вещей, главное место занимают предметы, изготовленные из железа.

Одним из живых свидетелей давно прошедших времен является язык. Человек дает различные названия горам, рекам, озерам, селениям, урочищам, скалам и т. д., вкладывая в эти названия определенные понятия. Возьмем несколько названий татарского и башкирского происхождения, относящихся к более позднему времени: Бузулук означает телячий, Бугуруслан происходит от слова арыслан - лев. Бугуруслан получил свое название оттого, что на месте основания города был убит лев. Но, произнося эти названия, мы теперь не связываем их с понятием о хищном животном или с представлением о теленке. Яик, например, происходит от слова яикмак, т. е. раздаваться вширь, расширяться; Бугульма - от слова бугульмак - негибкий, негнувшийся; Сарысу - желтая вода; Элабуга - от алабуга, т. е. окунь и т. д.

Но в Оренбургской области осталось много названий с неразгаданным значением. По-видимому, они даны неизвестными народами, жившими в далеком прошлом. Так, для нас неясны названия Сакмара, Ик, Сок, Уй, Орь, Мияс и другие.

Народы, населявшие край в более поздние века

В Оренбургском крае в течение многих столетий живут различные народы: башкиры, татары, казахи, киргизы, калмыки, чувашаи, мордва, черемисы, евреи, русские, украинцы и др. Из всех народов, населяющих Оренбургский край, наиболее давними обитателями его являются башкиры.

Башкиры

В преданиях башкирского народа имеются указания о времени заселения бывшего Оренбургского края башкирами. В них говорится о том, что башкиры живут здесь около двадцати поколений, что относится, примерно, к IX—X векам, т. е. к тому периоду, когда край был занят тюркскими племенами. Так или иначе, но арабские и персидские писатели упоминают в своих произведениях о том, что башкиры жили в эти века на территории края.

Жили башкиры родовым строем. Основной общественной ячейкой родового общества является род, союз больших семейств, находящихся в родственных отношениях, живущих на определенной территории и ведущих общее хозяйство. Отличительным признаком рода является взаимопомощь на основе коллективного хозяйства. Взаимные отношения регулируются обычаем, хранителем и наполнителем которого являются старейшины, составляющие совет общества. Каждый род имел свое название. Народом управляли ханы-князья, власть которых ограничивалась народными съездами. Занимались башкиры скотоводством, охотой, рыбной ловлей; позднее появилось земледелие. Заняв вначале небольшую территорию, этот народ вскоре овладел огромной территорией, которая стала называться Башкирией. Она вела торговлю со своими соседями, в частности с волжскими булгарами, которые передали башкирам магометанскую религию.

В XIII веке на Оренбургский край напала, сильнейшая по тому времени, монгольская орда под руководством Чингиз-хана. Она пришла из Средней Азии и имела передовую, по тому времени технику, вплоть до зажигательных снарядов и стенобитных машин. Чингиз-хан вначале покорил восточные и среднеазиатские народы, потом прошел по южному берегу Каспия, покорил Кавказ и на обратном пути завоевал Оренбургский край. Внук Чингиз-хана - Батый вскоре совершил новый поход и подчинил народы, жившие в Поволжье, Батый явился основателем Золотой Орды, столица которой, Сарай, находилась по нижнему течению р. Волги. Власть Золотой Орды распространялась над необъятной территорией, в том числе и над Оренбургским краем. В XV веке Золотая Орда ослабела и распалась. На его месте возникли три ханства: Казанское, Астраханское или Ногайское и Крымское. Основная часть башкир попала в зависимость от Казанского ханства.

После покорения Иваном Грозным Казанского и Астраханского ханств. Башкирия попадает в зависимость от царской России, которая стремилась колонизовать прилегающие к русской границе земли.

После падения Казани на все население Башкирии немедленно был наложен обязательный подворный ясаk, В первое время: он был небольшим: меда на 90 копеек, лисицы в 90 копеек или

куницы в 40 копеек. Впоследствии, когда для сбора ясака были введены специальные чиновники, размер его значительно возрастает.

Для закрепления своего господства царское правительство строит в Башкирии ряд городов и оставляет в них сильные воинские части, начальники которых, по существу, были бесконтрольными в своих действиях. Башкирский народ, таким образом, подпадает под двойной гнет: русского капитала и местных богачей. Бесправный, зверски эксплуатируемый народ на протяжении двух веков не один раз поднимает знамя восстания против своих угнетателей, но эти восстания каждый раз подавлялись с невероятной жестокостью.

Калмыки

Калмыки принадлежат к народам монгольской семьи. Ранее калмыки населяли большое пространство у границы Китая, между Алтаем и Тянь-Шанем, пустыней Гоби и озером Балхаш. Они, как и другие племена, жившие в Азии, были под властью монголов и во время походов Чингиз-хана входили в состав его войска. После падения империи Чингиз-хана ряд племен (хошоуты, хонзы, джунгары, торгоуты и другие), освободившись от власти монгольских князей, организовали племенной Ойротский союз. В начале XVI века часть племен союза - торгоуты и хошоуты отделились и передвинулись на запад, получив новое название «калмыков», т.е. ушедших из своего племенного союза.

Калмыки бывшей Уральской области

В начале XVII века калмыки достигли р. Яика, вступили в борьбу с казаками и башкирами, отеснили их и дошли до р. Волги. Здесь они столкнулись с ногайскими татарами и отогнали их на правый берег Волги.

В 1636 году на территории бывшей Астраханской губернии уже насчитывалось около 50000 калмыцких кибиток. С этого времени калмыки стали жить на большом пространстве между Яиком и Волгой, рядом с Башкирией, границей которой считались рр. Сакмара и Эмба.

Калмыки имели свое государственное устройство. Их законы устанавливались народными съездами. Во главе каждого племени стоял хан, но не выборный, а наследственный (тойдыша). Племя делилось на улусы (до 5000 кибиток), которыми управляли князья (нойоны). Улусы делились на группы по несколько кибиток. Ими управляли зайсанги. Ханы и последующие управители считались высшим классом - «белой костью», а весь народ низшим классом - «черной костью». Существование господствующего класса позволяет предполагать, что народные съезды

у калмыков были фактически съездами правящей верхушки, которая издавала законы, соответствующие интересам «белой кости».

Необходимо отметить, что законы калмыков носили большие следы гуманности. Человеческая жизнь ценилась высоко, поэтому такие меры воздействия, как телесное наказание, не практиковались. Главным видом взыскания и наказания был штраф. Одним из тяжких преступлений у калмыков считалось оскорбление женщины, так как женщина пользовалась большим уважением.

Калмыки исповедовали буддийскую религию - ламаизм. Ламаизм - своеобразная форма буддизма. Он получил свое название от названия духовного чина - лама. По учению ламаизма, ламы - бессмертны. Они не умирают, а перевоплощаются для дальнейшего несения своего сана. В прежние века ламы избирались самим духовенством, но в последующие времена главную роль в избрании играли светские власти. В руках духовой иерархии сосредоточивались грамотность и ученость. На лам возлагалось не только отправление религиозных обрядов и богослужения, но и врачевание, предсказывание погоды и т. д.

Все духовные лица должны были питаться подаяннем. Если учесть, что среди калмыков около четверти всего населения составляли различного рода жрецы, то становится ясным, что религия тяжелым бременем ложилась на плечи «черной кости».

Расселившись на левом берегу Волги, калмыкские племена начали переправляться и на правый берег, нередко нападая на селения местных жителей и опустошая их.

О калмыках шла слава, как о храбром, воинственном племени. Особенно прославились калмыки при смелом, воинственном хане Аюке, правившем с 1670 по 1724 г.

Русские цари учитывали военную мощь калмыков и всячески пытались привлечь их на свою сторону для ведения войн соседними государствами и для подавления восстаний угнетенных народов, населявших окраины. Так в 1710 году 5000 калмыков участвовали в подавлении башкирского восстания. В 1722 году 10000 калмыков входили в состав армии Петра I, которая воевала с Персией.

В конце XVII века калмыки вынуждены были признать русское подданство. Однако царское правительство боялось того, что калмыки могут объединиться с башкирами и противодействовать колониальной политике царизма. Поэтому оно призывает на помощь религию. Христианская церковь добивалась всеми путями крещения представителей калмыкской знати. Калмыки, принявшие христианство, под различными благовидными предложениями получали жалованье, единовременные денежные вознаграждения, ценные подарки. Внук известного хана Аюки - Дорджи, при крещении названный князем Петром Таишиным, получил годовое жалованье в 1000 рублей и 500 четвертей хлеба. При отъезде из Петербурга после крещения он же получил единовременную денежную награду в 1000 рублей к различным подаркам на 500 руб. Новокрещенным из знати прощались сделанные ранее долги, к ним не применялось наказание даже за убийство.

Распространению христианства среди калмыков способствовала междоусобная борьба среди калмыкской знати. Так нойоны и зайсанги, приняв христианство, получали от царского правительства помощь для борьбы со своими противниками. Впоследствии калмыков, принявших христианство, правительство выделило в отдельную колонию.

На левом берегу Волги для калмыкской знати был построен город Ставрополь и вокруг него отведена земля для новокрещенных. Из разных мест крещенные калмыки были переселены в Ставропольский уезд, где они получили земельные участки, причем знать получила участки гораздо большие, чем «черная кость». Во главе Ставрополя был поставлен русский комендант, который, по существу, имел над калмыками неограниченные права.

Вскоре ставропольские калмыки были переданы в ведение оренбургского губернатора, в обязанность которого входила русификация калмыков и их военное устройство, наподобие казачьего. Все калмыкское население Ставропольского уезда было разделено на роты, возглавляемые зайсангами, уже игравшими роль казачьих старшин. По первому требованию калмыки должны были в боевом порядке являться в распоряжение губернатора.

Кроме ставропольского уезда, калмыков переселяли и ближе к Оренбургу. Из них при губернаторе Неплюеве было образовано калмыкское войско, использовавшееся, главным образом, для охраны пограничной линии и для борьбы с восставшими угнетенными народами

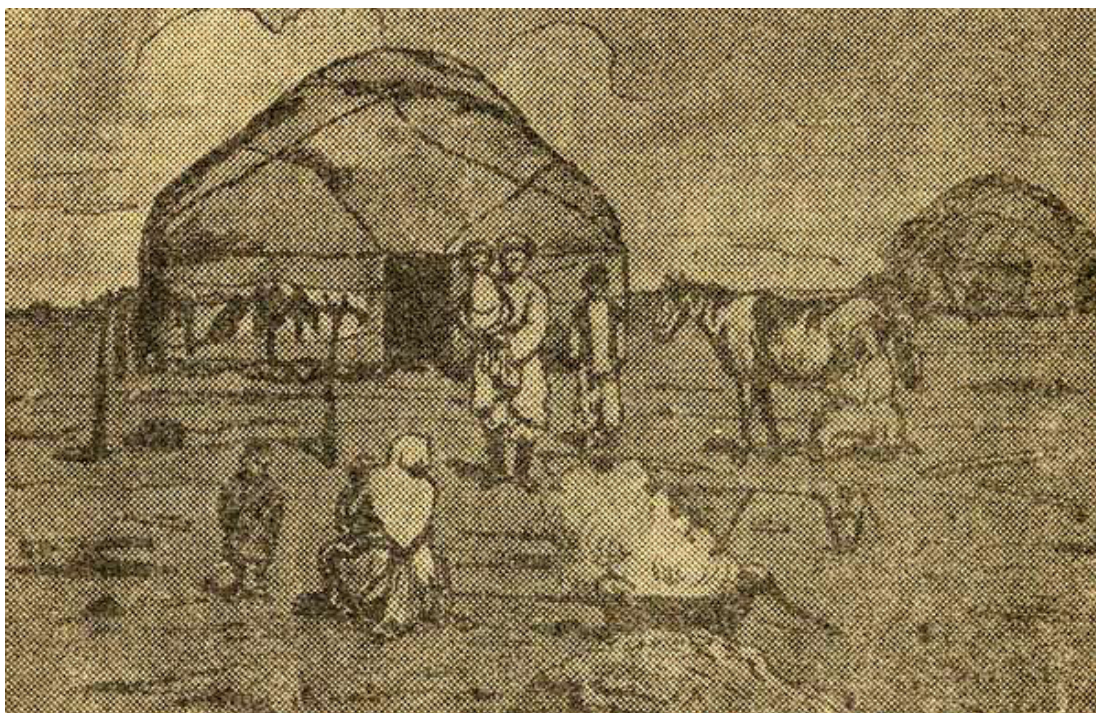
края.

Жизнь калмыков, как ставропольских, так и кочевавших в Астраханских степях, из года в год становилась все тяжелее и тяжелее: военные начальники доводили эксплуатацию до крайних пределов. Не имея сил терпеть дальше, калмыки, при хане Убаши, в 1771 году, бежали в большом количестве из России в Китай. На территории России осталось около 5000 кибиток, т.е. около 25000 человек.

В 1842 году остатки ставропольских калмыков были полностью переселены в Оренбургскую губернию и распределены по полкам Оренбургского казачьего войска.

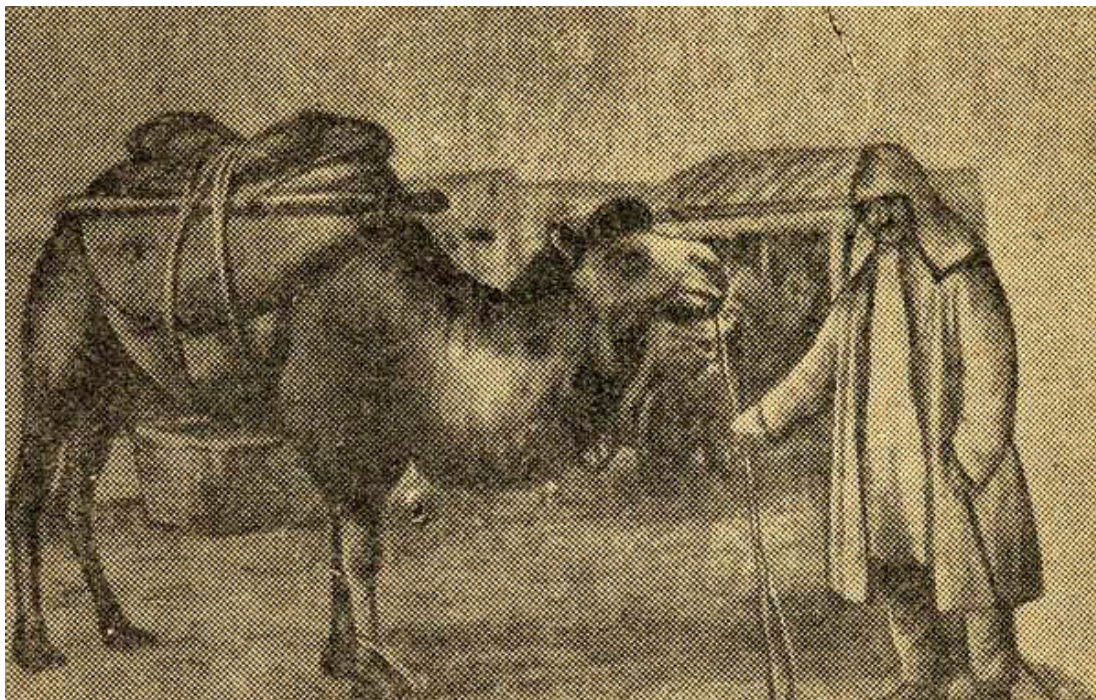
Казахи

Казахский народ относится к семье тюркских племен, частично смешавшихся во времена походов Чингиз-хана и Батыея с монгольскими племенами. После падения монгольского владычества ряд племен составили кочевой союз. Племена, вошедшие в него, стали называться казахами - вольными людьми. Вначале всем союзом управляли ханы - потомки Чингиз-хана. Первыми ханами казахского народа были потомки старшего сына Чингиз-хана, Джучия. Султаны Гирей и Джанибек. При сыне Джанибека - Касим-хане весь казахский народ входил в один союз, но после его смерти этот союз распался (1520 г.), и через некоторое время из него возникли три новых союза: Большая, Средняя и Малая орды.

Казахский аул

Казахи занимали большую площадь земли, более 2.000.000 кв. километров, называвшуюся Киргизской степью. Она начиналась от реки Яика и простиралась далеко в Азию, доходя почти до Китайской границы.

Казак с верблюдом на базаре в Троицке

Малая орда кочевала в западной части степи, доходя до р. Яика. Средняя - вглубь и к северу, примерно на территории Семиреченской и Семипалатинской областей. Она считалась самой сильной, имела ряд крупных городов, среди которых выделялись Туркестан и Ташкент. Большая орда кочевала в юго-восточной части степи, по берегам рек: Или, Чу, Толосу и др.

Позже, в 1812 году, была организована Внутренняя или Букеевская орда, образовавшаяся в связи с переходом на правый берег Яика 7000 кибиток, под руководством султана Букея. Хотя она и имела свое название, но обносила к Малой орде.

Казахи жили родовым строем. Официально казахские орды управлялись ханами, но мало от них зависели и прочного политического устройства не имели. В подчинении хана была только свита и, главным образом, близлежащие аулы.

Казахские роды делились на аулы, из 200 кибиток каждый. Несколько аулов составляли волость, во главе которой стоял избираемый на 3 года старшина. Правящая верхушка представляла собой род дворянства. Во время войны с соседями из всех родов к хану собирались воины, всадники, но после войны они возвращались в свои аулы. Казахи были лихие наездники, прекрасные скотоводы, они выращивали отличных скакунов. Конница казахов налетала на врага, как вихрь, и так же стремительно скрывалась в степи, оставаясь неуязвимой.

Киргизская степь, заселенная казахами, была необходима России как единственный торговый путь к азиатским рынкам. Ханы Малой и Средней орд, в силу ряда причин, вынуждены были формально признать русское подданство, но политика их оставалась двойственной по отношению к России. Казахский народ долго был фактически независимым, продолжая жить своеобразной жизнью.

Только начиная с конца первой и начала второй половины XV столетия царское правительство предпринимает ряд военных походов в глубь Киргизской степи и шаг за шагом захватывает казахские земли. В основном покорение казахов было закончено после падения Хивы в 1873 году. Оренбургский военный губернатор Обручев выдвинул далеко в степь линию русских крепостей (Тургай, Иргиз, Казалинск, Карабутак, Перовск, Кустанай и другие). На покоренные земли хлынули потоки захватчиков-колонизаторов, которые вплоть до Октябрьской революции всеми способами эксплуатировали и притесняли казахский народ.

Начало колонизации Оренбургского края

В XVI веке из удельных княжеств и вольных городов вырастает Московское государство. Его мощь составляют войска. Верхушка армии постепенно оттесняет на задний план бояр и

стремится, пользуясь своей силой, обеспечить себе материальные блага. Основные богатства того времени заключались в земле, но земля уже была разделена между аристократией. Поэтому ведется подготовка к захвату земель, прилегающих к Московскому государству, главным образом расположенных с восточной и юго-восточной стороны. Первым шагом в этом направлении было покорение ханств: Казанского и Астраханского, образовавшихся после распада Золотой орды. Серьезным препятствием на этом пути была Казань.

В 1552 году к Казани подступил Иван Грозный с войском примерно в 150.000 человек. По тому времени оно было хорошо вооружено. Все же взять Казань оказалось делом нелегким, так как защитники, мужчины и женщины оборонялись с исключительным мужеством. Только длительная осада, недостаток припасов и превосходящие силы русских сделали свое дело: Казань пала. Город был разгромлен и сожжен, жители выселены за его пределы. Казанское ханство, владеющее богатой территорией, объединявшее многие народности: татар, башкир, мордву, чуваш, марийцев и других, было присоединено к Московскому государству.

Для русского государства были нужны не только земли и богатства Казанского ханства, но, главным образом, Волга как торговый путь для выхода на рынки Азии. Однако покорение Казани не давало еще беспрепятственного выхода торговому капиталу на Каспий, на Восток. На пути лежало ханство Астраханское.

В 1556 году войска Ивана Грозного взяли приступом Астрахань - столицу ногайских татар и сделали свободным весь волжский путь. Завоеванные земли «жалуются» дворянам, выслужившимся чиновникам. После разгрома Казани и Астрахани продвижение на восток и юго-восток продолжается еще быстрее. Царские воеводы с дружинами углубляются все дальше в Заволжье и в 1556 году заканчивают покорение всей Башкирии.

Для упрочения своей власти и во избежание возможных восстаний, правительство с осмотрительностью проводит свою политику. Так, в 1557 году Иван Грозный выдает башкирам грамоту, по которой все башкирские земли передаются им в вечное пользование; вводится такое положение, что если башкиры вступают на царскую службу, то получают тарханные грамоты, дающие ряд привилегий, в том числе освобождение от ясака. Это способствует расслоению башкирского народа.

Одновременно предпринимаются меры к упрочению военного господства. С этой целью в различных местах Башкирии строятся города-крепости, в которые вводятся русские гарнизоны.

Так, в 1554 году построен город Бирск. В 1557 году - Оса. Царское правительство приходит к заключению о необходимости иметь в центре Башкирии сильный укрепленный город, который бы мог стать плацдармом для дальнейшей колонизации края. С этой целью в 1574 году в Башкирию прибыл с войском воевода, боярин Нагой, и заложил в центре Башкирии на правом берегу реки Белой, при впадении в нее реки Уфы, город Уфу. В ближайшие годы Уфа превратилась в сильно укрепленную крепость, в главный город края.

Построению Уфы пыталось препятствовать соседнее Сибирское царство, ибо сибирский царь понимал, что в недалеком будущем уфимские пушки будут громить его территорию. Когда была начата постройка города Уфы, сибирские царевичи Аблай и Тевкей двинулись с войсками к Уфе и в 15 верстах от города встретились с войском Ивана Нагого. После продолжительной битвы отряды Аблая и Тевкея были разбиты, а сами царевичи попали в плен и были отправлены в Москву.

Вскоре в Башкирии вырастает ряд новых городов-крепостей: в 1594 году - Мензелинск, в 1586 году - Самара и в 1658 — Челябинск и другие.

Переселение в Оренбургский край

Начало переселения в Оренбургский край из России и других мест относится к XI-XII векам, когда еще новгородская вольница, привлекаемая богатствами народов, живших в Азии, перевалила через Яик. Побывавшие в Приуралье рассказывали о несметных богатствах края. Обиженные и необеспеченные люди прислушивались к этим рассказам и, не видя на родине выхода из нищеты, отправлялись в далекий край на поиски неведомого счастья.

Приуральские леса и степи были убежищем для всех обиженных людей. Сюда устремлялись беглые крестьяне, навлекшие на себя гнев царя или его больших и малых сатрапов, сюда убегали раскольники, преследуемые христианской религией; вообще все, кому жизнь на

родине была злой мачехой. Многие переселенцы погибли в борьбе с природой и различными врагами, но известная часть отвоевывала себе право на жизнь. Таким образом, вначале заселение края происходило без ведома государства, наоборот, в дальнейшем правительство предпринимало ряд попыток к возвращению на старые места крестьян, бежавших в Башкирию.

После падения Казани, завоеванные земли, расположенные ближе к центру, раздаются дворянам. Это заставляет коренное население искать новых мест, подальше от царских чиновников и сатрапов, и оно передвигается в Башкирию. Новобашкиры (так называли общим именем татар, каракалпаков, туркмен, мордву и другие народности, поселившиеся в Башкирии) арендуют землю у башкир и занимаются сельским хозяйством. С постройкой городов растут и пригороды (Новошешинек, Билярск и другие). Последние заселяются государственными переселенцами. Среди них можно назвать поляков или смоленскую шляхту. После войны России с Польшей в XVII веке и присоединения Смоленска, Полоцка и других городов к России пленные поляки и шляхтичи, населявшие районы Смоленска и Полоцка, были переселены в Уфимскую губернию. Они получили особые участки земли и крепостных крестьян из различных мест России. Впоследствии из поляков были составлены драгунские и ландмилицкие полки, предназначавшиеся для поддержания спокойствия в крае.

Для поездки в распоряжение новых господ крестьяне назначались жеребьевкой. Они должны были оставить своих родных, обжитые места и отправляться в незнакомый край, в кабалу к новым неизвестным господам; крестьяне отвечали на это восстаниями.

В XVIII веке правительство создает Камскую пограничную линию крепостей, и с этого времени переселение усиливается. Сюда переселяются вольные и государственные крестьяне, приезжают помещики, предприниматели и другие элементы, стремящиеся быстро разбогатеть. Несмотря на запрещение покупать у башкир землю, господствующая верхушка мошенническими путями захватывает земли и леса, тесня башкир. Башкиры оставались недовольны этой захватнической политикой. Среди них вспыхивает одно восстание за другим.

С укреплением в крае царской власти растет количество военных и штатских чиновников и разных служилых людей, Они грабят население края, наживают огромные богатства, захватывают большие участки лучшей земли.

Экспроприация башкирских земель особенно усиливается с 1736 года, когда вышло разрешение о свободной покупке башкирских земель.

Богатства, хранящиеся в недрах земли, привлекают сюда десятки предпринимателей, которые спешат строить заводы.

Захват башкирских земель и лесов превратился в прямой грабеж. За десятки рублей приобретались сотни тысяч десятин земли и леса. Так, после объявления в 1724 году лесов государственными и запрещения башкирам ими пользоваться Авзяно-Петровский завод заарендовал на вечное пользование 180.000 десяти леса за 20 рублей. Преображенский и Белорецкий заводы купили 400.000 десятин леса за 40 рублей. Развивающийся капитализм, как хищный зверь, впивался в горло своей жертвы.

Яицкие казаки

Колонизация края шла и с другой стороны - с нижнего течения р. Яика, осуществляли ее яицкие казаки. Это движение имеет свою историю. Начало его относится к XV веку. В то время многие «вольные» люди, т. е. бежавшие от угнетения царских чиновников и помещиков, группировались и промышляли по нижнему течению р. Волги. Они занимались рыболовством, но главным из их промыслов был грабеж купеческих караванов, следовавших по Волге на Каспий.

Уральские казаки в начале XIX века

Вольницы этих людей являлись настоящей грозой для купцов: последние неоднократно ставили вопрос об освобождении Волги от «воров» и «разбойников».

При Иване Грозном посылаются на Волгу войска под руководством Мурашкина. Казаки, как называли себя люди вольниц, были оттеснены к Каспию. Будучи вынуждены оставить Волгу, они на своих лодках отправились по морю на поиски новых благодатных земель, многие из них потонули, а часть оставшихся в живых пристала к берегу у устья реки Яика. Казаки увидели здесь богатый, но безлюдный край и избрали его своей новой родиной. Они основали небольшой городок, из которого продолжали совершать свои налеты на торговые караваны, проходившие по Волге и Каспийскому морю. Жизнь, наполненная опасностями и борьбой, выковывала из казаков смелых, предприимчивых и отважных людей.

С течением времени на Яик прибывают все новые и новые дружины; число населения растет. Казаки продвигаются вверх по течению Яика. На пути они встречают племена ногайских татар, калмыков и др. народностей. Разгорается жестокая борьба. Продвигаясь вверх по Яику, казаки строят на берегу Яика город - «Казачий Яицкий городок», который при Екатерине II был переименован в Уральск.

Борьба яицких казаков с туземным населением способствовала выполнению колонизаторской политики правительства. Царь Алексей Михайлович прибирает казаков к рукам; он прощает все старые проступки яицких казаков и жалует их *«рекой Яиком от устья до вершины в вечное владение»*. Казаки были объявлены людьми, несущими государеву службу; после этого они еще ожесточеннее насаждают на прежних владельцев Приуралья - татар, калмыков и башкир, которые очутились зажатými в жестокие колонизаторские тиски.

Башкирские восстания в XVII в начале XVIII века

Колонизация Оренбургского края, в состав которого входила Башкирия, составлявшая значительную часть территории края, сопровождалась бесстыдными грабежами и издевательствами над местным населением. Царские сатрапы-воеводы, всякого рода чиновники, являвшиеся царскими наместниками, насильно отбирали у башкир землю. Грабили имущество, издевались над женщинами и девушками, устанавливали новые виды ясака (подати) в свою пользу: подворный, подымный (с дыма), вводный (со свадеб) и т. д.

Стоны и вопли истязаемого народа доходили до царских дворцов, о них неоднократно разговаривали в правительствующем сенате, но положение башкирского народа все ухудшалось и ухудшалось. Отдельные царские наместники и воеводы, уличенные в преступлениях, для успокоения масс отзывались с занимаемых постов, но... переводились в другие края, на такие же ответственные посты, облекались прежней силой и властью.

Башкирский и другие народы края, на плечи которых пала тяжесть царской колонизации, пытались не один раз сбросить гнет и отстоять свою независимость: восстания, одно за другим, тянутся почти на протяжении двух веков, но они всякий раз жестоко подавляются военным сапогом царизма. Одним из первых является восстание, вспыхнувшее в 1584 году близ города Уфы, но оно было подавлено.

В 1645 году башкирский народ восстал снова. Башкиры подступили к Мензелинску, осадили его, но подоспевшие части регулярных войск нанесли восставшим поражение. Руководители и повстанцы были схвачены, преданы пыткам и казнены.

В 1662 году грозным пламенем вспыхнуло новое восстание, которое то ослабевая, то разгораясь, длится до 1730 года. Оно называется Сеитовским, по имени старшины Сеита, ставшего с 1664 года его вдохновителем и руководителем. Это восстание охватило все народы края: татар, башкир, калмыков, киргиз, казахов, мордву, чувашей и др., которых объединила одна цель - избавиться от самовластной царской России и организовать самостоятельное магометанское государство.

Сеитовское восстание было для царизма большой угрозой, потому что оно совпало со знаменитым крестьянским восстанием под руководством Степана Разина. Объединенные силы восставших громили Уфу и ее окрестности. Они доходили до Казани, Тюмени, Верхотурья. Против восставших были направлены войска под руководством Зеленина. Правительство выпустило несколько воззваний к восставшим, обещая прощение и ряд льгот, но восставшие держались твердо. Только измена калмыцкого хана Аюки помогла подавить восстание: в самый трудный момент борьбы хан отозвал свои войска и этим сильно ослабил армию повстанцев. Восстание было подавлено в 1680 году.

Едва правительство успокоилось, как в 1683 году под Уфой снова поднимаются башкиры на борьбу против своих поработителей.

Башкирский народ переживал тяжелые дни. После подавления Сеитовского восстания царское правительство окончательно подчинило край. Башкирия была введена в общую систему государственного устройства. Вся территория ее была разделена на 4 административные группы, которые были названы дорогами: Казанскую, Осинскую, Сибирскую и Ногайскую. Каждая из этих единиц, в свою очередь, разделялась на волости, а последние входили в уезды. Во всех административных точках были поселены царские чиновники, на обязанности которых лежало наблюдение за настроением населения и систематическая информация об этом вышестоящих инстанций. Но главной мерой укрепления господства в крае являлось построение военных крепостей в выгодных стратегических пунктах. Между городами и крепостями, расположенными в степях и на небольших речках, были построены дороги; между городами и крепостями, находящимися на берегах больших рек, налаживается речное сообщение. Народ учитывал и понимал истинное значение военных крепостей.

С увеличением военных сил в крае растет и гнет, увеличиваются поборы с населения, среди башкир вводится воинская повинность. Призванные в царскую армию башкиры должны были идти защищать своих врагов и притеснителей.

В это время в Уфе, административном центре края, царским комиссаром был Сергеев. Он относился к башкирам, как к рабам, издевался над ними, открыто грабил их. Были случаи, когда Сергеев вызывал в Уфу башкирских старшин, приглашал их к себе в дом и так «забавлялся и

шутил» над ними, что некоторых выносили от него мертвыми. Все это, вместе взятое, вызвало новое восстание в 1707 году, известное в истории под названием Алдаро-Кусюмовокого, по имени руководителей Алдара и Кусюма.

На подавление разрастающегося восстания из Уфы был направлен отряд в количестве 900 человек под руководством Петра Хохлова, «сподвижника» Сергеева, из Казани двигался отряд Аристова в 770 человек, а за ним следом усиленным маршем шел отряд полковника Рыдаря, состоявший из нескольких пехотных полков.

В это время Петр Первый был занят войной со шведским королем Карлом. Узнав о вспыхнувшем восстании, Петр предложил уладить вопрос с башкирами мирным путем, но это не удалось. Восстание распространялось на новые и новые районы, восставшие захватывали и разрушали крепости одну за другой.

Между тем отряд Хохлова в 100 верстах от Уфы встретился с крупными силами повстанцев и был разбит. Сам Хохлов, едва ускользнув из окружения, бежал навстречу войскам, шедшим из Казани. В Табынске он соединился с отрядами Аристова и Рыдаря.

Отряды восставших осаждали Уфу, Мензелинск, Бирск, они победной волной катились к Казани. Казанский губернатор Кудрявцев бил тревогу, требуя военного подкрепления. Он знал, что казанские татары могут также присоединиться к восставшим и содействовать падению Казани. Когда вблизи Казани появились башкиры он забрал у татар, живших в городе, женщин и детей в качестве заложников, а мужчин, способных носить оружие, отправил воевать против башкир. При этом Кудрявцев предупредил татар, что если башкиры подойдут к городу, то все заложники будут уничтожены. Восставшие не дошли до Казани 30 верст. Против них было брошено более 8-ми полков под командой князя Хованского. Одновременно были настроены против башкир калмыки.

Объединенные силы, в составе нескольких десятков тысяч человек, вторглись в Башкирию. Запылали села, покатались головы казненных повстанцев, заголосили женщины и дети, уводимые в неволю. Истекавшая кровью Башкирия была подавлена и обессилена.

Петр Первый и Оренбургский край

Петр Первый уделял большое внимание Оренбургскому краю. Он усиленно развивал на Урале горнозаводскую промышленность, дававшую России основную массу металла, и всячески поощрял в этом отношении предпринимателей. В царствование Петра возникают на Урале не только частные, но и так называемые казенные заводы. При нем в Приуралье уже работало 12 частных и 9 казенных горных заводов, дававших невиданную в то время выплавку металла: в 1718 году все эти заводы выплавляли шесть с половиной миллионов пудов чугуна и двести тысяч пудов меди. На заводах было занято 5422 рабочих, а все горнозаводское население достигало 20.000 человек. Петр считал необходимым ускорить развитие горнозаводского дела на Урале. Это было первой причиной, заставившей Петра думать об Оренбургском крае и ценить его, так как недостаток металла был весьма ощутим во время войн со Швецией.

С другой стороны, Петр старался проложить торговый путь на Восток, чтобы завязать торговые сношения со среднеазиатскими странами: Хивой, Бухарой, вплоть до Индии. В то время в России хорошо не знали этих стран, и Средняя Азия представлялась в виде сказочной страны, усеянной золотом и драгоценными камнями. Сказочные богатства привлекали внимание русских купцов и заставляли правительство изыскивать пути для овладения ими.

В 1717 году Петр отправляет экспедицию под руководством князя Бековича-Черкасского. Экспедиции было поручено отыскать водный путь в Среднюю Азию, добиться признания русского подданства от Хивинского ханства. Бековичу было приказано также направить течение реки Аму-Дарья по тому руслу, где она протекала в давние времена, впадая в Каспийское море, и включить ее, таким образом, в общую русскую водную систему. Это дало бы возможность осуществить сношения России со Средней Азией по Волге, Каспийскому морю и Аму-Дарье. Намеченный план выполнен не был, так как экспедицию постигла трагическая развязка. Хивинцы уничтожили весь отряд вместе с Бековичем. Эта неудача заставляет Петра отказаться от мысли проникнуть в Среднюю Азию водным путем, но он намечает новый проект - проложить путь в Среднюю Азию через киргиз-кайсацкие степи. Выполнение этого проекта требовало покорения живших там народов.

Тевкелев, служивший при Петре Первом переводчиком, в своих записках упоминает, что царь очень интересовался присоединением к России киргиз-кайсацких орд. Он говорил:

«Буде оная орда в точное подданство не пожелает, то стараться, несмотря на великие издержки, хотя бы до мелиона держать, но токмо чтоб только одним листом под протекцыєю Российской империи быть обязались!»

По словам того же Тевкелева, будучи в 1722 году в Астрахани, Петр Первый говорил:

«Через многих изволил уведомиться об оной орде... де всем азиатским странам и землям: оная де орда ключ и врата; и той ради причины оная де орда потребна под Российской протекцыєю быть, чтобы только через их во всех странах колонизацию иметь и Российской стороне полезные способные меры взять».

Эти высказывания указывают на вторую причину, заставлявшую Петра уделять большое внимание Оренбургскому краю. Вот почему Петр Первый интересовался Оренбургским краем и при последнем башкирском восстании отдал распоряжение огнем и мечом установить в крае спокойствие. Петр думал заселить край и превратить его в сильную военную базу, с многочисленными крепостями, которая бы могла служить базой для проведения колонизации Средней Азии. Смерть не позволила Петру осуществить этот проект. Его начинают осуществлять последующие цари и сановники, современники Петра - «птенцы гнезда Петрова».

Один из современников Петра, обер-секретарь Кириллов, доказывал преемникам Петра необходимость осуществления планов Петра. Он настаивал на организации военно-административного и торгового центра, расположенного на юго-восточной границе, который, постепенно развиваясь, способствовал бы успешному проложению торгового пути через Азию в Индию.

Но преемники Петра медлили с осуществлением этих проектов, уделяя главное внимание внутреннему устройству Башкирии. Правительство прекрасно учитывало и использовало классовую неоднородность башкир и всячески усиливало классовое расслоение. Богатых и знатных башкир, старшин правительство одаривает, подкупает, награждает тарханными (предоставляющими льготы и привилегии) грамотами.

Эта политика в известной мере дала свои результаты; так в 1730 году в Петербург прибыл башкирский старшина Теймас Шаимов. Он привез царице Анне Ивановне подарки (это в то время, когда башкирский народ еще не залечил свои раны). Ему был оказан пышный прием. Теймас получил звание тархана, ценные подарки и большую площадь земли, расположенную вблизи г. Челябинска.

Так постепенно правящий класс России смыкается с верхушкой башкирских богатеев для закабаления народных масс.

События в Азии и их влияние на политику царского правительства

В предыдущих главах упоминалось о том, что после падения власти Чиниз-хана, народы Азии объединились в Ойротский союз. После ухода из него калмыков, оставшиеся народы организовали сильное ханство, известное под названием Джунгарского. В конце XVII и начале XVIII веков это ханство достигло большой силы, вело успешные войны со своими соседями. В это время в Джунгарии был воинственный хан Голдан Цырен. Он далеко раздвинул границы Джунгарского ханства, закрепив надолго за ним славу непобедимого. Ближайшими соседями на западе Джунгарии были казахи-киргизы. На них в 1723 году обрушились войска Голдан Цырена и завоевали города Ташкент, Туркестан и др. Казахи-киргизы отступили под натиском джунгаров в пустынные степи Хивы и Бухары. Для борьбы с противником они объединились под властью султана Абулхаира и начали борьбу с джунгарами. Хотя борьба была настойчивой и упорной, но положительных результатов не дала, так как раздоры, возникшие в лагере казахов-киргиз, значительно ослабили их силы. Теснимые джунгарами, казахи устремляются на запад, к реке Яику. За Яиком кочевали башкиры и калмыки, с ними вынуждены были бороться казахи. Последние упорной борьбой овладели заяицкими степями, в которых и кочевали долгое время.

Жизнь казахов была полна опасностей, так как с востока наседали джунгары, а с запада башкиры и калмыки, не желавшие расстаться с захваченной землей. Не видя выхода, Абулхаир, хан Малой орды, решил искать помощников и союзников среди сильных государств. Его выбор остановился на России, распространившей свои владения до Яика.

В 1730 году делегация казахских старшин прибыла в Уфу, а оттуда ее направили в Петербург. В Петербурге она была встречена русским правительством с нескрываемой радостью. Послам был оказан пышный прием и выданы богатые подарки. Делегация была отпущена с честью, она везла богатые подарки Абулхаир-хану. Вместе с делегацией в 1731 году был отправлен в Малую орду со специальной инструкцией уже известный нам переводчик Тевкелев. Приводим ниже выдержки из этой инструкции:

«Инструкция от государственной коллегии иностранных дел переводчику восточных языков Мегмету Тевкелеву, отправленному в Киргис-кайсацкую орду, для приведения оной в подданство России.

По сем ему Тевкелеву стараться, яко о наиглавнейшем деле, дабы в верности к Ея Императорскому Величеству, оный Эбулхаир Хан со всеми другими Ханы, и с Старшиною, и с прочими всеми Киргис-Кайсаки присягу по своей вере на Алкоране учинили и тое руками своими подписали, и ему Тевкелеву отдали.

Сего ради ему Тевкелеву после подания грамоты Эбулхаир Хану и обнадеживания его милостию Ея Императорского Величества, и по учинении присяги, быть у него Хана на иной день и говорить, что понеже он Эбулхаир Хан со всем войском Кайсацким учинились ныне в подданстве у Ея Императорского Величества Всероссийской, как и Башкирцы, и в знак верности своей учинили присягу по закону своему на Алкоране: то надлежит им и пункты, каковы в грамоте Ея Императорского Величества к нему присланной описаны, руками своими подписать, как все подданные Ея Императорского Величества то чинят, и как Башкирцы показуя свое верное подданство, платят ясак и аманатов дают на Уфу, так бы и они, показуя верность свою, ясак платили и аманатов на Уфу дали; и к сему приводить его Эбулхаир Хана добрым способом, представляя им пристойные резоны.

А ежели по тому его Тевкелева представлению и домогательству он Эбулхаир Хан к платежу ясака и в даче на Уфу аманатов, будет не склонен: и то отпустить, и усиленно о том не домогаться, только стараться, чтобы он Эбулхаир Хан с прочими начальными, пункты подписали и жили в верности.

И ежели он Эбулхаир Хан взаимно будет у него Тевкешева требовать таких же пунктов за его Тевкелева рукою, и ему сказать, что хотя таких пунктов ему Тевкелеву давать было не для чего, ибо те все пункты описаны в грамоте Ея Императорского Величества, к нему Хану присланной; однако ж он Тевкелев по желанию его Хана учинит, и такие пункты ему Тевкелеву, за своею рукою дать, и теми с ним разменяться.

Буде ж он Эбулхаир Хан по представлению и домогательству его Тевкелева, и пунктов дать не похочет, и его к тому приводить и склонять, дабы он Хан в ответной свой лист к Ея Императорскому Величеству (которой ему Хану с ним прислать надлежит) те пункты внес, и обещал бы оные содержать, и подписал бы тот свой лист он Хан, и ежели возможно и другие начальные; а ежели и того он не похочет, то хотя б он так в листе своем написал, что все то, что в грамоте Ея Императорского Величества к нему присланной написано, содержит; так же предлагать ему Хану, что б он прислал в Москву посланцев своих и оным велел здесь жить для предложения о его Ханских и войсковых делах, и обнадежить его Хана, что те посланцы его здесь содержаны будут во всяком довольстве, и корм и квартиры будут им даваны.

Как туда едучи, так и назад возвращаяся, иметь ему Тевкелеву журнал или повседневную записку, а наипаче путь, которым имеет он ехать от Уфы, и сперва описать о Башкирцах, какие они имеют жилища и кочевья, города, села или деревни, и какое их правление и состояние их промыслы, и пожитки; второе между теми Башкирцы и Киргизцы далеко ль расстояние, какие где жилища есть, и какия ж званием, и величию реки и инья воды, и через оные где и какия переправы, леса и степи, и далеко ль одно от другого расстоянием, и не имеется ли каких засек или перекоей, или других каких к обороне их крепостей; третье о тех самих Киргизцах усматривать и разведать, а особливо о начальном их Киргиз-Кайсацком Эбулхаир

Хане, какого состояния он есть, сколько владения его городов и мест, дворов, кибиток или числом людей и кроме его Хана, кто имены другие Ханы, и имеют ли они особые города, или места, или кочевья и сколько который имеет и каким званием, и при городах и при житъях имеется ль пашня, сады, и иные какие промыслы, и Ханы и владельцы кочевные и городовые послушны ль Главному Эбулхаир Хану и наследные ль или обиранные, и ясак или иные какие сборы с подчиненных их они собирают, и по сколько в год тех сборов Главному Эбулхаир Хану и прочим бывает и все ль один Магометанский закон держат, или суть из них других каких законов люди, и посланцев сюды Эбулхаир Хан с согласия ль других Ханов и всего народа присылал и народу приятно ль сие, что они приняты в подданство Ея Императорского Величества, купечество они какое и с какими соседними народами имеют ли, из того на Хана доходы бывают ли, и ремесла, какие, а особливо оружейные и заводы селитренные и пороховые имеют ли, и умеют ли они сами пушки лить и иное ружье делать, а буде они сами пушок, и ружья и пороху не делают, то откуда получают, и за деньги ль купят, или на какие товары меняют, жилища и кочевья их Кайсацкия с кем граничат, и с кем они нынче в миру, и с кем в войне, и кроме того пути, которым он будет ехать, другие от которых до Российских городов имеются ль дороги и способны ль те дороги к проезду.

Сие же все ему Тевкелеву разсматривать, и разведывать и записывать искусным способом, не дая никому знать, что чинит по указу или по икс труппий, но якобы сам собою хотя ведать для себя, дабы о сем, что он делает инструкции, но токмо тамошние народы, но и из тех, кои с ним Тевкелевым посланы будут, не признали.»

*(Полное собрание законов Российской Империи.
1731 г, 19 февраля. Закон № 5703, стр. 383).*

Содержание этой инструкции не оставляет никаких сомнений относительно истинных целей посланки Тевкелева в Малую орду. Это была подготовка к тому, чтобы полностью прибрать к рукам казахский народ и его богатые земли, пользуясь тяжелым положением казахов. Для этого Тевкелеву поручалось, как «наиглавнейшее дело» привести казахов к присяге на верность и подданство «ея императорскому величеству». Тевкелев должен был этого добиваться и подкупом, и уговорами, и обманом.

Как видно из инструкции, в порядке подготовки к полному порабощению казахов Тевкелев должен был произвести исчерпывающее изучение территории, населения, быта, религии, обычаев, занятия населения, промыслов, богатств края, военной мощи.

На случай применения военной силы для покорения казахов, царское правительство поручало Тевкелеву выяснить, могут ли сами казахи производить оружие, где покупают оружие и «с кем они нынче в миру и с кем в войне».

Тевкелев вез Абулхаир-Хану от императрицы Анны Ивановны «жалованную грамоту», смысл которой заключался в том, что если казахский народ примет русское подданство, то Абулхаир-хан может надеяться на личные выгоды и большие милости со стороны императрицы. Но по прибытии Тевкелева в Малого орду дело приняло совершенно иной оборот. Оказалось, что послы были отправлены в Россию не с согласия большинства старшин и народа, а только по инициативе Абулхаир-хана и его приближенных старшин. Узнав о прибытии в орду Тевкелева, народ протестовал против поступков своего хана и пытался убить Тевкелева.

Дни шли за днями, а дело не подвигалось ни на шаг. Царские посланцы оказались в положении пленных. Не видя быстрого разрешения своих задач, Тевкелев под крепкой охраной отпустил в Уфу своих геодезистов, которые должны были заняться изучением местности, а сам остался в орде. Пробыв там около двух лет, коварством, обманом, подкупом и обещаниями Тевкелев добивался своего.

Постепенно увеличивалось число сторонников Абулхаир-хана. В 1733 году Албухаир-хан Малой орды, Семеке-хан Средней орды и хан Каракалпакии присягнули на подданство русскому царю. Тевкелев обещал построить на границе Малой орды город, который будет давать большие выгоды орде,

Абулхаир-хан в конце 1733 года отпустил с Тевкелевым заложников, среди них был его сын Ерали, двоюродный брат Султан Нияз и ряд знатных старшин, которых уверили, что они будто едут представителями орды в пограничном городе и будут нести обязанности судей по отношению к казахам.

Тевкелев, прибыв в Уфу с послами-заложниками и не имея указаний, как действовать дальше, объявил себя больным, чтобы не встречаться с послами; сам тем временем срочно выехал в Петербург для доклада о случившемся. Возвратившись обратно в Уфу, он, совместно с казахским посольством, в начале 1734 года прибыл в Петербург, где был принят царицей Анной Ивановной. Получив заложников, правительство считало, что теперь можно причислить казахский народ к категории подвластных народов и продолжать дальнейшее завоевание Азии.

Принятие российского подданства Малой и Средней ордами, а также Каракалпакией способствовало проникновению российских товаров на рынки Азии.

Во время пребывания казахского посольства в Петербурге обер-секретарь сената Иван Кириллов представляет на утверждение сената проект освоения Оренбургского края. Из этого пространного проекта ниже мы приводим некоторые выдержки:

«В тех ордах не столько Ханы власти имеют, сколько их старшина, и для того они ни людьми ни богатством своих Ханов усиливаться не допускают, и грамотных в Ханы не выбирают, однако ж ведут наследственных Ханов, а детей Ханских называют Салтанами.

Часто упомянутый Абдулхаир Хан, изо всех Киргиз-Кайсакских Ханов знатный и умный человек, сам в подданство Ея Императорского Величества пришел, и не токмо одних своих подданных склонил, но и Каракалпакского Хана со всем народом к тому ж подданству привел, да через его же пересылки и Большая Орда прислала о подданстве просить и сам желает, чтоб Российский город близ его владений и устья Орь реки, впадающей в Яик, сделать, где обещает временем жить я службу свою оказывать, какие ж резоны в бытность Посланника Тевкелева своему народу, который жестоко о подданстве, противился представлял, то явно в журнале того Тевкелева.

Между которыми знатное его представление было. 1) Что они от Зенгорских Калмык обижены, и когда под протекцией Ея Императорского Величества будут, то могут свое владение от них со временем возвратить. 2) Сам себя в Ханстве безопасно содержать может, ссылаюсь на Волжских Калмык, как Ея Императорское Величество между таким же диким народом Ханов утверждает и народ в покорение приводит.

3) Могут соседей своих Хивинцов и Арольцов в подданство Ея ж Императорскому Величеству привести, и за то в милости быть.

И хотя по легкомыслию сего народа подданство их ненадежное, однако ж есть способ к удержанию их в подданстве, не так как природных подданных, но против привилегированных народов для нужных с Российской стороны резонов.

Понеже Калмыки давно подданные Ея Императорскому Величеству, так же и Башкирцы, а к тому ныне прибыли третий народ Киргиз-Кайсакский, а один с другим весьма несогласные, да и впредь всегда их в том содержать надобно, и ежели Калмыки какую противность покажут, то мочно на них Киргизцов обратить, как и было в прошлом году, когда Калмыки против своего Хана взбунтовали то показывая службу, Абдулхаир Хан посылал войск на Улусы Доржи Назарова, который первый есть из Калмыцких владельцев, и кочует по Яиву и Эмбе рекам, и их там разорил, что они принуждены противные свои меры отложить, и впредь на Киргиз-Кайсаков злобу иметь, а напротив того буде Киргиз-Кайсаки что делают, то на них Калмык и Башкирцев послать, и так друг друга смирять и к лучшему послушанию приводить без движения Российских войск.

О котором городе сами Абдулхаир Хан и Башкирцы просят, чтобы построить у устья Орь реки, тот весьма нужен не только для одного содержания Киргизцов, но и для отворения свободного с товарами пути в Бухары, в Водокшан, в Балх и в Индию, (чего Император Петр Великий весьма домогался и не жалея ни казны ни людей,

Князя Александра Черкасского послал от Астрахани, но он своею оплошкою в Хиве пропал). Тот же город закроет за собою Башкирцев и все набеги воровских Киргиз-Кайсаков, которые теми места приходила, присечет.

Водокианская Провинция нужна в Российское владение для многого в ней имеющегося богатства, что золота, лалов, лапис лазури в ней довольно; ежели Бог допустит, в свое владение через вышеупомянутые чужие войска достать и богатство, так как из Америки Гишпанцы и Португальцы получают, сюда вывозить, что при добром начале и прилежном попечении, буде нечаянных случаев не воспоследует, без движения больших Российских войск исполниться может.

Прежде нежели Водокиан случай допустит завладеть, есть у Киргиз-Кайсаков и Каракалпаков во владение горы подле Сыр-Дарьи, они называют свинцовые и берут свинцу столько, сколько хотят и льют пули, а не ведают, что свинец, с серебром вместе бывают, то можно пробу сделать, сколько серебра содержит, а хотя б и серебра не было, довольно прибыли будет от свинцу, потому что недорог провоз станет; а когда на озере Аральском пристань и суда заведут Русские, то гораздо способно по несколько сот тысяч пуд вывозить.

У Аральского ж озера у гор Кагкарт, недалеко от Башкирского владения, есть самородные квасцы, кои берут киргизцы ж, а в Россию на немалую сумму надобно, также серы и селитры до всех местам довольно, и киргизцы сами у себя изрядный порох делают, можно, усмотря, и тем Россию удовольствовать.

Сланная Илецкая соль не далека будет от нового города, которою солью все Башкирцы довольствуются, да и впредь отнимать у них не надобно, а возить откуда для России сколько потребно, столько можно; в Башкирском же владении много богатых медных и других руд, да слюда лучшая, кою можно доставать и отпускать в Россию и в Персию. Лошадей от обеих Орд на всю Российскую кавалерию за дешевую меду на сукна Российских фабрик и другие безделки получать возможно, а лошади Киргиз-Кайсакские и Башкирские добрыя и крепкия.

Буде же о дальности и неспособности в походах кто рассуждать стал и тому представляется, что Голландцы для своего интереса в Ост-Индии земли овладели, и славной город Батавию сделали, откуда богатство получают, при первом же случае не без убытков и страху им было, да и ныне есть терпят зной солнечной проезжая Экватор, а иногда и от Алжирцев морских разбойников; однако ж на то все трудности и дальности не смотрели и не смотрят, да я в Российском владении Сибирские край, яко: Нерчинск, Якутск, Камчатка, вдвое и втрое далее всех тех мест о которых выше описано.

Могут еще противные резоны произойти, что когда Киргизский народ будет под одним Российским владением с Башкирцами, то бы иногда соединясь с Башкирцами, не учинялись общими неприятельми, и на такой резон истинное приношение сие, ежели б входил такой замысел в сии обои народы, то бы удобнее ныне соглашаться и впредь делать, когда между ими Российского города и воинских Русских людей еще нет, и Хан Киргиз-Кайсакский добровольно к подданству не подошел, а после имея над собою ближнюю команду город, никак нельзя согласясь, в противность подняться, в тому ж легко успокоены быть могут сзади Каракалпаками и Калмыками, а внутри из города нового с Уфы и Яицкими казаками так, что не куды деваться; буде же бы один который из них народ поднялся, то легче другими усмирить, без посылки Российских полков и так всегда безопасно пребудет, нежели ныне без города имея отверстую степь к набегам».

(Полное собрание законов Российской империи.
1734 год, 1-го мая. Закон № 6571, стр.309).

Этот документ интересен тем, что в нем обнажено выступает политика царского правительства в отношении нерусских национальностей: «разделяй и властвуй». Натравливать один народ на другой и таким образом всех держать в узде и порабощении - вот какими методами царское правительство держало в подчинении народы, населявшие Оренбургский край. В

представленном проекте Кириллов указывает на те выгоды, которые можно извлечь, если укрепиться в крае. Главное место в проекте занимает использование богатств, в первую очередь металлов, хранящихся в недрах земли. Далее Кириллов обращает внимание на необходимость построения у устья реки Орь города, который станет центральным пунктом торговли русских и азиатских купцов и обеспечит выход русского капитала на азиатские рынки. Кириллов указывал, что торговая связь с Азией будет закреплена, если Россия продвинется до Аральского моря и построит там портовый город.

В проекте Кириллова уделялось большое внимание необходимости заняться возведением новых крепостей, которые бы сплошным кольцом охватили Башкирию.

В апреле 1734 года проект Кириллова был утвержден, а 1-го мая того же года императрица Анна Ивановна подписала сенатскую резолюцию. Резолюция царицы гласит:

«Вышеписанное предоставление Всемилостивейше апробуется и ныне указали по оному учинить: городу при устье Орь реки строить и дать ему имя впредь пристойную привиллегию сему городу написав, представить Нам для конфирмации; 3) к строению и работе нарядить Тептерей и бобылей, сколько по рассмотрению потребно будет. Башкирских Тарханов и Мещеряков нарядить столько, сколько нужна требовать будет; к отправлению вышеписанных всех дел определить Обер-Секретаря Ивана Кирилова и с ним быть Мурзе Алексею Тевкелеву, которых туда отправить немедленно и дать полную инструкцию и указы за Нашим подписанием; а сколько каких людей потребно отсюда и из Москвы, о том донести Нам.»

(Полное собрание законов Российской империи.
1734 год, 1-го мая. Закон № 6571, стр. 309).

Автор проекта Кириллов был назначен начальником созданной Оренбургской экспедиции, которая должна была выполнить утвержденный проект. Помощником Кириллова был назначен переводчик Тевкелев. 18 мая 1734 года Кириллов был награжден 3000 рублями. Тевкелеву был присвоен чин полковника и выдано 1000 рублей наградных.

Императрица вручила инструкцию «Статскому советнику Ивану Кириллову, отправленному для постройки города при устье реки Орь». Хотя в этой инструкции имеется много туманных и пышных слов о том, что новый город строится для охраны башкир и казахов, но действительная причина (выражена довольно ярко в следующей фразе:

«... Мы... заблагорассудили.... сделать вновь город при устье реки Орь, впадающей в Яик реку, и сколько Бог поможет в пользу интереса Нашего искать того, о чем в особом проекте твоем Нам поставлено».

(Полное собрание законов Российской империи. 1734 год. 18-го мая. Закон № 6576).

А какие интересы представлены в проекте Кириллова, мы видели выше.

Экспедиция Кириллова

Правительство Анны Ивановны, видевшее в движении на восток и юго-восток источник обогащения, много внимания уделяло оренбургской экспедиции. На протяжении мая этот вопрос несколько раз обсуждается в сенате и издается несколько указов, следующих один за другим. 31 мая был утвержден личный состав экспедиции, в который входило около 100 человек различных военных и гражданских специальностей. Здесь были офицеры, бомбардиры, техники-судостроители, лоцманы, врачи, бетонщики, бухгалтеры, писцы, геодезисты и т.д. Все эти люди по прибытии на место должны были составить административно-управленческий аппарат края. В Петербурге экспедиция была разделена на две части: первая - под руководством Кириллова, в составе пяти кораблей, была отправлена водным путем, вторая - под руководством Бахметьева на ямских подводах следовала до Москвы.

В Москву Кириллов прибыл в конце июня месяца. Здесь в экспедицию влилось еще более 30 человек различных специальностей. Закончив последние сборы, экспедиция направилась к месту назначения.

Не встречая на пути никаких препятствий, в октябре месяце экспедиция достигла Казани, а 10 ноября Кириллов вступил в Уфу. Он понимал, что осуществлению проекта может воспрепятствовать население края, поэтому решил сколотить военный кулак.

В распоряжение экспедиции были переданы Вологодский и Пензенский полки и Уфимский гарнизон. Кроме того, в Уфимской провинции были призваны на военную службу казаки, служилые люди и дворянство.

Уфа усиленно готовилась к приезду экспедиции. Чтобы учесть башкирские силы, проводилась перепись башкирского населения. От заготовки продовольствия зависело успешное разрешение задач экспедицией. Кириллов знал, что без продовольственного фонда уходить в глубь степей нельзя, так как место, где предполагалось построить новый город Оренбург, т.е. при впадении р. Орь в Яик, было пустынным и малозаселенным, земледелие вокруг было развито слабо. Экспедицию Кириллова могло бы обеспечить мясом башкирское население, но Кириллову было известно, что башкиры относятся к экспедиции враждебно. Поэтому были приняты меры к заготовлению продовольствия в Западной Сибири, где земледелие было сильно развито.

Осенью 1734 года на крутом берегу Яика, в верхнем его течении, была построена Верхне-Яицкая крепость (Верхнеуральск), туда был введен гарнизон из двух рот солдат. Верхнеяицкая крепость была первой крепостью, построенной оренбургской экспедицией.

Верхнеуральск в 1734 году имел форму четырехугольника, окруженного валом и рвом; по углам укрепления возвышались четыре бастиона. С трех сторон в крепость вели ворота. Крепость вмела несколько пушек для устрашения мирного населения. Кириллов намеревался доставлять продукты из Западной Сибири до Верхнеуральска гужевым транспортом, а отсюда, до Оренбурга по Яику. Это имело свою выгоду: 1) отправка продовольствия на плотах по Яику являлась менее опасной в смысле ограбления, 2) исключалась необходимость гонять громоздкие обозы, 3) ускорялась переброска продуктов с верховьев Яика до Оренбурга.

Экспедиция находилась в Уфе в конце 1734 года и в начале 1735 года. В апреле 1735 года основные приготовления были закончены. Был готов отряд, состоявший из 15 рот пехоты, 350 конных казаков и около 1000 человек местных жителей. Отряд имел артиллерию в 55 пушек.

Из Сибири к Верхне-Яицкой крепости был отправлен обоз с продуктами в 500 подвод под прикрытием роты солдат. По расчетам Кириллова, это продовольствие должно было прибыть к устью реки Орь во времени приезда туда экспедиции.

Для быстрейшего возведения строений в Оренбурге была введена трудовая повинность среди населения края.

11 апреля 1735 года отряд, разделившись на две части, выступил из Уфы по направлению к устью р. Орь. Первая, более сильная, команда возглавлялась Кирилловым, а вторая, состоявшая из Вологодского полка, следовавшего на определенном расстоянии от первой - полковником Чириковым.

День за днем продвигался отряд вперед, не встречая препятствий и сопротивления, но в один из дней в ставку Кириллова пришли два башкира. Они объявили ему, что являются представителями башкирского народа, который возражает против построения укрепленного города на берегу Яика, на южной границе Башкирии, и требует, во избежание тяжелых последствий, возвращения экспедиции назад.

Кириллов отказался выполнить требования башкир, а посланцев велел подвергнуть жестоким пыткам, во время которых один из них скончался.

С этого времени начинается одно из сильнейших башкирских восстаний, длившееся с 1735 по 1740 год, ибо башкирский народ разгадал истинные цели и задачи экспедиции и роль Оренбурга в колонизации края.

Под прикрытием вооруженных сил экспедиция двинулась дальше. В это время Вологодский полк отошел от Уфы на 160 верст, и первый раз подвергся нападению со стороны отряда восставших башкир Юрматынской волости, Ногайской дороги. Отрядом руководил старшина Кильмяк-Абыз. Напавшие отбили значительную часть обоза полка. Жертвы, убитые и раненые, были с обеих сторон. В бою был убит и полковник Чириков.

Узнав о происшедшем, Кириллов послал на помощь Вологодскому полку вспомогательный отряд, но последний не сумел пробиться на соединение и возвратился назад. Тогда он был усилен новыми частями и достиг своей цели. Оба отряда, Кириллова и Вологодский полк, были объединены в один.

Экспедиция получила известие, что сибирский продовольственный обоз, на который возлагались исключительные надежды, подвергся нападению башкир Сибирской дороги и почти

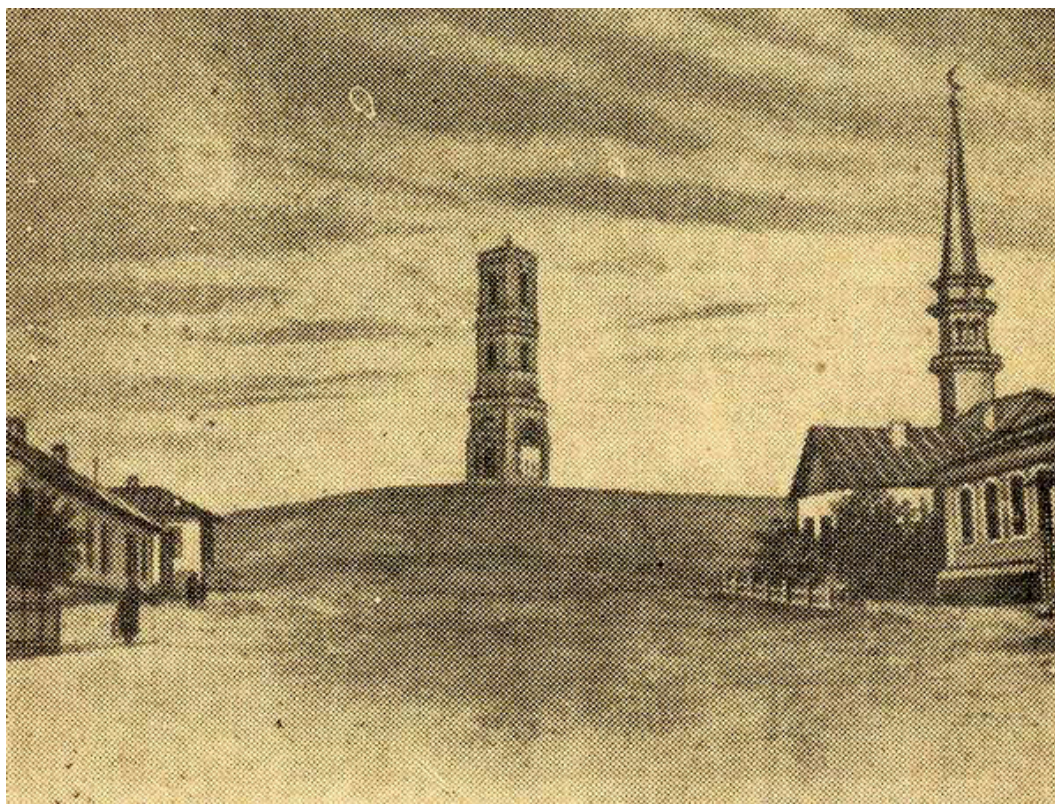
наполовину отбит ими. Перед экспедицией встала угроза остаться без продовольствия. В обозе отряда запасы подходили к концу.

6 августа 1735 года экспедиция достигла устья р. Орь. Отряд пришел к месту назначения почти без продуктов. Навстречу сибирскому обозу был выслан сильный отряд, но обоз при самых благоприятных условиях не мог быстро доставить продовольствие, а в отряде уже начинался голод. В это время к становищу экспедиции прибыли казахи, они продали Кириллову много скота и вывели экспедицию из затруднения. 15 августа 1735 года экспедицией была заложена крепость на горе Преображенской (находится сейчас в центре города Орска). А 30 августа она была вчерне уже отстроена, в нее ввели гарнизон с артиллерией. 31 августа 1735 года при торжественной пальбе из пушек заложен новый город с 9 бастионами.

Новый город должен был стать форпостом колонизации края, основным звеном, связывающим русский капитал с рывками Средней Азии.

Для привлечения в новый город купцов, промышленников и предпринимателей правительство еще за полтора года до его закладки, 7 июня 1734 года, издает указ, предоставляющий Оренбургу ряд льгот. Ниже мы приводим выдержки из этого указа.

«...Сему городу, с Богом, вновь строить назначенному именоваться Оренбург, и во всяких случаях называть и писать сим от нас данным именем, в котором городе Всемилостивейше жалуем, и даем соизволение всем, и всякого народа Российским (кроме беглых из службы нашей, и людей и крестьян, в подушный оклад положенных) купечеству, мастеровым и разночинцам, также Иностранных Европейских Государств, иноземцам, купцам и художникам и тутошним Башкирскому народу, и живущим с ними и новоподданным Нашим Киргизским, Каракалтакским народам, и из Азиатских стран приезжим Грекам, Армянам, Индейцам, Персам, Бухарцам, Хивинцам, Ташкентцам, Калмыкам, и иным всякого звания и веры, приходить селиться, жить торговать и всяким ремеслом промышлять, и паки на свои прежняя жилища отходить свободно и невозбранно, без всякой опасности и удержания.

Гора Преображенская в центре города Орска. На этом месте был впервые заложен г. Оренбург в 1735 году

Такожде в первые три года, то есть с 1735 по 1738 г., для новости сего места, ни с каких товаров в казну Нашу пошлин, оприч определенной городской части,

не иметь; а кто похочет селиться и жить, тем по точию безденежно места под дворы, кладовые, амбары, лавки отводить, но и сколько возможно к строению как лесными так и каменными припасами, из казны нашей помогать, за которые истинные деньги выплачивать в Нашу казну без процентов, по расположению в десять лет.

Свободное ж произведение всем, как Российским так и иноземцам всяких заводов и фабрик, с позволением и рассмотрением от Магистрата, а наипаче такая, для коих материалы тамо сыскаться могут, и кто станет, для строения таких заводов и фабрик в городе, требовать порозжих мест, тем давать от Магистрата безденежно и вечно.

Пиво, вино и мед варить, водки строить про себя и на продажу, и содержать вольные дома гражданам свободно так же из других мест, кто от куда может, всяких чинов людям на продажу в сей город привозить и продавать, гражданам оптом не запрещается».

*(Полное собрание законов Российской империи.
1734 год. 7-го июня. Закон № 6584, стр. 344.)*

С первых же дней новый город оказался в кольце восставших. Оставив в Оренбурге полковника Чемадунова с 10 ротами солдат, Кириллов направил Тевкелева с отрядом для заготовки продовольствия к Верхне-Яицку, а сам тоже с отрядом выступил к Сакмарскому городку (сейчас районный центр Сакмарского района). Прибыв в Сакмарск, Кириллов казнил взятых в плен вождей восстания - Асунгула Кильмакаева и других. Из Сакмарска он направился к Мензелинску.

Поход Кириллова превратился в кровавое шествие, освещаемое заревом пожарищ. Все деревни на своем пути Кириллов сжигал, башкир убивал и казнил, имущество их и продовольствие отбирал или уничтожал, предполагая этими мерами подавить восстание.

Отряд Тевкелева действовал не менее жестоко. Тевкелев сжег около 50 башкирских деревень, поголовно уничтожал мужское население, он группами загонял людей в амбары и поджигал их. Башкирских девушек и женщин Тевкелев отдавал на дикую расправу своим соратникам или передавал в собственность своим людям.

Кириллов и Тевкелев думали жестокой расправой подавить восстание, но просчитались. Их действия вызвали жгучую ненависть со стороны башкир. Против угнетателей поднялась вся Башкирия. В Петербург полетели тревожные донесения, и правительство не замедлило бросить в Оренбургский край на подавление восстания крупные военные силы.

Вновь назначенному казанскому генерал-майору А. И. Румянцеву выделяются 6000 солдат, казаков и калмыков, даются чрезвычайные полномочия. 19 сентября Румянцев прибыл в Мензелинск, где встретился с Кирилловым. Их взгляды на методы ликвидации восстания расходились. Румянцев был сторонником таких мер и реформ, которые постепенно должны были внедрить в сознание башкирского народа необходимость подчиниться Русскому государству. Кириллов настаивал на том, чтобы привести к покорности огнем и мечом. В Мензелинске они пришли к временному соглашению, выработали проект действий, но, независимо от этого, каждый из них представил сенату свое мнение. На первых порах восторжествовало мнение Румянцева.

Мстя за восстание, правительство проводит ряд мер, направленных на ущемление интересов башкир и ликвидацию тех вольностей, которыми башкиры пользовались на основании указов прошлых лет. В числе таких мер можно назвать указ от 11 февраля 1736 г., разрешающий куплю и аренду башкирских земель. Все башкирские тарханы лишаются своих прав и переводятся в ясашных, т.е. обязанных платить ясак. Кроме того, так называемые, ново-башкиры, т. е. люди, поселившиеся в Башкирии после башкир, уравнивались в правах с последними. Они могли теперь не платить участникам восстания арендной платы за землю и даже отбирать ее в собственность. Это поставило новобашкир в положение хозяев, т. к. в восстании участвовали почти поголовно все башкиры. Эти же меры разжигали антагонизм между местным населением.

Башкирам было запрещено собираться на собрания и съезды, строить мечети и школы, родниться с татарами. За вступление в брак с башкир взимались поборы лошадьми; башкирам запрещено было иметь оружие и даже открывать в селе кузницы.

В именном царском указе, изданном по сему поводу, читаем:

«Указали Мы: 1) В Уфимском уезде и Башкирских жилищах, кузнецов и кузниц не иметь и из городов кузнецов и насекальщиков не отпущать, а быть только в одних городах и то числу потребному без излишества; и кому потребны сошники, (косы, конская сбруя, те могут покупать и делать в городах. При чем прежние указы подтвердить, дабы из других уездов ружья и пороху, и свинцу, пансыре, сабель, луков, копей и стрел не ввозили и не продавали и не меняли, в чем особливо Воеводам крепкое смотрение иметь, и винных штрафовать по указам.»

(Полное собрание законов Российской империи. 1736 год. 11-го февраля. Закон № 6887, стр. 738.)

Следствием всего этого было то, что в край устремились безудержным потоком помещики, купцы, предприниматели, которые старались любым способом приобрести возможно большее количество земли, так как хорошо были известны высокое плодородие приуральских земель, богатые залежи полезных ископаемых и неиссякаемые запасы топлива в виде девственных лесов.

Колонизация сопровождалась разорением башкирского населения, она несла нищету, разруху и голод. Не видя выхода из создавшегося положения, башкирский народ собирает силы для борьбы с угнетателями. Несмотря на жестокую расправу Кириллова и Тевкелева, восстание полыхает над всем краем.

В начале 1736 г. Кириллов отправился в Петербург и подал царице докладную, в которой доказывал, что восстание можно подавить только путем репрессий. В докладной он пишет: «не соизволено-ль будет воров-башкирцев от Сибирской и Казанской стороны утеснять, разоряя сплошь, а у тех, которые к воровству не приставали, взять в города... амонатов... Теперь самое удобное время действовать против башкирцев - март и апрель месяцы: сами они голодны и лошади худы».

Царица этот проект утвердила. Мнение Кириллова восторжествовало. Румянцеву был послан указ о подавлении восстания любыми средствами.

Весной 1736 года военные части Румянцева были пополнены несколькими полками, снятыми с Царицынской линии. Для подавления восстания было самое удобное время: у башкир не было ни продуктов, ни фуража.

В глубь Башкирии устремились в несколько потоков войска. Румянцев «действовал» по Сибирской и Осинской дорогам. «Работа» Румянцева скоро дала свои плоды, что видно из его мартовского донесения сенату. В нем говорится, что отряд, предал огню несколько десятков деревень и убил более 2000 башкир.

Отряд, возглавляемый Кирилловым, действовал на Ногайской дороге; он сжег около 200 деревень, казнил 1000 человек и роздал в рабство около 100 человек.

Навстречу Румянцеву, по левому берегу р. Белой, шел с отрядом Аксаков, который сжег около 100 деревень и убил до 1000 человек.

Когда Румянцев вступил в Мензелинск, где было сосредоточено много пленных, он казнил 500 человек, взятых в плен, и роздал в рабство более 500 женщин и детей. Несмотря на невиданную по жестокости расправу, восставшие находили силы для продолжения борьбы. Они хотели пленить самого Румянцева, и с этой целью 29 июня более 7000 человек под руководством Кильмяка-Абыза у деревни Урманеевой, в 120 верстах от Уфы, напали на его лагерь, окружили, но безуспешно. Румянцев требовал нового подкрепления. На его требования в край было прислано 3000 солдат и яицких казаков, которые немедленно были введены в «дело». Еще с большей силой запылали башкирские села, еще сильнее полилась кровь. В трех больших сражениях (на рр. Неке, Казе и под Табынском) основные силы восставших были разбиты. Башкирское население, охваченное ужасом, убегало в леса и горы. Измученный народ был лишен жилищ, продовольствия, перед ним стояла голодная смерть.

К началу 1737 г. восстание было временно подавлено, виднейшие вожди восстания, Акай Кусюмов и Кильмяк-Абыз, взяты в плен. В ряде городов (Сакмарск, Мензелинск, Уфа) работали специальные комиссии, казнившие немало участников восстания. Воспользовавшись подавлением восстания, Кириллов приступил к осуществлению своих планов о построении

новых крепостей, чтобы со всех сторон сжать Башкирию. Он отправился по реке Сакмаре во главе экспедиции, и сам указывал места для постройки крепостей, оставляя там небольшие гарнизоны.

В своем донесении в Петербург от 27 октября 1736 г. Кириллов отмечает, что по Оренбургскому краю уже было 21 укрепление-крепости: Оренбургская, Губерлинская, Орская; форпосты: Средний, Бердский, Крылов, Кородавный, Верхний, Сорочий и Тоцкий; укрепления: Бузулукское, Борское, Красносамарское, Табынское, Красноуфимское, Елдяцкое, Кубовское, Миасское, Кизилтажское, Чебаркульское и Калмыцкий брод.

Крепости были расположены на небольшом расстоянии друг от друга, не более 65 верст. Из всех названных крепостей и укреплений только два, Оренбург и Бузулук, были более или менее людными, а в остальных населения было мало, и состояло оно главным образом из тех незначительных гарнизонов, которые были оставлены Кирилловым.

Хотя восстание было и подавлено, но Кириллов боялся на зиму оставаться в Оренбурге и штаб-квартиру экспедиции поместил в Самаре. Он назначил в Башкирии старшин, которые под угрозой смертной казни должны были следить за настроением населения и сообщать, обо всем экспедиции. Население было обложено поборами и налогами: и без того обнищавший и разоренный народ должен был поставлять продовольствие и фураж для оставленных на постой войск.

Между тем зимой 1736-37 года в Оренбурге разыгралась тяжелая драма. Оренбург должен был снабжаться продовольствием из Сибири через Верхне-Яицкую крепость. Но во время восстания последнюю повстанцы разорили, сравняли с землей. Оренбург оказался отрезанным от внешнего мира и предоставленным самому себе. Провиант был на исходе, надежд на его получение не было. Бушевала зима.

Чтобы сохранить на более длительное время провиант и тем предотвратить голод, комендант крепости Чемодуров отправил из Оренбурга в Верхне-Яицкую крепость восемьсот солдат, выдав им на две недели провизии. Отряд должен был идти при лютых морозах по горам, неизвестным дорогам, по безлюдной местности. Обмундирование было плохое. Через несколько дней в Оренбург из отряда возвратились около 300 человек. Из них здоровыми оказались только 150, а остальные были обморожены. 500 человек из отряда замерзли в пути и похоронены оренбургскими буранами. Так капитализм на костях трудящихся всех наций пробивал себе дорогу к расцвету.

На смену Чемодурова и для оказания помощи оренбургскому гарнизону из Сакмарска был отправлен премьер-майор Останков с отрядом и провизией. По пути к Оренбургу он основал крепость Верхне-Озерную, которая была по Яику второй после Оренбурга. В крепости остался гарнизон из одной роты драгун, полуроты пехоты, пятидесяти казаков из русских и татар и несколько добровольцев из яицких казаков. Главным укреплением Верхне-Озерной, как и большинства крепостей того времени, являлся ров и вал, на котором были установлены пушки.

Кириллов был настойчивым человеком. Раз наметив план, он всеми силами стремился к его осуществлению. Он считал, что только тогда Оренбургский край будет покорен, когда он весь будет пронизан линиями крепостей, только тогда будет ликвидирована угроза восстаний покоряемых народов, когда в крае будет сосредоточена военная сила. К этому он стремился, но своих замыслов осуществить не мог. Умер Кириллов 14 апреля 1737 г.

Деятельность Оренбургской комиссии

После смерти Кириллова начальником края был назначен Татищев, а экспедиция была переименована в Оренбургскую комиссию. Татищев ранее работал начальником екатеринбургских заводов и был известен как образованный по своему времени человек, историк, неплохо знающий край. Но к подчиненным он был строг и требователен, а сам был казнокрадом и взяточником. На Татищева поступали различные доносы, в результате которых его переводили на другое место. Поэтому Татищев считался неуживчивым человеком. Башкиры знали Татищева как своего непримиримого врага.

Новый начальник края хорошо знал о взяточничестве мелких начальников, о злоупотреблениях при сборах ясака, о нищенском положении населения. Вступив в управление, он пытался провести ряд мер по внутреннему устройству края. Татищев собрал в городе

Мензелинске совет, в котором приняли участие генерал Соймонов, Тевкелев, уфимский воевода и другие военные чины. На этом совете и была переименована экспедиция в Оренбургскую комиссию. Татищев стремился найти союзников среди башкирского населения. Он ликвидировал особую категорию «ясашников», т.е. чиновников, занимавшихся исключительно сбором податей. Сбор ясака был передан башкирским «выборным» старшинам из богатеев. Интересы этой группы в известной степени смыкались с интересами правящего класса России.

Татищев обязал помещиков и купцов содержать отряды, которые должны быть всегда в боевой готовности.

Однако ни совещания, ни разработанный план действий положения в крае не изменили. Прибывающие колонисты захватывали все больше и больше башкирских земель, вытесняя коренное население в места менее удобные и сокращая их пастбища.

Военные командиры продолжали бесчинствовать, грабить, зверски издеваться над населением, по-прежнему продолжались казни и кровавые расправы. Особенно свирепствовал генерал Соймонов, он отрубал башкирам руки и ноги, отрезал языки и уши.

Башкирское население снова было выведено из терпения и с оружием в руках поднялось против притеснителей. Восстание приняло затяжной характер.

В Башкирию для подавления восстания вторгся Абулхаир, хан Малой орды, он начал уничтожать и грабить все на своем пути, но такой союзник был Татищеву невыгоден, и хан ушел на свою территорию.

Татищев продолжал выполнять планы Кириллова по застройке новых крепостей. При нем в 1738 году основаны на Яицкой линии следующие крепости: Тевкелев брод (Ново-Сергиевская), Переволоцкая, Чернореченская, Елшанская, Карагайская, Иткульская и достроены Губерлинская и Орская.

Татищев пришел к заключению, что место для центрального города края выбрано неудачно: во время весеннего разлива вода затопляла город, строительного материала, а в частности леса, близко не было. Вокруг города расстилались необъятные степи, по которым в связи с башкирскими восстаниями было почти невозможно пробраться к центру, а также в город с припасами.

Поэтому он решил строить Оренбург на другом месте. При поездке по Яику Татищев облюбовал для Оренбурга строительную площадку на урочище Красная гора. Он снял план местности и представил в Петербург доклад, обосновывающий необходимость перенесения Оренбурга к Красной горе.

Татищев пытается завязать торговые сношения с Азией. В 1738 году он организует в Оренбурге первую ярмарку, но она ожидаемых результатов не дала, так как купцы, в связи с восстанием в крае, боялись, что их караваны будут в пути разграблены. Татищев ведет переговоры по вопросам торговли с Абулхаиром и, заручившись обещанием оказывать содействие в торговле с Средней Азией, отправляет в 1738 году караван с товарами на 20000 рублей. Для охраны каравана был послан отряд солдат под командой поручика Карла Миллера. Благополучно миновав степи Малой и Средней орд, караван вступил во владения Большой орды и уже был близок к своей цели, как неожиданно близ Ташкента, у урочища Балахаш Пир, 2 ноября был встречен вооруженными отрядами одного из старшин Большой орды и полностью разбит и разграблен. Все люди, сопровождавшие караван, были взяты в плен и уведены в степи.

Таким образом, попытка Татищева проложить торговый путь в Азию не увенчалась успехом. В феврале 1739 года он был вызван для доклада в Петербург и там освобожден от поста начальника края. Правительство явно было недовольно затянувшейся борьбой. Оно надеялось в короткое время усмирить и приручить население Оренбургского края, чтобы двинуться дальше на юго-восток, но экспедиция при Кириллове и комиссия при Татищеве за 5 лет пребывания в крае ощутимых результатов не добились, хотя было затрачено много средств. Край по-прежнему требовал все новых и новых затрат, требовал увеличения военных сил.

Для быстрейшего подавления восстания и усиления военного положения в крае начальником края, вместо отозванного Татищева, назначаются военный генерал Урусов, который был известен своей жестокостью. Новому начальнику рекомендовали при подавлении восстания не стесняться в выборе средств.

Указания правительства, совпадавшие с убеждениями Урусова, определили дальнейший

ход событий в крае. Сенат дал Урусову поручение построить сеть новых крепостей по Яику на границе между Башкирией и Малой ордой. Крепости должны были вытянуться длинной линией вдоль по Уралу, отклониться в сторону по рр. Ую и Тоболу. Это делалось для того, чтобы воспрепятствовать объединению башкир и казахов и не допустить ухода восставших в казахские степи.

Как уже выше упоминалось, Оренбургский край был местом, куда устремлялись бежавшие от помещиков крепостные крестьяне, раскольники, ушедшие от наказания преступники, дезертиры и др. Правительство опасалось, что эти люди также могут присоединиться к восставшим, поэтому сенат издает указ об отправлении беглых по местам прежнего жительства.

Русского населения в крае в то время было мало. Отдельные населенные пункты, на которые могли опираться чиновники, были редкими островками среди широких степей. Самыми надежными людьми в крае были служилые люди. Для увеличения служилого элемента правительство снимает Закамской линии ландмилицкие полки и заселяет ими пограничные крепости Оренбургского края.

В ответ на докладную Татищева 20 августа 1739 года сенат издал указ о перенесении Оренбурга к урочищу Красная гора. Город, построенный при впадении р. Орь в Яик, был назван Орской крепостью (нынешний Орск). Ниже мы приводим текст этого указа:

Год 1739, августа 20. № 7876.

Именной, данный генерал-лейтенанту князю Урусову - О перенесении города Оренбурга к Красной горе... 1. Город Оренбург, строить на изысканном месте вновь при Красной горе, а от того места вниз по Яику до пристани и от пристани вниз по Самаре реке до Красно-Самарска а от оной же Красной горы вверх по Яику до Верхояицкой пристани, построить крепостцы в удобных к поселению и в крепких для безопасности местах, изыскивая, чтоб довольныя были воды и в близости леса и луга и удобныя земли к пашне, и чтоб такие были при тех пашенных и сенокосных местах леса или буераки, где б можно было работающим спасать себя при случаях от незапных неприятельских набегов, и где такая для защищения места выбраны будут, там учинить засеки или обделать рогатками или надолбами, а внутрь тех мест лесов рубить не велеть, под жестким наказанием; а без того на открытых и опасных местах слобод не селить, но выбирать места к поселению, с рассмотрением по вышеписанному и селить при тех крепостях Ландмилицкие Закамские полки и прочих старых служб, из которых те полки набираны и казаков не меньше дву рот на одном месте, дабы всякой один полк не распространялся далее ста верст, а что близь, то за наилучшее признается, дабы во время неприятельских нападений вскоре собраться могли, а от Верхояицкой пристани, вниз по реке Ую и по реке Тоболу до Царева городища, также строить крепостцы и селить; а ежели такая крепкия и к поселению удобныя места одно от другого в дальнем разстоянии, а именно, не ближе пятидесяти или сорока верст придет: то между поселения поделатъ малые редуты для содержания караулов и убежища от неприятеля приезжим людям, и при тех редутах иметь высокий караульни на столбах, дабы с одной до другой часовым видеть и неприятеля усмотреть было можно, и чтоб от редута до редута, или пушечным выстрелом, или через зажжение маяков дать знать было можно. А прежний Оренбург именовать Орская крепость, и что Оренбург на новом месте имеет быть построен, о том вам сообщить к Абдулхаир-Хану, для единого токмо известия, представя ему те резоны, для чего перестроение онаго города ныне определено, а именно, что то место, на котором прежний Оренбург построен, неудобно к укреплению и к поселению людям, а помянутое новое место к построению того города усмотрено перед прежним удобнее и для произведения купечества способнее, також и их купцам к тому новому Оренбургу ближе и способнее будет приезжать, и что оно для их же пользы и лучшей выгоды делается.

(Полное собрание законов Российской империи. 1739 год, 20-го августа № 7876, стр. 867, 868.)

Вступив в управление, военный генерал князь Урусов колонизацию края проводил огнем

и мечом. Жестокость Урусова вызывает в марте 1740 года новую волну восстаний. Теперь во главе восстания стал молодой вождь, башкир Карасакал. Это был очень умный и развитый человек; он отличался большой силой воли, настойчивостью, сказочной храбростью, приводившей в восторг его соратников. Среди степных всадников трудно было сыскать человека, который бы мог сравниться с Карасакалом умением джигитовать, владеть копьем и луком.

Стремясь поднять на борьбу весь башкирский народ, Карасакал говорил, что когда он был в Мекке, то у гроба Магомета получил меч для борьбы с «неверными», т.е. исповедывающими немагометанскую религию.

О Карасакале распространялись слухи, что он является султаном Гиреем, братом Джунгарского хана, который покушался на его жизнь и незаконно лишил наследства; говорили о том, что на помощь Карасакалу скоро придет многотысячное войско. О нем идет слава, как о будущем башкирском хане, о его силе и храбрости слагаются песни. Ненависть к угнетателям, окрашенная религиозным фанатизмом, превратила восстание в одно из самых сильных. Это восстание охватило все башкирское население.

В мае месяце 1740 года Урусов выступил из Самары в поход, имея при себе около 6000 войска. Курс был взят на Красную гору, где по указу повелевалось строить новый Оренбург. Но по пути, около Бузулука, был получен срочный указ из Петербурга - немедленно приступить к подавлению восстания.

15 июня Урусов прибыл в Сакмарск, где собрал генеральный совет для обсуждения вопроса о подавлении восстания. Здесь было составлено воззвание, требовавшее у восставших немедленного подчинения и выдачи руководителей. За поимку Карасакала была установлена крупная награда, которую, однако никто не получил, так как Карасакал не был выдан.

Войска Урусова были разделены на отдельные отряды, которые 21 июня и выступили из Сакмарска в Башкирию по различным направлениям. Командиры отрядов получили от Урусова строгий наказ при помощи оружия внушить башкирам «потомственный страх», раз и навсегда расправиться с восставшими. Сам он с отрядом направился на Красногорск и Озерную крепость.

Несмотря на храбрость, башкирские войска при встрече с отрядами Урусова были разбиты, и с ними началась расправа. За десятидневное пребывание у истоков реки Таналыка, Урусов многих пленных предал смертной казни, женщин и детей роздал в рабство.

У Верхне-Яицка орудовал отряд полковника Арсентьева и подполковника Пальчикова. Разбив восставших, они взяли 79 заложников и больше 5000 пленных. Пленные были отправлены в Оренбург (Орск), заключены в особый лагерь и с ужасом ждали решения своей участи, которую должен был решить Урусов, находившийся в это время в отлучке. Ждали его приезда. Вскоре в крае было организовано две судебных комиссии: одна в Оренбурге (Орске), другая в Мензелинске. Мензелинской комиссией руководил сам Урусов. Действия и пытки этих комиссий можно сравнить только с пытками средневековой инквизиции. Ужас охватил народ; являясь к Урусову, башкиры падали на колени и молили о пощаде, но пощады никому не было. Слезы и стон охватили Башкирию.

Разбитый Карасакал с группой приверженцев ушел в казахскую степь. Восстание было подавлено, но расправа продолжалась, что видно из указа, данного Урусову, выдержки из которого мы приводим ниже:

Всеподданнейший ваши доношения от 21 июня и от 10 и 14 чисел июля сего 1740 года, которыми вы доносите о Башкирских обращениях, исправно получены и на оныя вам в резолюции объявляется:

1. Учиненное Вами обще с Штаб-офицерами июня 9 дня с искоренении бунтующих воров Башкирцов и о приходящих с повинною определение, с которого от вас прислана копия, апробуется, по которому вы и поступить имеете, и сверх того стараться вам изыскивать других удобных к тому способов, через которые б возможно было, не допуская до дальнейшего к такому злу расширения, всех тех воров конечно искоренить и все воровские их поступки к спокойствию привести, еже все чинить вам, как прежними указами поведено и по своему благоизобретению, усматривая по их воровским обращениям, ибо отсюда обо всем подробно и точно в резолюции предписать вам невозможно, токмо при том вам крепко подтверждается, чтоб всеконечно стараться нынешним удобным временем тамошнее замешание

основательно успокоить и бунтующих видов, как возможно, искать и искоренить, ибо ежели по недавно опубликованным указам и по действительном вступлении с войском нашим в их жилище, еще с каким упущением времени и ожидая либо их повиновения поступлено будет, то сие только тем вора в потачку, а удобное к действиям время проходить может, и тогда уже не токмо нынешний поход вам с войском без надлежащей пользы втуне обратиться, но и тем вора к новому усилению напрасно время дастся.

Главного вора и возмутители Карасакала, о котором вы имеете известие, что он по разбитии ушедшего с ним воровского его собрания Киргиз-Кайсаками пойман и имеется ныне Конжилинского роду у Абыза, возможными мерами стараться вам, чтоб его оттуда конечно, живого достать и о всех его воровских возмущениях и разглашениях подробно разспросить, и о том в кабинет наш со обстоятельствам писать, а его Карасакала до указа нашего держать под таким наикрепчайшим караулом, чтоб никак уйти и вновь злодейского возмущения учинить не мог; а союзников его, с кем он на такое воровство умышлял; по показанию его сысков, всех искоренить, чтоб другие, смотря на то, в предбудущие времена страх имели».

(Полное собрание законов Российской империи. 1740 год, 9-го августа. Закон № 8200, стр. 215).

10 августа 1740 года Урусов прибыл в Оренбург (Орск). Он отдал распоряжение, чтоб башкирские старики немедленно выдали участников восстания. За скрытие объявлялась смертная казнь. Снова начались допросы, пытки и истязания.

По приезду в Оренбург Урусовым была проведена знаменитая «эзекуция», давшая ему славу палача. В 6 верстах от Оренбурга Урусов собрал массу народа, сюда же привели из лагеря пленных; в их присутствии была произведена казнь. Пять видных руководителей восстания - Контур Максимов, Янус Измаилов, Джиянгул Усекеев, Якуп Касимов и Курабаш были живыми посажены на железные кольца, водруженные на высоких каменных столбах.

11 человек были повешены за ребра на железные крючья, 85 человек преданы смерти через повешение, у 21 человека были отрублены головы и надеты на высокие кольца. Среди последних был один из организаторов восстания - Аландзиягула. Не желая быть казненным, он уморил себя голодом, умер до казни, но голову мертвого все же отрубили и водрузили на шест. Стоит ли говорить о переживаниях, о душевном состоянии пленных, на глазах которых были убиты их товарищи.

В это время Урусов получил известие, что в Оренбург должны прибыть послы из Хивы, Средней и Большой казахских орд. Не желая показать им подлинного лица царской, «провинции» и колонизации Башкирии, Урусов срочно отправляет из Оренбурга пленных в Сакмарск.

19 августа 1740 года в Оренбург прибыли сыновья Абул-хаира, хана Малой орды, султаны Нурали и Ерали со старшинами. Им был оказан пышный прием и преподнесены богатые подарки. 22 августа состоялась их официальная встреча с Урусовым. Они находились в Оренбурге (Орске) до 30 августа, а 30, даже не предупредив Урусова, поспешно откочевали к себе в степь. Причиной такой поспешности была боязнь, что Урусов задержит их в качестве заложников в Оренбурге (Орске), где содержался их брат Ходжармет. 24 августа прибыл хан Средней орды Абулмамет, принявший ханство в 1739 году, с султаном Аблаем и старшинами. Урусов употребил все средства, чтобы расположить к России хана и старшин, одаривал их деньгами и вещами, отпускал для их содержания продукты и вина. 28 августа 1740 года во время официальной встречи они присягнули русской царице.

1 сентября 1740 года хана Абулмамета в его лагере посетил Урусов. Он ставил целью договориться с ханом о развитии торговли, о прекращении грабежа караванов, идущих из Оренбурга в Азию и о всесторонней помощи Абулмамета. Последний обещал организовать охрану оренбургских торговых караванов; 2 сентября хан откочевал в свой стан.

4 сентября в казахские степи была отправлена экспедиция, возглавляемая поручиком Гладышевым. В составе экспедиции находились инженер Казимов и геодезист Муразин. Им поручалось осмотреть местность, нанести ее на карту и выбрать на Сыр-Дарье площадку для построения города.

Закончив с приемом представителей Малой и Средней орд, Урусов выехал в Самару через Сакмарск, где ожидали своей участи пленные башкиры, переведенные туда из Оренбурга (Орска). В Сакмарск он прибыл через несколько дней и 17 сентября произвел над пленниками новую экзекуцию, еще более жестокую, чем в Оренбурге. У 125 человек, были огрублены головы, 50 человек предано смерти через повешение и у 301 человека отрезаны носы и уши; остальные были отпущены в свои села. Оставшиеся в живых пленники должны были рассказать башкирскому народу, как царская власть расправляется с теми, кто осмеливается поднять голос протеста против самоуправства.

Возле Сакмарска есть холм. Летом он покрыт зеленой травой, к вершине холма восходит узкая тропинка, не зарастающая травой. У жителей Сакмарска сохранилось поверье, что когда-то давно на этом холме было казнено много лютей, что отрубленные головы окатывались к подножью холма по тому месту, где сейчас вьется тропинка, и будто с тех пор тропинка никогда не покрывается зеленью. Возможно, что это преданье ведет свое начало со времени урусовской экзекуции.

Урусов выполнил ту задачу, которая на него была возложена. Он жестоко подавил башкирское восстание. Башкирский народ был обессилен и запуган. С 1735 по 1740 год десятки тысяч башкир были преданы смертной казни и отданы в рабство. Имущество было разграблено. Из рапортов и отчетов командиров отрядов видно, что в 1735 году уничтожено 500 человек и отдано в рабство 20 человек. В 1736-37 году предано смертной казни 5192 человека, отдано в рабство женщин и детей 1657, сослано в ссылку 1652 человека. В 1738-39 году и, главным образом, в 1740 году при Урусове казнено 10880 человек, отдано в рабство женщин и детей 6705 и сослано 1584 человека. Кроме этого, в Сакмарске отрезаны носы и уши у 301 человека; всего за 5 лет, с 1735 по 1740 год, местного населения, главным образом башкир, уменьшилось на 28491 человек. За это же время отобрано у башкир 12383 лошади, 6076 коров и овец, разорено и сожжено 696 деревень.

Сколько убито людей, ограблено и сожжено деревень вне всяких официальных данных - учету не поддается.

Основание города Оренбурга

В 1741 году Урусов умер и временно начальником края был назначен генерал Соймонов. При Соймонове Оренбургская комиссия находилась в Мензелинске. До его назначения, в первой половине августа, был заложен город Оренбург у Красногорского урочища (там, где в настоящее время ст. Красногорская), но между руководителями строительства возникли разногласия по поводу выбора строительной площадки, поэтому начатые земляные работы были приостановлены до назначения нового начальника края. После назначения Соймонова развернулось строительство города. В новом городе, кроме гарнизона, населения не было, и Соймонов добивается у правительства разрешения переселить в Оренбург часть самарских дворян и самарских казаков.

Несмотря на длительную борьбу, «навести порядок» в Башкирии не удалось. Оренбургский край еще нельзя было считать надежной военно-стратегической базой, которая могла бы обеспечить дальнейшее продвижение в Азию, спокойствия не было. Переселяющиеся колонисты захватывали башкирские земли, грабили их имущество. Башкиры объединялись в небольшие группы, нападали на русские поселения, сжигали и угоняли скот. Большое беспокойство вызывали казахи. Они, переправляясь через Яик, нападали на башкир, калмыков и русских, грабили их поселения, угоняли скот и уводили людей в плен. Ответом являлись набеги на казахские улусы. В общем, положение в крае было тревожное, напряженное. Первоначальные задачи, возложенные на Оренбургскую экспедицию по развитию промышленности в крае и установлению торговых сношений с Азией, не были разрешены.

В начале 1742 года Соймонов был отстранен от должности начальника края и на смену ему назначен И. И. Неплюев. Ознакомившись с положением в крае, Неплюев пришел к заключению, что прежде всего необходимо заняться его устройством в военно-стратегическом отношении и построить ряд крепостей. В первую очередь он решил строить крепости на границе с казахской степью, дабу усилить эту линию, пресечь набеги из-за Яика, отделить башкир от казахов и этим затруднить возможность объединения этих народов. Летом 1742 года Неплюев

объехал пограничную линию, и сам наметил места дальнейшего построения крепостей и редутов по рекам Яику, Ую и Тоболу. Намеченный план был выполнен: в 1743 году построено 8 крепостей: Таналыцкая, Уртазымская, Кизильская, Троицкая (впоследствии гор. Троицк), Каракульская, Крутоярская и Усть-Уйская и 18 редутов: Калпацкий, Тереклинский, Орловский, Березовский, Грязнушинский, Сыртииский, Ашенский, Верхнекизильский, Спасский, Свяжский, Ерездинский, Подгорный, Саларский, Ключевский, Луговой, Когордыцкий, Озерной. Большинство названий этих крепостей и редутов сохранилось до наших дней.

Основывая Троицкую крепость, Неплюев рассчитывал превратить ее в главный после Оренбурга торговый центр.

Побывав у Красногорского урочища, где строился Оренбург, Неплюев остался недоволен избранным местом и отправился вниз по Яику, чтобы подыскать более удобное. Выбор Неплюева остановился на территории, которую занимала Бердская крепость, расположенная на возвышенном и крутом берегу р. Яика, недалеко от впадения в него реки Сакмары. Место было более выгодно: вблизи находились запасы строительного камня, по Сакмаре можно было сплавлять строительный лес к городу. По военно-стратегическим и торговым соображениям Бердская крепость также имела преимущества - летние кочевья казахов находились недалеко, по реке Илеку.

Обосновав свой проект, Неплюев направил сенату докладную с просьбой разрешить перенести строительство Оренбурга от урочища Красная гора на место, занимаемое Бердской крепостью.

Возвращаясь из Бердской крепости в Орск, Неплюев заложил в июле месяце 1742 года Вязовский редут, а осенью, проездом из Орска в Самару, заложил еще три крепости: Ильинскую, Воздвиженскую и Пречистенскую.

Сенат, рассмотрев проект Неплюева о перенесении Оренбурга на место Бердской крепости, представил соответствующий доклад на утверждение императрицы. В докладе читаем:

«В прошлом 1734 году мая 18 дня, по именному указу... Оренбург построен на Бухарской стороне при реке Яике, а от 20 февраля 1739 года тайный Советник Татищев доносил, что тому городу, в коем по силе привилегии немалому купечеству и многим жителям надлежит быть, за неудобностью, где он Кириллов застроил, не можно, для того: 1. что то место помывает водою, 2. удалено от всех Российских городов и отделено горами, и трудность вверх по Яику до оною всходить; 3. около оною земля песчаная и сеять не можно; 4. лесов весьма недостаток; - и по тому его Татищева доношению, Именным Ея ж Величества Августа 20 числа того же 1739 года указам велено было оный Оренбург для представленных от него резонов, строить при урочище Красной горы, кое от прежнего места ближе 140 верст, в коем месте оный город прошлого 1741 года августа 6 числа заложен, и в том же году только на 150 сажень рва, глубиною в один аршин, с половиною аршина вынята. А ныне тайный советник Неплюев доносит, что и оною при Красной горе место к строению того города неспособно, ибо де от реки Яика удалено, оно ж окружено горами и к дефензи неудобно, к полуденной стороне подошли все поемные места и стоящая озера, от чего воздух огустевает и нездоров делается, чему тот опыт, что ни в котором гарнизоне столько больных не найдено, как тут; да и при главной команде как оный Тайный Советник ныне следовал, хотя она не более двух суток при той горе стояла, в людях особливая тяжесть усмотрена; лесу такое недовольство, что ежели тут настоящий Оренбург строить, то по имеющемуся в нем людству и на дрова в пять лет так оскудеют, что в 50 верстах оною не будет, а к построению де того наивысшего Оренбурга, дабы оною Всемилостивейшею привилегиею снабденный город на таком месте единожды застроен был, чтоб, как тамошний гарнизон, и все по содержанию упомянутой привилегии поселяемые люди, в нужном к их пребыванию всякое довольство и способ всегда иметь могли, по согласному его Тайного Советника с находящимся тамо Штаб - и Обер-офицеры рассуждению, избрано место при Бердской и крепости, для следующих способов: 1. Все то, что по Яику есть, в оную получить почти равной, как бы и к Красной горе, и сверх того тот способ, что Сакмара река от Бердской крепости в 6 верстах, откуда, как лес, так и все вниз

рекою получить же будет способно. 2. Под крепость будет место ровное и окружено ныне с двух сторон рекою Яиком, а и к третьей стороне провести оную реку без многого затруднения можно, которое ж селение от реки и поотдалится, то способно колодзи выкопать, так же и крепости строить такого затруднения, как бы при Красной горе, не будет, ибо земля мягкая, а хотя к восточной стороне и пошла невысокая гора с камнем, но она с пользою занята будет в крепость; в ней же найден довольный камень, что не за трудность, но за способ почитается. 3. Изо всех по Янку мест лучшее тут хлебопашество усмотрено и пахотной земли, сенных покосов, рыбных озер, одним словом, всего того при великом городе к довольству и жительству людскому на всегдашнее время нужно, тут же от Черемшан у и других мест в Сакмарский городок, который от того Бердска расстоянием всего 23 версты, на продажу хлеба довольно привозят и недорогой ценою продают, им же и отдатчикам четверикового провианта ставить до сего места никакой трудности не будет, сие же ко всем новостроящимся крепостям по карте за самую средину почесть можно, и повсюду способная коммуникация. 4. Известного и делового камня по Сакмаре реке от Бердска, токмо в 25 верстах, множество найдено, которое все тою рекою вниз в близость крепости получать способно. 5. Ежели и о торгу и о Кайсаках рассуждать, то к содержанию всего того больше удобства ибо Российским купцам приезд будет ближе, а и Азиатским, которые всегда ездят чрез Кайсацкия кочевья недалеко, понеже Кайсаки летом и осенью наибольше кочуют ныне в вершинах реки Илека, куда ближе всех других новопостроенных мест от того Бердска, а зимою обыкновенно кочуют они на низу той реки Илека и по Яику еще гораздо ниже той Бердской крепости за Татищеву пристань, и к Яицкому казачьему городку, и тако они к сему месту охотнее, нежели к Орску (что был прежний Оренбург) и помянутой Красной горе приезжать будут, оное ж Бердское место и от Красной горы расстоянием токмо 73 версты к тому ж, как вышеозначенный при той Красной горе ничего больше не сделано, как только малое дело рва, да и то несовершенно. И тако от построения при Бердской крепости того города, не только никакого убытка не будет, но еще де толь многия пользы из предписанного воспоследуют и тако де оное при Бердской крепости место за наилучшее рассудено и на письме поданными от сведущих о всех тамошних местах Штаб-Офицеров мнениями единогласно показано, что настоящему Оренбургу при Бердске за показными окрестностями быть полезнее и способнее... И о том Сенат всеподданнейше просит Вашего Императорского Величества Высочайшего Указа».

*(Полное собрание законов Российской империи.
1742 год. 15 октября. Закон № 8630, стр. 673).*

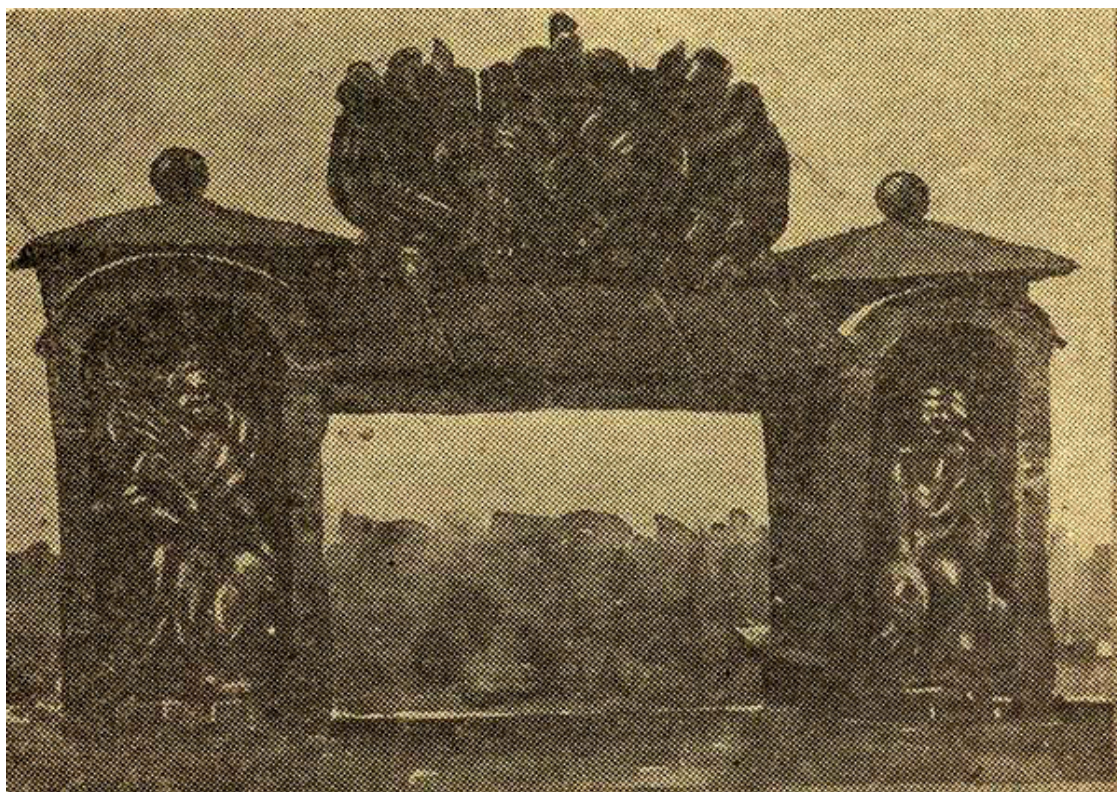
Доклад сената царицей был утвержден.

Получив указ, разрешающий построение Оренбурга на месте Бердской крепости и перенесение последней на левый берег реки Сакмары (где Берды находятся и сейчас), Неплюев в марте 1743 года отправил к Бердской крепости инженеров и команду под руководством Штокмана. 19 апреля 1743 года был заложен город Оренбург на том месте, где он и сейчас стоит. Для постройки города среди местного населения была введена трудовая повинность. Из разных концов края были собраны тысячи людей, которые, выполняя тяжелую работу, получали за это по две копейки в день. На стройке, из-за недостатка продуктов, цены поднялись, и рабочие голодали. Появилась цинга, от которой заболело около 1500 и умерло 631 человек. Но болезнь и смертность не приостановили строительства; на место умерших присылались другие.

К осени 1743 года, т.е. за одно лето, город по плану Штокмана вчерне был построен. Он имел форму многоугольника, южная сторона которого была расположена на высоком обрывистом берегу Яика. В нем было 11 полигонов и 10 бастионов - Успенский, Неплюевский, Никольский, фон-Штокманский, Голофеевский, Губернский, Воскресенский, Провиантский, Бердский и Торговый; у самого Яика - два полубастиона: Нагорный и Преображенский.

Город Оренбург тогда был обнесен валом высотой около 4-х метров и рвом, ширина которого достигала 10 метров, глубина - около 4 метров. Длина города равнялась 677 сажням и

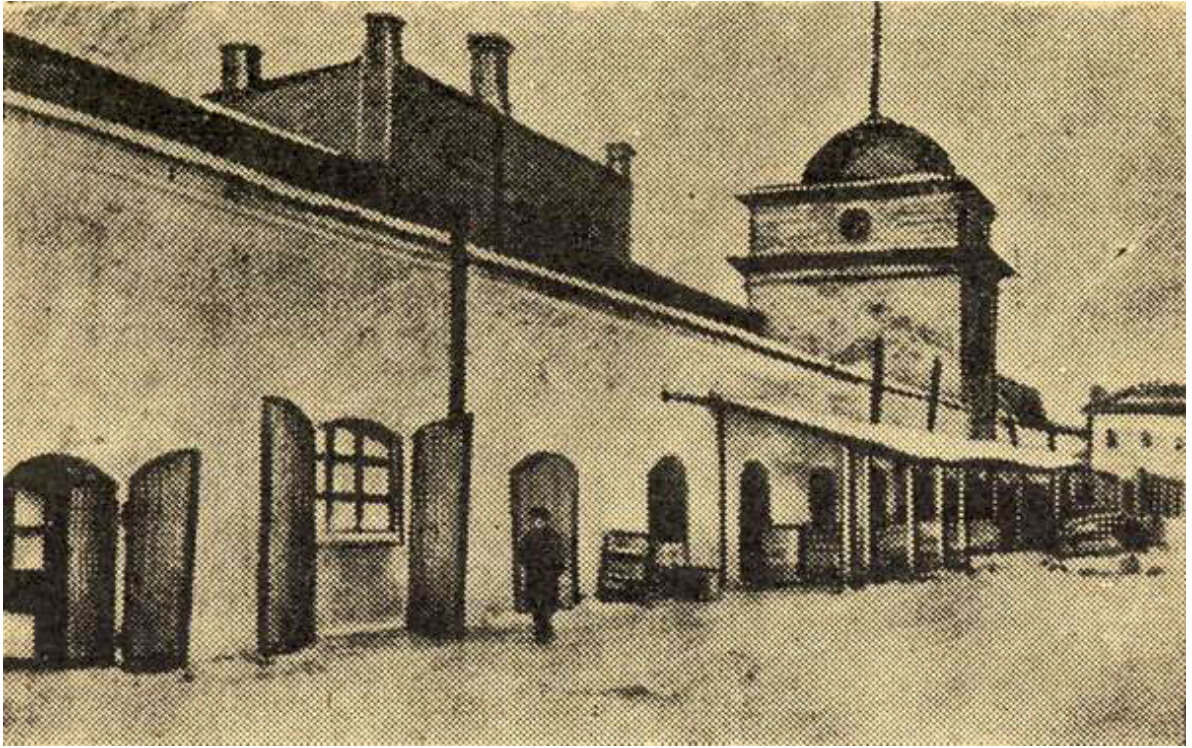
ширина - 570 сажням. Длина окружности по линии укрепления имела 5 верст 192 сажени. В город вели четверо ворот: на востоке - Орские, на западе - Чернореченские и Яицкие и на севере - Сакмарские. К Яику вели пятые ворота - Водяные, остатки которых уже в полуразрушенном состоянии были убраны в 1935 году при проведении благоустроительных работ на набережной (бульвар им. Свердлова).

Ворота Водяные

Рис. КУДАШЕВА

В городе имелись постройки не только для учреждений, но и дома для частного пользования. Дома возводились большие, массивные и в большинстве каменные. Лучшими зданиями были: губернская канцелярия, дом генерал-губернатора, полицейская и корчемная контора, почтовая контора, двор для заложников, гауптвахта, госпиталь, гарнизонная и полковая канцелярия, аптека и магазины.

Лавки гостиного двора

Фото ЕЛАГИНА

Прекрасным сооружением был гостиный двор, расположенный в центре города (остатки его сохранились и сейчас). Он ограничивался улицами: Губернской (теперь Советской), Орской (им. Пушкина), Офицерской (им. 9 января) и Казанской (им. Кирова).

Длина площади, занимаемой «гостиным двором», равнялась 104 сажням и ширина 94 сажням. Весь двор был обнесен высокой каменной стеной; внутри было расположено 150 лавок и амбаров. Они были устроены в отдельных сводчатых каменных секциях с навесами (часть этих лавок сохранилась и до наших дней). Среди гостиного двора было построено прочное каменное здание таможни, сохранившееся прекрасно до настоящего времени. Гостиный двор предназначался, главным образом, для зимней торговли.

Неплюев заботился об увеличении населения города. С этой целью он посылал самарским, казанским и уфимским купцам приглашения поселиться в новом городе. Им он давал большие льготы в торговле, предоставлял дешевые дома и помещения для лавок. Будучи умным человеком, Неплюев понимал, что в стратегическом отношении играют большую роль пути сообщения, связывающие Оренбург с Уфой, Казанью и Самарой. По направлению к Уфе он устраивает новый почтовый тракт, так называемую новую Московскую дорогу. На всем протяжении этой дороги Неплюев создает ямские слободы и дает жителям их большие льготы, к первую очередь - освобождение от воинской повинности.

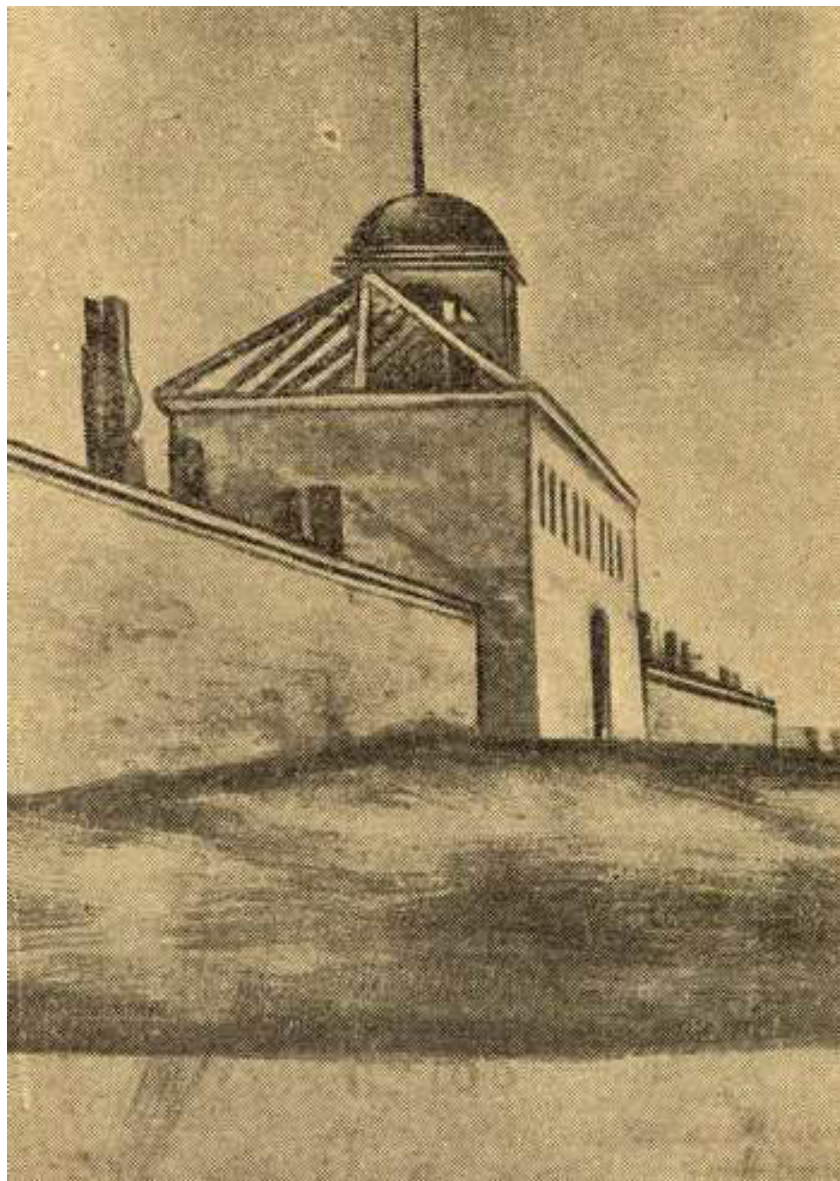
Стремление Неплюева в первую очередь построить военные казармы, тюрьму, церковь, гостиный двор и другие подобные сооружения довольно ярко говорит о том, для какой цели был построен Оренбург.

Всячески стремясь превратить Оренбург в торговый центр, Неплюев скоро убедился, что гостиный двор, приспособленный для зимней торговли, не может обеспечить роста развернутой меновой торговли, так как народы, кочевавшие за Яиком, на зиму уходили в глубь степи, возвращаясь только к лету на летние кочевья.

Желая обеспечить летнюю торговлю с казаками, Неплюев в 1744 году построил за Яиком, в виду города, Меновой двор (вначале деревянный, а потом каменный). Он имел форму четырехугольника, обнесенного со всех сторон высокой стеной. Внутри вели двое ворот: к Яику и в степь. Меновой двор имел 148 амбаров и 344 лавки. Внутри двора находился еще один двор, так называемый Азиатский, в котором было 98 лавок и 8 амбаров. Над воротами, обращенными к

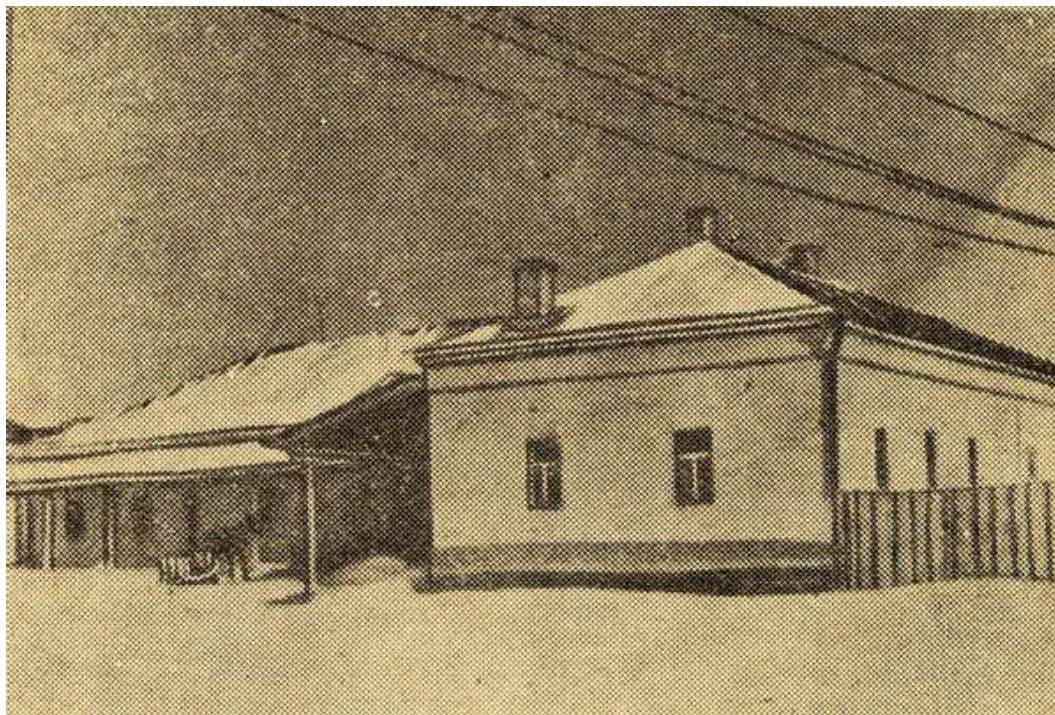
Яику, помещалась квартира таможенного директора, а над степными - пограничная таможня. Для защиты от нападений по углам стен двора находились батареи, обслуживаемые специальным гарнизоном солдат.

Привилегии, обещанные Неплюевым, привлекают в Оренбург переселенцев, и население его растет. В 1744 году казанский татарин Сеит Хаялин испросил разрешение переселить к Оренбургу 200 семей казанских татар и построить слободу.

Меновой двор

Рисунок КУДАШЕВА

Таможня в центре Гостиного двора

Неплюев запросил сенат и в марте месяце 1744 года подучил указ, в котором говорится:

«Приказали... татар принять только двести семей, а более не принимать, и при приеме их накрепко наблюдать, чтоб приниманы были люди пожиточные и торги производить могущие, от чего б в тамошнем, яко вновь заведенном месте коммерция распространялась и от того интересу Ея императорского величества было приращение, а подушныя деньги платить за них в те места, где оне положены, собирая с них из Оренбургской Комиссии, а рекрут с них не брать, а им, вместо, того когда случай требовать будет, служить с прочими нерегулярными около Оренбурга службы, також и мечеть им вне города, где их особо селение будет, по силе данной городу Оренбургу привилегии построить позволить, токмо всех их обязать, чтоб они в свой магометанский закон из поданных Ея императорского величества и на других народов, которые туда приезжать будут, никого не подговаривали и не превращали, под опасением жесточайшего по указам истязания...»

*(Полное собрание законов Российской империи.
1744 г. 8-го марта. Закон № 8893, стр. 39).*

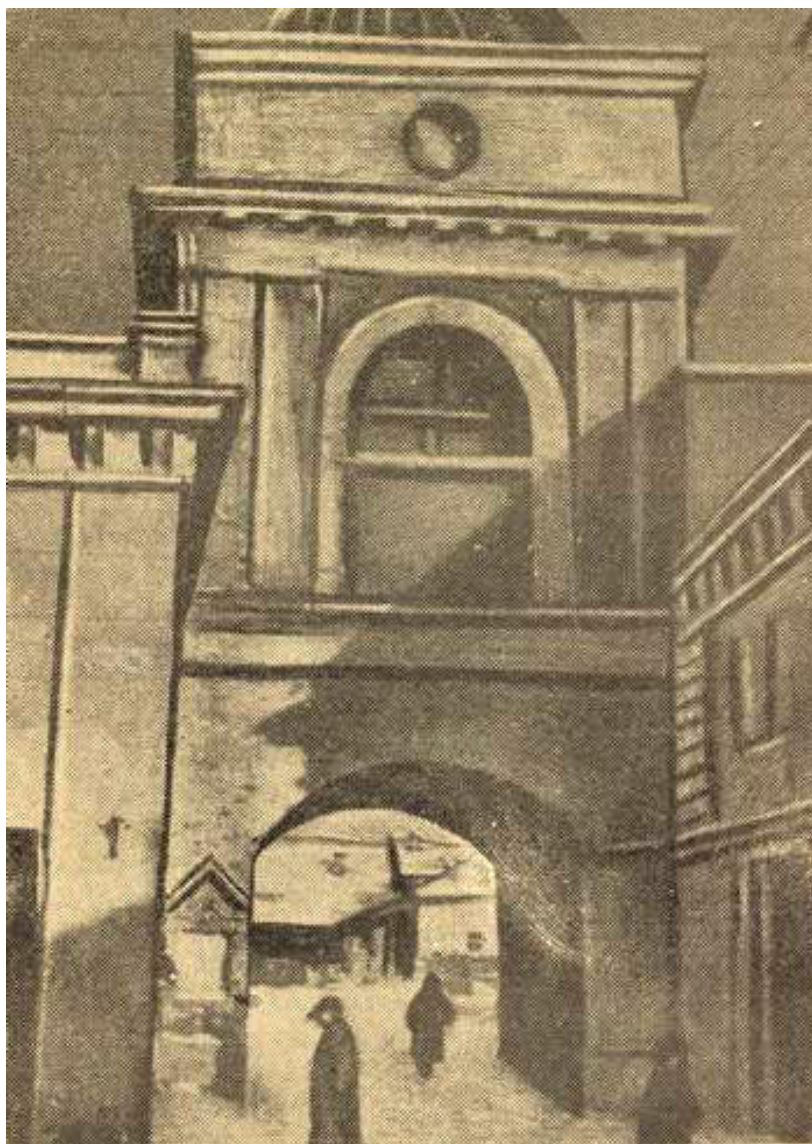
Эта слобода была заложена в 1745 году между Сакмарском и Оренбургом. Называлась она Сеитовской, а в настоящее время известна под названием Каргалы. Переселившиеся татары обязались заниматься хлебопашеством и хлопководством, но вскоре основным их занятием стала торговля.

Чтобы обеспечить рост торговли, Неплюев всю меновую торговлю с азиатскими купцами перенес в Оренбург, причем купцы, приезжавшие в Оренбург, платили самые низкие, по сравнению с другими торговыми пунктами края, торговые пошлины. Это также способствовало росту населения города в превращению его в торговый центр края.

Но было бы большой ошибкой думать, что Неплюев свое внимание сосредоточил на вопросах развития торговли. Понимая, что развитие торгов и промышленности в крае может быть обеспечено только при упрочении военного господства России, Неплюев достраивает и строит новые крепости, которые вытянулись в линию и замкнули край со всех сторон. Он стягивает со всех концов военные силы и доводит их количество до 20000 человек. Имея эти войска, расквартированные во всех крепостях и редутах, Неплюев твердо проводит политику, продиктованную дворянами и капиталистами.

По отношению к линиям укреплений Оренбург занимал центральное место. Основных

крепостных линий было 5, главное место среди которых занимала линия крепостей, расположенных по Яику. Она тянулась на громадном расстоянии от Верхне-Яицка до Каспийского моря. Яицкая линия разделялась на две части: Верхне-Яицкую и Нижне-Яицкую. Верхне-Яицкая линия шла от г. Оренбурга до Верхне-Яицкой пристани. В свою очередь Верхне-Яицкая линия разделялась на две дистанции: Красногорскую и Орскую.

Башня гостиного двора

Фото ЕЛАГИНА

В состав Красногорской входили крепости - Красногорская, Озерная, Ильинская и Губерлинская и редуты: Нежинский, Вязовой, Гирьяльский, Никольский, Подгорный и Разбойный. Орскую дистанцию составляли крепости: Орская, Таналыцкая, Уртазымская, Кизильская, Магнитная, Верхне-Яицкая и редуты: Колпацкий, Тереклинский, Орловский, Березовский, Грязнушинский, Сыртинский, Янгельский, Верхне-Кизильский и Спасский. Нижне-Яицкая линия начиналась от Чернореченской крепости (около 8 верст от Оренбурга) и тянулась до Каспийского моря. В состав ее входило 25 укреплений, среди которых было 3 города: Илецк, Яицкий городок и Гурьев. Всего по Яицкой линии насчитывалось 53 укрепления, которые имели постоянные гарнизоны. Во многих укреплениях находилась артиллерия. Эта линия охраняла присоединенный к России Оренбургский край от вторжения народов, кочевавших за Яиком, и являлась тем военным кулаком, при помощи которого русский царизм собирался нанести удар Средней Азии. От Оренбурга к Самаре шла Самарская линия, состоявшая из 11 укреплений,

среди которых были: Тоцк, Переволоцк, Бузулук, Елшанка, Сорочинск, Ново-Сергиевка и другие. Эта линия разъединяла башкир и калмыков, кочевавших также между Волгой и Яиком.

С Уфой Оренбург связывала Самарская линия, простиравшаяся от Оренбурга до Осы. На северо-востоке круг замыкала Уйская линия, которая тянулась от Верхне-Яицкой пристани по р. Ую, Миясу до крепости Звериноголовой. На севере от устья р. Мияса, впадающей в Тобол, тянулась к Осе до реки Камы Екатеринбургская линия.

Таким образом, мы видим, что в первой половине сороковых годов 18-го столетия Оренбургский край был со всех сторон опоясан цепью крепостей. Однако нужно помнить, что крепости строились не только по крепостным линиям, а и вне их, в глубине территории.

Все эти мероприятия позволили русскому капиталу считать проблему колонизации Оренбургского края разрешенной. С этого времени быстро развивается торговля, начинается более сильное использование богатств, находящихся в недрах земли.

Реорганизация Оренбургского края

Указом от 15 марта 1744 года Оренбургский край был реорганизован в Оренбургскую губернию с губернским городом Оренбургом. Первым губернатором новой губернии был назначен бывший до реорганизации начальником края - Неплюев. Вновь учрежденная Оренбургская губерния занимала необъятные просторы между рекой Камой и Каспийским морем, Волгой и Сибирью. В Оренбургской губернии были введены следующие административные преобразования: был организован Оренбургский дистрикт (провинция), в состав которого входили: Илецкий городок, Сакмарский городок, Зилаирская крепость. Яицкий казачий городок со всем Яицким войском, Уфимская и Исетская провинции.

Линейные крепости края были разделены на 8 дистанции: Сакмарскую, Самарскую, Нижне-Яицкую, Верхне-Яицкую, Красногорскую, Орскую и Верхне-Уйскую. Всеми составными частями дистрикта ведал губернатор, за исключением Уфимской и Исетской провинций, в которых имелись особые воеводы, в конечном счете подчинявшиеся оренбургскому губернатору.

В состав Оренбургской губернии были включены казахи Малой орды и каракалпаки, помимо их желания. Таким образом преемники Петра I намеревались провести в жизнь его высказывания о том, что для покорения азиатских народов достаточно заручиться хотя какой-нибудь бумажкой об их желании быть «под протекциею» России и потом, на основании ее, приступить к осуществлению колонизации Средней Азии.

В состав Оренбургской губернии входил Ставропольский округ, где поселялись калмыки, принявшие христианство, а также Оренбургское и Яицкое казачьи войска.

Общая численность населения новой губернии достигла полумиллиона человек. Оплотом царской колониальной политики и самым надежным сторожем русских границ было местное казачество, заселившее пограничную линию. Защищая свое материальное благополучие, казаки одновременно защищали и территорию края от нападающего врага.

Яицкое казачество, как нам уже известно, получило свое начало от донских казаков. Царь Алексей Михайлович зачислил их в состав русского войска и дал грамоту на вечное владение р. Яиком, на всем его протяжении. На основании царской грамоты яицкие казаки ведут с кочевавшими там народами борьбу за Яик, как за свою неприкосновенную собственность, и закрепляют за собой среднее и нижнее течение реки.

Поощряя казачество и заботясь об его увеличении, правительство в то же время стремится обуздать его. Так, для контроля и наблюдения за яицкими казаками, в 1630 году при устье р. Яика, был построен город Гурьев со специальным гарнизоном из стрельцов. Гурьев закрывал казакам свободный выход к морю, не позволял им хозяйничать по своему усмотрению и повседневно напоминал, что за ними неустанно следят. Это не входило в расчеты казаков, возбуждало их, и они неоднократно выступают против Гурьева, изгоняя стрельцов.

С усилением Московского государства, вольности и привилегии казаков урезаются, казаки все более и более становятся зависимыми от правительства.

Во время восстания Степана Тимофеевича Разина яицкие казаки входили в состав его армии. До этого они несли военную службу в пределах своего края, но в 1670 году Яицкое войско было подчинено Казанскому приказу, и казаков стали призывать на военную службу, посылая их туда, куда приказывало правительство. Это нововведение вызывает новую войну недовольства и

способствует классовому расслоению казачества, так как зажиточные казаки имели возможность при призыве на военную службу заменять себя за плату беднотой.

В 1721 году войско было подчинено по военным вопросам Военной коллегии, а по гражданским делам - астраханскому губернатору. До этого времени среди яицких казаков было своеобразное самоуправление: во главе войска стоял войсковой круг, обладавший законодательной властью по всем вопросам как военным, так и экономическим. Решения круга проводили в жизнь атаман войска и старшины, избираемые голосованием всего войска (мужчин).

Такое самоуправление противоречило общему государственному устройству, и Военная коллегия предпринимает ряд мер по введению Яицкого войска в общую систему государственного управления. Казаки не подчинялись и открыто выступали с протестом против нововведения. Однако, протесты не помогли: атаманы стали назначаться правительством, в старшины выдвигались сторонники атамана из богатой казачьей верхушки; войсковой круг, хотя и остался, но ему было дано право ведать только хозяйственными делами. Чувствуя за собой поддержку со стороны правительства, атаманы и старшины злоупотребляли своей властью, используя ее в целях личного обогащения.

В 1744 году яицким казакам было, поручено охранять Нижне-Яицкую линию, которая тянулась свыше 700 верст. При наличии 8000 бойцов эта задача была нелегкой, но когда правительство решило укрепить пограничную линию регулярными войсками, то казачество воспротивилось этому и оставило охрану линии за собой, так как появление регулярных войск угрожало их экономическим интересам.

Яицкое казачество не было однородной массой; на почве экономического неравенства в нем нарастал процесс классового расслоения, разрасталась классовая борьба, доходившая до открытых вооруженных столкновений. Яицкое казачество было надежным стражем русских границ и царской колонизации в силу тех экономических условий, в которые оно было поставлено, а не в силу преданности и любви к царю, как это старались представить официальные историки.

На территории Оренбургской губернии, как уже упоминалось выше, было два казачьих войска: Яицкое и Оренбургское. Оренбургское во многом отличалось от Яицкого. Если последнее возникло в XVI веке из состава беглых людей, то Оренбургское было создано правительством искусственно и в более позднее время. Начало Оренбургскому казачьему войску положили 150 самарских и уфимских казаков, которые были включены в состав Оренбургской экспедиции Кириллова. Стремясь заселить край, Кириллов добился разрешения от сената - всех беглых, находящихся в Оренбургском крае, забирать в армию и записывать в казаки. Эта мера обеспечила рост оренбургского казачества, которое еще не было оформлено в войско. Впоследствии это распоряжение было отменено новым предусматривающим обязательную высылку всех беглых по месту их прежнего местожительства. Но оренбургский губернатор Неплюев возбудил перед правительством ходатайство об оставлении всего беглого люда в крае, имея в виду, что он представляет собой почти даровую рабочую силу.

27 июня 1744 года все беглые, жившие в крепостях края за исключением работавших на заводах, были приписаны в казакам. Это мероприятие увеличивало количество оренбургских казаков на 2500 человек, и оренбургские казаки по количеству бойцов стали почти равняться Яицкому войску.

Заложив город Оренбург, Неплюев переселяет в него 500 человек самарских и уфимских казаков, определив им к востоку от города место для построения казачьего пригорода. Эти казаки и застроили существующий ныне Форштадт. Им были отведены земельные угодья для занятия хлебопашеством. В Форштадт начали переселяться казаки из различных крепостей; казачье население увеличивалось.

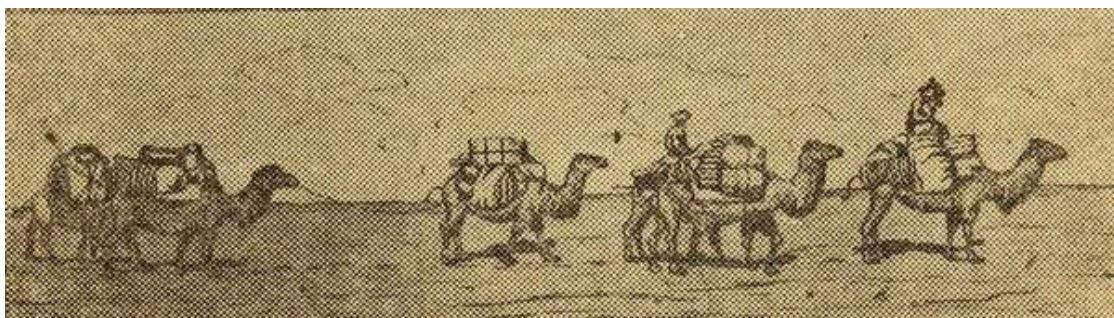
В 1745 году из форштадтских казаков был организован нерегулярный казачий корпус, находившийся непосредственно в распоряжении губернатора. Этот корпус был первой военной единицей Оренбургского казачьего войска. Остальные казаки, разбросанные во всех крепостях, в такие единицы организованы еще не были, а находились в подчинении ближайших военных начальников.

В 1748 году военной коллегией был издан указ по которому все казаки Оренбургского края, за исключением яицких казаков, были подчинены первому административному органу

Оренбургского казачьего войска - «войсковой избе» во главе которой стоял назначенный коллегией атаман. Первым атаманом Оренбургского казачьего войска был Могутов.

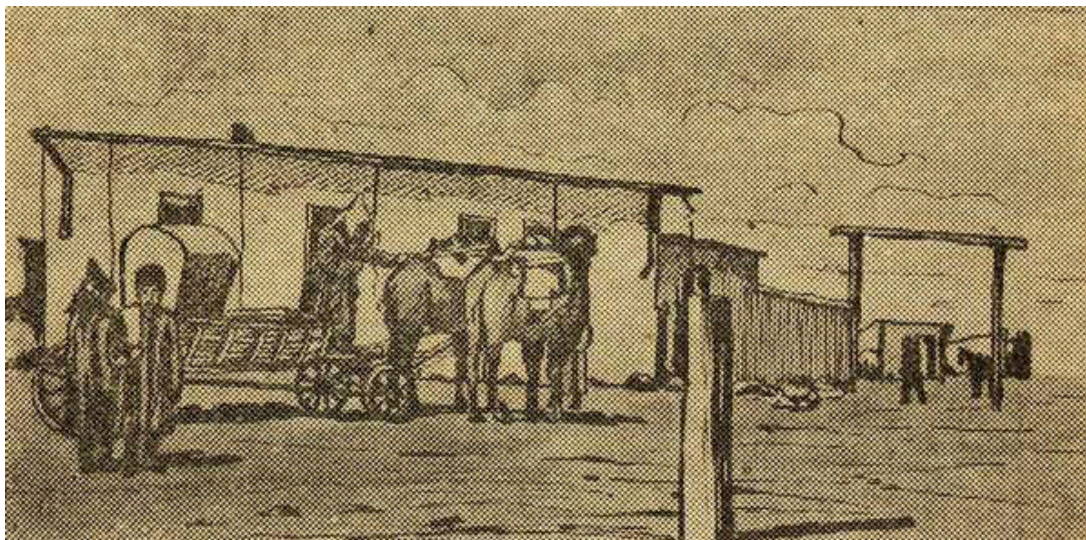
К 1755 году Оренбургское войско было полностью оформлено, разделено на боевые единицы и имело утвержденный штат командно-офицерского состава. Часть казаков, несущих службу, получала жалование, но оно было не для всех одинаково. Казаки Оренбургского нерегулярного корпуса получали в год по 15 рублей, уфимские - по 4 рубля, бердинские - по 3 рубля. В 1755 году из 5877 человек, жалованных, т. е. получающих жалование, было 1797 человек. Благодаря искусственному оказачиванию в 1767 году в Оренбургском войске уже насчитывалось до 1400 мужчин. Все они, за исключением «жалованных», несли военную службу за свой счет, а за это им предоставлялось право пользоваться земельными угодьями. Следовательно, и перед оренбургскими казаками, так же как перед Яицкими, встал вопрос: или с оружием в руках защищать царскую власть, или будешь брошен в объятия нищеты.

Вначале все внимание правительства было направлено на подавление восстания в крае, на установление военного господства. После того, как Неплюевым были разрешены эти задачи стало возможным развитие горнозаводской промышленности в крае. На Урале возникают заводы один за другим, возрастает выплавка металла. Но установление нормальных торговых сношений со Средней Азией все еще оставалось неразрешенной проблемой. Никакие меры, проводимые правительством, не могли подчинить свободолюбивый казахский народ. Он по прежнему оставался настороженно-враждебным к России и не признавал никаких письменных присяг и договоров, которые от имени народа заключали султаны и ханы. Все караванные дороги находились в руках казахов, являющихся в своих родных степях грозной силой, Вести с казахами открытую борьбу правительство боялось и изыскивало различные пути для установления более прочного мира, так как малейший неосторожный шаг вызывал противодействие казахов, отражавшееся в первую очередь на торговле.

Караван в пути

Неплюев старался сохранить с казахами добрососедские отношения. В 1744 году он отбирает у башкир захваченных ими в казахских ордах лошадей и возвращает их хозяевам; он одаривает казахскую знать, ханов, султанов и старшин подарками, платит многим из них жалование «за службу», которой они не несли. Это давало некоторые результаты: казахи перекочевывали к Оренбургу, вступали в торговлю и... снова уходили в степи, а торговые пути все же оставались закрытыми.

Почтовая станция на тракте Оренбург-Ташкент

Подданство казахов заключалось в том, что в Оренбурге находились их заложники, что ханы и ряд старшин присягнули на верность русским царям и за это получали почести и подарки. Народ же, независимо от этого, продолжал жить своей обычной жизнью, казахи не платили никаких ясаков, не признавали над собой русского господства, при удобном случае нападали на пограничные поселения и торговые караваны. Неплюев неоднократно вел переговоры с Абулхаиром, но последний, давая неоднократную присягу, продолжал сохранять независимость. В Сорочинской крепости содержался в качестве заложника сын Абулхаира. В ответ на отказ Неплюева о возвращении в орду заложника (Ходжи Ахмета), Абулхаир производит ряд опустошительных набегов на Оренбургский край. В своих письмах Неплюеву Абулхаир показывает, что ему хорошо понятна политика России. А Нурали-хан, сын Абулхаира, в разговоре с переводчиком Неплюева Гуляевым, говорит: «русские начальники хотят поступить с нами, как с калмыками и башкирами, но мы лучше согласимся умереть, чем жить под тяжким игом».

В последующие годы отношения между Россией и Казахской ордой продолжали оставаться неурегулированными. Разнообразные планы царского правительства о покорении казахской степи большого успеха не имели. «Врата и ключи» к рынкам Средней Азии продолжали оставаться у жителей Заяицкой степи.

На развитие промышленности и торговли в крае имели свое действие и те события в Оренбургском крае, которые в 1754-55 годах вылились в крупнейшее восстание башкир и других народов под руководством Батырши Алеева.

Восстание башкир под руководством Батырши

После подавления восстания в 1740 году башкирский народ был обессилен, но оружия не сложил. В памяти народа надолго сохранились картины «эзекции», казни и истязания близких, родных, своеволие и издевательства военных начальников, грабежи, пожары. Был введен суровый режим: башкиры не имели права держать огнестрельного оружия, а если оно у кого обнаруживалось, то у владельца отбирались лошади в пользу доносчика; во всех селах, были закрыты кузницы, ни один башкир не имел права выехать из своего села без специального разрешения; кроме всего, тяжелым бременем давили налоги.

Последней каплей, переполнившей чашу терпения, было введение монополии на соль. До этого времени население добывало соль из озер, но правительство учло, что введение монополии даст казне гораздо большие доходы, чем давали налоги. В 1754 году был издан указ, по которому ясачный сбор отменялся, но вместо него башкиры должны были покупать соль из государственных магазинов по установленной цене - 36 копеек за пуд.

В указе оренбургскому губернатору предлагалось:

«...крайне стараться, дабы... башкирцы, тептери и татары, с которых помянутый ясак сложен, також и прочие тамошние иноверцы совершенно соль

покушали из казны, и кроме б покупали из казны ни откуда в их жилища подвоза неужасной соли отнюдь не было, и в том учинить ему Оренбургскому Губернатору, по состоянию тамошних мест, крепкую предосторожность...»

(Полное собрание законов Российской империи. 1754 год. 16-го марта. Закон № 10198, стр. 42).

Башкиры запротестовали и отказались признавать соляную монополию. Создалась угроза восстания, и Неплюев посылает в Уфу Тевкелева для уговора башкир. Тевкелев долго уговаривал башкир подчиниться указу и угрожал жестокой расправой над теми, кто будет упорствовать, однако это результатов не дало. В 1755 году вспыхнуло восстание башкир, которое возглавил Абдулла Мязгилдин, мулла, известный под именем Батырша. Батырша был родом из Башкирии. Первоначальное образование получил у муллы деревни Ильша, Камской волости. Впоследствии Батырша, видимо, много читал и был весьма развитым человеком. Среди населения Батырша славился своей ученостью, умом и красноречием. Его знала вся Башкирия. Будучи муллой, Батырша ходил из деревни в деревню, совершал религиозные обряды и читал свои зажигательные проповеди. Слушать, его собирались целые толпы народа. Он имел среди населения большой авторитет. Переезжая из села в село, Батырша не только учил, совершал религиозные обряды, но тщательно наблюдал и изучал жизнь башкир и их настроения. Читая проповеди, он умел незаметно разжигать и без того сильное недовольство башкир колонизацией.

Убедившись в том, что восстание готово вспыхнуть, что многие башкиры учатся владеть оружием, Батырша выступает с горячими речами, разоблачая политику русского царизма. Из разных мест губернии к нему направляются ходоки за советами. Он дает указания все подмечать, наблюдать и быть готовыми, но все хранить в тайне до определенного времени.

Батырша знал враждебное отношение народов Оренбургской и смежной с ней губернии к России и решил объединить и поднять их на восстание под флагом борьбы против «неверных», за создание самостоятельного мусульманского государства.

Еще за три года до восстания к нему явился посол от казанских татар и сообщил, что татары присоединятся к восстанию.

Придя к заключению, что время действовать, Батырша выпускает воззвание к населению, полное огня и страсти. В воззвании ярко обрисовывается жизнь башкир до покорения Россией, жизнь свободная и привольная, и приводятся все те ужасы, издевательства, которым подвергался башкирский народ. Батырша призывал всех «правовверных» объединиться на борьбу с русской колонизацией. Воззвание размножалось, передавалось из дома в дом, из села в село и вскоре уже вся Башкирия знала, что день восстания назначен на 10 июля (по некоторым данным на 1 июля) 1755 года.

Неплюев и его чиновники о готовящемся восстании ничего не знали. Правда, были найдены подметные¹ письма, полные угроз, но они детально ни о чем не говорили, и им не было придано должного значения.

Воззвание Батырши послужило сигналом, и восстание началось за два месяца раньше до назначенного срока. Поводом к восстанию явилось нападение башкир Ногайской дороги, Бурзянской волости, на стан Брагина, присланного на разведку глины для фарфорового завода. Убив и ограбив Брагина, напавшие в количестве более ста человек с семьями и имуществом бросились за Яик в казахскую степь. За ними в погоню был отправлен отряд под командой подполковника Исакова, но он был разбит, потеряв убитыми и ранеными до 50 человек. Башкиры начинают расправляться с местным начальством и старшинами, притеснявшими их. Так, в Бурзянской волости; был убит старшина Абдул Ваган, писарь, и несколько близких им людей.

Получив тревожные вести с Ногайской дороги, Неплюев отправляет в сенат срочное донесение о начавшемся восстании. В небольшой промежуток времени восстание охватило уже много волостей: Усергетскую, Тюнгаурскую, Чакмин-Кипчакскую и другие. Во многих местах организуются самостоятельные отряды. Некоторыми отрядами руководят старшины, которые отлично понимают, что на основании инструкции им помилования не будет. Один из таких отрядов под руководством старшин Салтыкова и Тияумбета разрушил медеплавильный завод

¹ Подброшенные письма – неизвестных авторов.

Шувалова А. И.. На защиту завода был выслан отряд под начальством капитана Шкопского, но восставшие окружили его в горном ущелье, замкнули выход, и отряд был весь уничтожен.

Восставшие нападали на крепости, заводы, уничтожали русские селения. В случае поражения башкиры предполагали уйти в казахскую степь, о чем договорились еще в 1754 году с Аблаем - ханом Средней орды.

Неплюев принимал срочные меры для подавления восстаний. В его распоряжении было войско в составе 24 тысяч человек. Все крепости были объявлены на военном положении, а в глубь Башкирии, для подавления восстания любыми мерами, были брошены три полка: Московский, Ревельский и Троицкий, плюс 1000 яицких казаков под командой Тимашева, 1000 калмыков и 1000 донских казаков.

Считая положение опасным, Неплюев просит военное подкрепление, и ему присылают еще три полка: Владимирский из Пензы, Астраханский из Шацка и Азовский из Алатырска.

Боясь, чтобы окружающее население, казанские татары и сибирские народы, не присоединились к восставшим, Военная коллегия срочно направляет в Оренбургский край еще 5 полков: Вятский и Сибирский из Ярославской провинции, Курский из Москвы, Ярославский из Коломны и Ростовский из Козлова. Полкам был отдан приказ идти без передышки.

Войсками была оцеплена вся Башкирия, все выходы башкирам были закрыты, восставшим ждать пощады или помощи было неоткуда. С Дона ожидалось новое подкрепление - 2000 донских казаков.

В помощь Неплюеву назначаются специальные чиновники - Салтыков Иван и Ушаков Федор. Первому из них было поручено общее руководство всеми войсками, сосредоточенными в Оренбургской губернии. Распоряжение Неплюева подавить восстание любыми мерами было понято командирами отрядов, оперировавшими в Башкирии, в прямом смысле: запылали села, полилась кровь.

За поимку Батырши была объявлена награда в 1000 рублей и ценные подарки. В борьбе с восставшими Неплюев идет на подкуп и другие меры, которые, по его мнению, могли дать ощутимые результаты. В сентябре месяце 1755 года Неплюев опубликовал манифест, в котором приглашает все население края ловить восставших и за это забирать их имущество, жен и детей в собственность. Женщин и детей восставших башкир разрешено было продавать в рабство.

Окруженные со всех сторон русскими войсками, ожидающие нападения отовсюду, башкиры, в количестве 50000 человек, вместе с семьями и имуществом, устремились за Яик, в казахскую степь, где им было обещано пристанище.

У переправы их ожидали войска, и та картина, которая разыгралась здесь, напоминала собой не битву, а массовое истребление охваченных паникой людей. Каждый из охранявших переправу стремился убить возможно большее количество беглецов, так как имущество убитого поступало в распоряжение убийцы. По грубым и неточным данным, на этой переправе было убито 1000 человек.

Восстание было подавлено.

Оставшиеся в Башкирии повстанцы уходили в леса и горы, но купленные Неплюевым старшины, вместе со своими людьми, извлекали участников восстания из самых сокровенных убежищ и выдавали войскам.

Батырша с небольшой группой своих приверженцев скрывался в лесах. Близились зима. За ним рыскали десятки отрядов и лазутчиков, желая получить обещанную награду. Ночью с 7 на 8 августа 1756 года Батырша пришел в село Азика, Осинской дороги, в 150 верстах от Уфы. Цель его прихода осталась невыясненной, видимо, голод, холодные осенние ночи, вынудили его выйти из убежища. На день он скрылся в мечети и был обнаружен там старшиной Сулейманом Деваевым и, при попытке скрыться в лесу, пойман.

Деваев забил руки и ноги Батырши в колодки и срочно отправил в Уфу донесение о поимке руководителя восстания. Из Уфы в Оренбург Батыршу привезли 23 августа 1756 года. Его везли секретно, под конвоем в 100 человек.

В крытом возке, под усиленным конвоем, через Самару, Арзамас, Муром и Владимир Батырша был доставлен в Петербург. Около года шло следствие, и в 1757 году Батырша был заключен в Шлиссельбургскую крепость. Здесь его поместили в отдельный каземат, в котором он пробыл, звеня кандалами, 5 лет.

Но пока Батырша был жив, хотя и находился в заключении, башкирский народ о нем помнил, составлял и пел о нем песни. Это нервировало правительство. Тогда оно поступило с Батыршей так же, как и с Иваном Болотниковым. 24 июня 1762 года Батырша был убит в Шлнссельбургской крепости «при попытке к бегству».

Последним восстанием в XVIII веке было восстание под руководством талантливого вождя Салавата Юлаева, сподвижника Емельяна Ивановича Пугачева.

Национальная политика царского правительства в крае

Национальная политика, проводимая в Оренбургском крае, ничем не отличалась от той национальной политики, которую самодержавие проводило по отношению к народам различных национальностей. Эта политика исходила из принципа «разделяй и властвуй». Тем более, что сеять вражду между народами края было нетрудно, так как между калмыками, казахами, киргизами и башкирами продолжались вспышки борьбы за степь. У этих народов оставалось еще чрезвычайно много родовых пережитков, в частности кровавая месть, баранта и т.д., которые переходили от поколения к поколению. При использовании их правительство легко могло вызвать вражду. История насчитывает не один факт, когда в Башкирию вторгались казахи, калмыки, производя огромные опустошения; башкиры платили тем же.

Зная о таких отношениях, начальники края всеми мерами старались разжечь вражду. Для подавления башкирских восстаний они посылали калмыков, натравливали казахов и татар. В особенности этим отличался Неплюев, которому после подавления восстания 1756 года воспевались хвалебные дифирамбы, как талантливому стратегу и дипломату, за то, что он сумел подавить восстание, почти не пролив крови русских солдат. Этому он добился тем, что натравливал одну национальность против другой. Особенно эта политика проявляется во время восстания Батырши. Неплюев сумел посеять антагонизм между башкирами и ново-башкирами. Последние были поставлены в более выгодное положение; им отдавали земли и имущество восставших. Поэтому во многих местах среди башкир и ново-башкир разгоралась кровавая драма. Во время башкирских восстаний ново-башкиры примыкали к правительственным войскам.

Когда в 1755 году разбитые повстанцы, в количестве 50000 человек, с семьями и имуществом, ушли в казахскую степь, Неплюев был обескуражен; он боялся того, чтобы бежавшие башкиры и приютившие их казахи не объединились и совместными силами не вторглись бы в Оренбургский край. Неплюев боялся этого потому, что, произведя опустошения, объединенные войска башкир и казахов снова могли уйти в степь, где борьба с ними была бы безрезультатной. С другой стороны, открытые военные действия против казахов надолго закрыли бы торговые пути в Азию.

Исходя из этого, Неплюев посылает в казахскую степь своих послов с грамотами, в которых призывает казахов выгонять и убивать находящихся у них башкир. За это он обещает отдать в собственность казахов имущество башкир, их жен и детей. Эти грамоты были написаны от имени императрицы Елизаветы Петровны. Они оказали свое действие на многих казахов, и в их улусах началась жуткая резня: башкиры защищали своих жен и детей, защищали имущество, но силы были неравными.

Одновременно с этим Неплюев объявил прощение всем башкирам, которые возвратятся по собственному желанию назад. Беглецы, искавшие пристанища в казахской степи и потерявшие там самое дорогое - жен и детей, начали возвращаться на родину, тая глубокую ненависть и жажду мести к своим обидчикам. Они стали являться к губернатору и просить разрешения выступить против казахов. Неплюев официально отказал башкирам в их просьбе, но дал понять, что если они совершат налет на казахов, то он взыскивать с них не будет.

Комендантам прилинейных крепостей по Яику было дано секретное распоряжение, чтобы они не чинили никакого препятствия, если через Яик будут переправляться вооруженные, но без семей и имущества, башкиры.

В ближайшее же время в казахскую степь переправилось несколько отрядов башкир и напали на казахские улусы, грабя имущество и уводя людей в плен. Эти действия вызывают новые противодействия казахов, и между ними и башкирами надолго разгорается вражда, обессилевшая как тот, так и другой народ и способствовавшая укреплению господства

царизма.

Эта картина является одной из многих страниц, характеризующих национальную политику самодержавия.

Калмыки пришли из Азии в первой половине XVII века и стали кочевать между Волгой и Яиком, занимая территорию почти до реки Эмбы. С течением времени они попадают все более и более в зависимость от русских царей и становятся русскими подданными. Среди них вводятся воинская повинность, насильственно насаждается христианство, вводится ясак и, в конце концов, во всех улусах устанавливается полицейский режим, тяжелым гнетом ложившийся на «черную кость». Правящая верхушка калмыцкого народа, ханы и зайсанги, жили неплохо, они имели массу привилегий и являлись тем рычагом, который помогал русскому капиталу укрепить господство над Калмыцким народом.

В 50-х годах XVIII века на территорию, занятую калмыками, пришло еще 10000 человек калмыков, ушедших под давлением китайцев из Джунгарии. Они начали кочевать с калмыками, пришедшими ранее. Прожив несколько лет, пришедшие увидели тот гнет, который душил калмыков, и начали высказывать свое недовольство и призывать всех соплеменников уйти с Поволжья в Джунгарию. 1 сентября 1770 года, собравшись в числе 30000 кибиток, т.е. 250-300 тысяч человек, калмыки двинулись к Китаю через казахскую степь. Уход калмыков из пределов России был явлением нежелательным для правительства, во-первых, потому, что оно теряло даровую военную силу и, во-вторых, источник эксплуатации.

Узнав об уходе калмыков, оренбургский губернатор обратился к ханам казахских орд с просьбой задержать их движение. Объединенные силы оренбургского губернатора и казахских ханов бросились преследовать калмыков. Часть из преследователей возвратилась безрезультатно, но отряды султанов Аблая и Айчувака настигли беглецов, разграбили имущество и пленили много людей. Калмыки вынуждены были с оружием в руках пробивать себе дорогу. Их путь был усеян трупами. Из 250000 человек, вступивших на казахскую территорию, дошло до цели только около 90000, а остальные погибли в степях, или взяты в плен и превращены в рабов.

Пугачев в Оренбургском крае

Родиной пугачевского восстания является Оренбургский край. Здесь оно родилось и здесь проходили основные фазы его развития.

Несмотря на борьбу, которую вели башкиры на протяжении десятилетий, переселение в Башкирию все увеличивалось, захват земель продолжался, росло количество поместий, принадлежащих помещикам; одновременно уменьшалась площадь земли, которая оставалась в пользовании башкир.

ЕМЕЛЬЯН ПУГАЧЕВ

Богатства Урала привлекали новых предпринимателей, которые захватывали огромные участки земли и строили на них заводы. Почти все крупные сановники, министры, сенаторы своими капиталами участвовали в постройке металлургических заводов на Урале, а отсюда вытекало и отношение правительства к жалобам и протестам башкир.

Башкиры объединяются в группы по несколько человек, нападают на новостроящиеся заводы и помещичьи усадьбы, стараясь отомстить своим притеснителям. Все более создавалась такая обстановка, при которой различные народы, населявшие край, должны были выражать протест против колонизации, доходя до открытой борьбы.

Восстания башкир, уход калмыков из пределов России в Китай, настороженность, враждебное отношение казахского народа к России - все это говорит за то, что царская политика этим народам была понятна, что она была враждебна им.

Благодаря тому, что население было еще негусто, возрастает спрос на рабочую силу. Заводчики добиваются в 1784 году инструкции правительства, по которой владельцам заводов предоставляется право прикреплять и использовать на заводах от 100 до 150 дворов государственных крестьян. Прикрепленные к заводам крестьяне за работу на заводе не оплачивались. Так как население края было очень редкое, прикрепляли к заводу крестьян из сел, расположенных на большом расстоянии. Такой вид барщины становился еще более тяжелым, так как крестьяне почти целый год были оторваны от сел и не имели возможности работать в своем хозяйстве.

Заводчики всеми силами и средствами добивались того, чтобы совершенно ликвидировать хозяйство крестьян, оторвать их от земли и полностью забрать в свои руки.

Нет возможности передать все те приемы и методы, которыми пользовались заводчики в своем стремлении разорить крестьян, лишить их экономической базы. Они посылали специальные отряды, которые врывались в села в самый разгар полевых работ, во время

весеннего сева, уборки урожая и т.д., хватали крестьян, пороли их, отрывали от работы и под конвоем доставляли на завод. Оставались невспаханными полосы, неубранным урожай. Крестьяне жаловались местному начальству, доходили до самой столицы, но их в лучшем случае не принимали, а иногда даже, не разбирая дела, называли бунтовщиками и сажали в тюрьму.

Центр Оренбурга в середине XIX столетия

На этой площади в настоящее время находится Ленинский сад

Приказчики на заводах усиленно наблюдали за тем, чтобы не было «дармоедов», т.е. чтобы работали не только мужчины, но и женщины и дети. В результате этой эксплуатации, скученности, плохого питания и истощения сил развивались заразные болезни, повышалась смертность.

Крестьяне неоднократно восставали против приписки к заводам, но эти восстания носили чисто местный характер, возникали стихийно и жестоко подавлялись военными отрядами.

На заводах работали не только крестьяне, здесь сосредоточивалось большинство беглого люда. Среди них были крепостные крестьяне, различные преступники, старообрядцы и т.д. Пока не было указа о борьбе с беглыми и возвращении их по месту жительства, они жили относительно свободно, но после указа их начинают преследовать отряды солдат. Куда бы беглый ни явился, везде у него спрашивали «вид», а так как «вида» не было, то беглого немедленно забирали и отправляли на родину, чтобы произвести там с ним расправу.

Зная в бесправии беглых, заводчики безвозбранно принимали их на работу, и вскоре заводы превращаются в место сосредоточения беглых. Берг-коллегия, в ведении которой находились заводы, старалась не замечать нарушений указа о поимке и высылке всех беглых, а войска оренбургского губернатора не имели права производить на заводах облавы.

Пользуясь бесправием и безвыходным положением беглых, заводчики ставили, их в положение рабов, и малейшее недовольство, протест беглых вызывали репрессии: беглых немедленно хватали, выдавали в руки солдат, немилосердно пороли и затем отправляли на каторжные работы.

Условия работы на горных заводах были кошмарными: шахты не имели вентиляции, и рабочие задыхались от зноя и недостатка воздуха; насосы были слабо приспособлены, и люди часами работали, стоя по пояс в воде. Хотя заводчикам и давались некоторые указания об улучшении условий труда, но их никто не выполнял, так как чиновники привыкли к взяткам, а заводчику было выгоднее дать взятку, чем затрачивать средства на технические нововведения.

Не лучше было положение и крепостных крестьян. В 1762 году на престол вступила Екатерина II, жена Петра III, содействовавшая убийству мужа. Будучи ставленницей дворян,

Екатерина II ознаменовала свое царствование окончательным закабалением крестьян, предоставив дворянам право распоряжаться крестьянами по их усмотрению. В 1767 году она издала указ, запрещающий крестьянам жаловаться на своих помещиков; виновные в нарушении этого указа подвергались ссылке на каторжные работы.

С ростом внешней торговли на рынках появляются привозные товары: красивые тонкие ткани, высокосортные вина, ювелирные изделия, различные предметы роскоши и безделушки; приобрести их можно было только за деньги. Но чтобы иметь деньги, помещики должны были что-то продавать. На рынок они могли выбросить только продукцию сельского хозяйства, поэтому помещики увеличивают площадь посевов, что новой тяжестью ложится на крестьян. При Екатерине барщина возрастает до 4-х дней, а в отдельных местностях, в частности в Оренбургском крае, доходила до 6-ти дней в неделю. Для работы в своем хозяйстве крестьянам оставались только ночи и воскресные и другие праздничные дни. Одним из видов ведения помещичьего хозяйства было плантационное хозяйство, когда крепостные крестьяне все время работали на барина и получали за это для пропитания хлеб. Крестьяне были на положении рабов, они были собственностью своих господ и находились от них в зависимости.

Указ Екатерины II о запрещении крестьянам жаловаться на помещиков дал толчок для разгула страстей разнузданного русского барина. Если Салтычиха, жившая в центре России, собственноручно замучила до сотни человек, то что же делали помещики, жившие на окраинах? Крестьян продавали оптом и в розницу, помещики обесчещивали девушек, женщин, насиловали несовершеннолетних, издевались над беременными. В день свадьбы они похищали невест и, опозорив, возвращали женихам. Крестьян проигрывали в карты, меняли на собак, за малейшую провинность жестоко избивали плетью, кнутами, розгами.

Крестьяне, несмотря на указ, пытались жаловаться оренбургским губернаторам. В оренбургском областном архиве сохранилось несколько десятков «дел» об изнасиловании несовершеннолетних, об издевательствах над беременными, о засеченных розгами крестьянах и т.д., но большинство из них оставлены без последствий.

Существующим положением вещей были недовольны не только различные народы, населяющие край, горнозаводские рабочие и крестьяне, но и среди казачества зрело глухое недовольство, так как постепенно отменялись их прежние привилегии и льготы.

Одним из основных источников доходов казачества, как говорилось выше, была рыбная ловля. Рыбу казаки использовали не только для своего питания, но ее вывозили и на рынок. В рыбных промыслах огромное значение имела соль, и указ от 1754 г. о соляной монополии нанес огромный удар хозяйству казаков. До указа казаки пользовались солью бесплатно, добывая ее в неограниченном количестве из соляных озер. Казаки остались недовольны монополией и взимание денег за соль считали прямым посягательством на их права и собственность. В казачьей среде росло классовое расслоение. Старшинская верхушка во главе с атаманами забирает власть в свои руки и использует свое положение для личного обогащения. Атаманы берут на откуп соляные промыслы и ставят в зависимость все казачество. За соль, помимо денежной платы, атаманы взимают в свою пользу десятую рыбину из каждого улова. Но этого мало. Яицкие казаки за свою службу получали от казны небольшое жалованье, атаманы начали удерживать его, якобы как плату за право ловить на Яике рыбу. Впоследствии этого жалованья не хватало, и атаманы вводили дополнительный налог. Все это вызывало недовольство, которое в 1763 г. вылилось в восстание рядовых казаков против старшинской верхушки.

Следственные комиссии, присылаемые в Яицкий городок, хотя и смещали атаманов, но, будучи сторонниками кулацкой правящей части, выдвигали новых атаманов из ее среды, поэтому положение не улучшалось.

Но вот в 1766 году был издан указ, который вызвал недовольство со стороны богачей. До указа для отбытия военной службы яицкие казаки имели право нанимать вместо себя других. Средствами для найма на службу располагали богачи, и указ этот, запрещающий наем, был ими встречен враждебно, так как им снова приходилось служить в армии. Указом осталась недовольна и часть казачьей гольтыбы, которая в силу своей материальной необеспеченности вынуждена была за деньги заменять сынов богатых казаков на военной службе.

Одновременно с этим растут наряды на службу, казаков сотнями отнимают от дома и отправляют в различные места. С отрывом мужчин от дома, хозяйства начинают хиреть и

приходят в упадок. Негодуя на все усиливающиеся тяготы, яицкие казаки, тайком от своего начальства, отправили к царице своих ходоков с челобитной, но ходоки были приняты как бунтовщики и подверглись телесному наказанию плетьюми. Этот случай дал понять казакам, что надеяться на помощь сверху нечего, а нужно искать правду самим.

В 1771 году среди яицких казаков вспыхнуло новое восстание, для подавления его были высланы войска. Ближайшими причинами восстания были следующие события. В 1771 году с Поволжья к границам Китая ушли калмыки. Желая задержать их, оренбургский губернатор потребовал, чтобы яицкие казаки выступили в погоню. В ответ казаки заявили, что до тех пор не выполняют требования губернатора, пока не будут восстановлены отнятые привилегии и вольности. Казаки требовали возвращения права выбирать атаманов и других военных начальников, требовали выплаты задержанного жалованья и др. В Яицкий городок из Оренбурга был послан отряд солдат под руководством Траунбенберга для выяснения положения.

Будучи человеком властолюбивым, Траунбенберг, не вникая в суть дела, решил действовать оружием. На Яицкий городок грянули батареи. В ответ на это казаки бросились к оружию, напали на присланный отряд, разгромили его, изрубив в куски самого генерала Траунбенберга. Пытавшийся воспрепятствовать восстанию атаман Тамбовцев был повешен.

Разгром отряда Траунбенберга вызвал тревогу у губернского начальства, и оно не замедлило отправить к Яицкому городку свежие военные части под командой генерала Фреймана, для подавления «мятежа». В бою с превосходящими силами противника казаки были разбиты. Правительство решило расправиться с казаками так, чтобы надолго было памятно казакам. Для расправы над восставшими были вызваны из разных городов специалисты-палачи, которые и проводили пытки и казни. По своей жестокости эта расправа напоминает экзекуцию Урусова. Казаков вешали, сажали на колья, выжигали на теле клеймо; многих сослали на вечную каторгу. Однако эти казни еще более возбудили казаков, и они были готовы зажечь огонь новой борьбы.

Не лучше было положение и оренбургских казаков. Они никогда не имели тех вольностей и привилегий, за которые боролись яицкие казаки. Организованное в силу указа Оренбургское казачье войско находилось в значительно худшем положении, чем Яицкое. Оренбургские казаки жили в станицах, разбросанных на территории края; как правило, станицы застраивались около крепостей, в которых и состояли на военной службе казаки. По форме они имели выборное станичное начальство, но по существу были в подчинении у комендантов крепостей. Коменданты вначале распространяют свою власть только на мужчин, заставляя выполнять работы в личном хозяйстве, но с течением времени им кажется этого недостаточно, они начинают эксплуатировать все население станиц. Положение оренбургских казаков было во многом сходно с положением крепостных крестьян. Будучи полновластными и почти бесконтрольными, коменданты устанавливали в станицах тяжелый режим, вторгались в семейные, бытовые дела казаков. Оренбургские казаки к тому же в большинстве никакого жалованья не получали. Они также были недовольны своим положением, но, будучи разбросаны по всему краю, молчаливо сносили все притеснения, ожидали удобного случая для расправы со своими обидчиками.

Из всего этого видно, что все население края, за исключением царских чиновников, помещиков, заводчиков и кулаков, было недовольно существующими порядками и готово было мстить притеснителям. В народе начали появляться слухи, что виной тяжелой жизни являются местные власти, что они творят своеволие без ведома царицы; распространяются слухи, что виновата и царица, которая все делает по воле дворян, что если был бы жив царь Петр Федорович, то жить было бы легче. За этими слухами не замедлили появиться новые, что Петр Федорович при помощи стражи спасся от смерти, что он жив и скоро кликнет клич на борьбу против чиновников и дворян.

Оренбургская губерния была точно на пороховой бочке, и достаточно было найтись смелому человеку, бросить призывной клич, как к нему со всех сторон поднялись бы тысячи людей. И такой смелый человек нашелся в лице донского казака Емельяна Ивановича Пугачева. Он был человеком смелым, сильным, храбрым, имел ясный, пытливый ум и наблюдательность.

Во время восстания яицких казаков и расправы над ними Пугачев скрывался в раскольничьих скитах, неподалеку от Яицка, и был прекрасно осведомлен о всех происходивших там событиях. Он знал о недовольстве казаков. В конце 1772 года Пугачев прибыл в Яицкий

городок.

Кулацкая часть казачества доложила начальству о разговорах Пугачева, и он был арестован, закован в кандалы и отправлен в Казань. Оттуда Пугачев 19 июня 1773 года сумел бежать и укрылся на Яике. В связи с бегством Пугачева начальство забило тревогу, были отправлены для поимки его специальные отряды, которые хватали казаков и при помощи пыток старались дознаться, где находится беглец.

Яицкое казачество держалось настороже. С новой силой поползли слухи, что Петр III жив, что начальство разыскивает его и будто Пугачев и есть спасшийся от смерти царь.

Эти события ускорили ход восстания. Пугачев объявил, что он действительно царь Петр III, что злая жена и дворяне решили умертвить его, чтобы по своему усмотрению править народом. К Пугачеву собралось 300 казаков, и 18 сентября 1773 года он подступил к Яицкому казачьему городку. Высланный против Пугачева отряд, состоявший из казаков, перешел на его сторону. Зная, к чему стремится население, чего оно ждет, Пугачев составлял манифесты с учетом этих требований и отправлял их во все концы. Манифесты гласили о вольностях, о долгожданной новой жизни и призывали народ подняться против помещиков-дворян, заводчиков и царских чиновников. Манифесты находили быстрый отклик: обездоленный люд восставал и расправлялся над своими притеснителями, вымещал все, что накопилось за долгое время. Имя Пугачева произносилось, как имя освободителя. Его армия ежечасно росла, пополняясь добровольцами.

Из Яицка Пугачев двинулся к Илецкому городку, где казаки оказали ему торжественную встречу и присоединились к его армии. Шествие Пугачева было победоносным. Крепости сдавались одна за другой, почти не оказывая сопротивления. За 10 дней, т.е. с 18 по 28 сентября, был взят Яицкий (кроме крепости) и Илецкий городки. 24 сентября крепость Рассыпная, 27 - крепость Нижне-Озерная и 28 сентября - Татищево, т.е. 5 военно-стратегических пунктов. Гарнизоны этих крепостей были настроены против своих комендантов и офицеров и если оказывали слабое сопротивление, то под угрозами и нажимом командного состава, а при первом удобном случае переходили на сторону Пугачева.

Крепость Татищево оказала самое сильное сопротивление, но и она была взята приступом. К Пугачеву стали присоединяться оренбургские казаки, в особенности после того, как к восставшим примкнул со своим отрядом сотник Оренбургского казачьего войска - Подуров. Пугачев тут же расправлялся с обидчиками народа.

Весть о восстании охватила весь край. Восстало казачество, выделяя из своей среды командиров, восстанут башкиры под руководством молодого отважного вождя Салавата Юлаева, восстанут народы других национальностей: мордва, марийцы, татары, чуваша, кроме того - горнозаводские рабочие. Все, кому тяжело жилось, вставали под знамя Пугачева.

Восстание разрасталось с сказочной быстротой. В различных местах края действовали отряды пугачевской армии. Силы Пугачева росли. Со всех сторон шло к нему подкрепление: с заводов рабочие слали пушки, крестьяне слали обозы с провиантом. Оренбургский губернатор не знал, что предпринимать, так как не надеялся на выполнение своих распоряжений. Он требовал военного подкрепления. Екатерина II посылает в Оренбург под начальством генерала Кара ряд полков, вызванных из различных городов. Посылка войск в Оренбург была сопряжена с большими трудностями, так как в это время шла война с Турцией, и полки нужны были в первую очередь на фронте.

5 октября пугачевская армия подступила к Оренбургу и установила две батареи: одну на паперти Форштадтской церкви, а другую в загородном доме губернатора. В это время оренбургский губернатор располагал 70 пушками и гарнизоном в 3000 солдат,

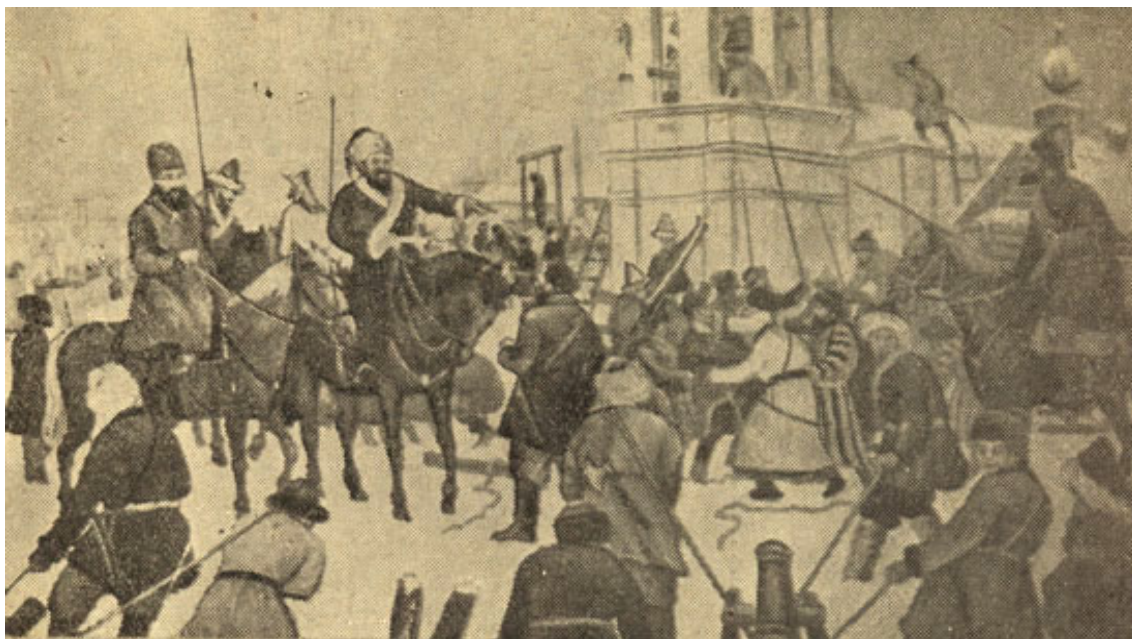
После артиллерийской подготовки Пугачев бросил войска на штурм города, но безуспешно, так как Оренбург был лучшей крепостью края, и взять его стоило больших трудов.

Отбив штурм Пугачева, губернатор попытался бросить гарнизон в контратаку. Однако под дружным натиском пугачевцев гарнизон бежал и укрылся за Стенами города.

Не взяв Оренбурга приступом, Пугачев решил взять его длительной осадой. Он перенес центр лагеря в Бердскую крепость и стал отдельными наездами систематически тревожить гарнизон города.

После одной неудачной атаки губернатор больше не посылал свои войска в открытое поле

против Пугачева. Он принял решение разложить его армию изнутри. С этой целью губернатор освобождает находившегося на каторжных работах Хлопушу и посылает его в Берды. Вырвавшись из Оренбурга, Хлопуша присоединяется к Пугачеву и получает от него чин полковника и ответственное задание - набрать отряд из рабочих яицких заводов, что он выполнил с честью.

Пугачев в Форштадте у Георгиевской церкви

Репродукция с картины Петунина

В это время из Казани к Оренбургу по Сакмарской линии выступил генерал Кар с отрядом и войска под командой полковника Чернышева.

Узнав о приближении Кара, отряды восставших, под руководством Пугачева и Хлопуши, вышли навстречу и у деревни Юзеевой нанесли ему огромное поражение. Чернышев уже подходил к Оренбургу и 13 ноября вступил в Чернореченскую крепость. В виду Оренбурга, у Маячной горы, отряд Чернышева был окружен пугачевцами и в полном составе взят в плен. Здесь к Пугачеву присоединилось более 2000 человек. Одновременно с Оренбургом войсками Пугачева (отряд Чики) осаждалась Уфа; отрядами Торнова - Ногайская область; все крепости между Оренбургом и Орском, за исключением Верхне-Озерной, были заняты отрядами Хлопуши.

Правительство поняло, какую опасность представляет пугачевское восстание, и бросило в Оренбургский край сильные военные части: корпус генерал-майора Голицына, отряд генерала Мансурова, отряд генерала Ларионова и сибирский отряд генерала Декалонга. Командующим войсками по борьбе « Пугачевым был назначен, вместо Кара, генерал-аншеф Бибиков.

Вся зима прошла в осаде Оренбурга, и только уже в марте месяце, узнав о приближении корпуса Голицына, Пугачев отошел от Оренбурга навстречу наступающим войскам. С Голицыным Пугачев встретился около Сорочиной крепости, атаковал его, но неудачно, и отступил к крепости Татищеву.

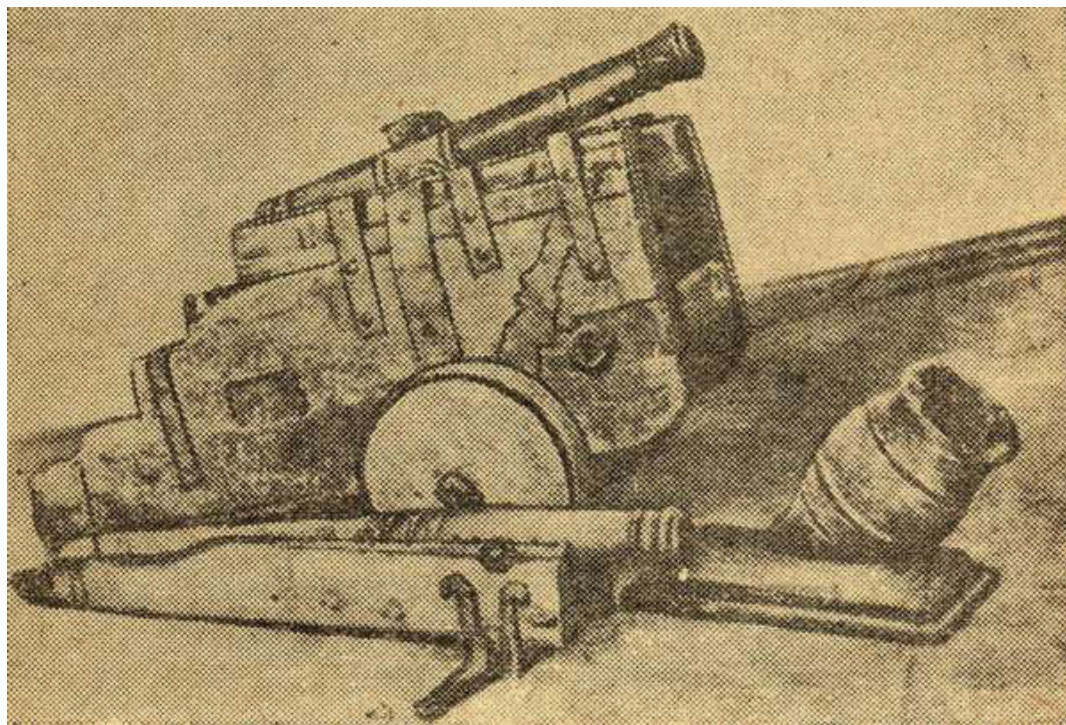
Голицын, выдержав атаку Пугачева, повел свои войска ему вслед и атаковал у крепости Татищевой. Бой под Татищевой был одним из самых сильных боев. Обе стороны дрались с упорством и ожесточением, но регулярные, прекрасно вооруженные части Голицына взяли перевес. Пугачев был разбит, потеряв в бою 1300 человек убитыми и около 3000 взятыми в плен. Здесь же Пугачев лишился значительной части артиллерии.

Около Каргалы произошло еще одно сражение, в котором отряд Пугачева был разбит окончательно и отступил к уральским заводам.

Под Уфой действовал отряд полковника Михельсона. Он разбил отряд Чики и направился к заводам. Пугачев занят крепость Магнитную и двинулся к Кизильской. Но узнав о

приближении сибирского отряда под командой Декалонга, Пугачев ушел в горы по Верхне-Уйской линии, сжигая на своем пути все крепости.

20 мая 1774 года пугачевцы заняли Троицкую крепость, а 21 мая к ней подошел, спешивший догнать отряд пугачева отряд Декалонга. Пугачев располагал войском, более чем в 11000 человек, но оно было не обучено, слабо вооружено и поэтому в сражении под Троицкой крепостью потерпело поражение. Пугачев отступил в сторону Челябинска. Здесь у крепости Варламовой он был встречен отрядом полковника Михельсона и понес новое поражение. Отсюда войска Пугачева отступили к Уральским горам.

Пугачевские пушки

Фото ЕЛАГИНА

Пополнив армию, Пугачев двинулся на Казань и атаковал ее 11 июля. Город был взят, за исключением крепости. Но 12 июня к Казани подошли войска под командой полковника Михельсона. В сражении, длившемся более двух суток, Пугачев был снова разбит и потерял около 7000 человек.

Хотя армия Пугачева и была бита, но восстание подавлено не было. Когда Пугачев после поражения в Казани переправился на правый берег Волга и разослал свои манифесты крестьянам, призывая их бороться против дворян и чиновников, то крестьяне начали восставать, не дожидаясь его прихода. Это обеспечило ему движение вперед. Армия пополнялась и росла.

Прихода Пугачева ждали рабочие и крестьяне Центральной России, но он не пошел на Москву, а взял курс, на юг, по правому берегу Волги. Это шествие было победоносным, Пугачев двигался, почти не встречая сопротивления, и занимал населенные пункты, города один за другим. Везде его встречали с хлебом-солью, с хоругвями и иконами.

1 августа пугачевские отряды подошли к Пензе и почти без сопротивления взяли ее. 4 августа был взят Петровск, а за ним в ближайшие дни Саратов. Вступая в город, Пугачев всюду выпускал из тюрьмы заключенных, открывал хлебные и соляные магазины и раздавал товары народу.

17 августа была взята Дубовка, а 21 августа пугачевцы подошли к Царицыну и пошли на штурм. Царицын оказался первым городом после Оренбурга, который Пугачев не мог взять. Узнав, что к Царицыну подходит отряд Михельсона, он снял осаду города, и пошел на юг, думая пробраться на Дон и поднять на восстание все его население.

В ночь с 24 на 25 августа у Черного Яра восставших настиг отряд Михельсона. Произошло

большое последнее сражение. В этом сражении армия Пугачева была окончательно разбита, потеряв более 10000 человек убитыми и взятыми в плен. Сам Пугачев и несколько его приближенных успели пробраться на левый берег Волги. Они намеревались поднять против правительства народы, кочевавшие в прикаспийских степях, и прибыли в село, расположенное у речки Большие Узени.

Правительство всюду разослало манифесты, в которых обещало 10000 награды и прощение тому, кто выдаст Пугачева. Казаки из кулацкой верхушки, увидев, что восстание превратилось в поход бедноты против эксплуататоров и угнетателей, разочаровывались в нем все более и более. После поражения Пугачева они сговорились спасти свою продажную шкуру. Приближенные Пугачева - Чумаков, Творогов, Федулов, Бурнов, Железнов и др. напали скопом на Пугачева, как трусливые псы, связали его и выдали властям. Пугачев был доставлен коменданту Яицкого городка Симонову, а оттуда - в Симбирск.

4 ноября 1774 года в железной клетке, как дикий зверь, Пугачев, в сопровождении жены Софьи и сына Трофима, был доставлен в Москву, где началось следствие. Следственная комиссия пыталась представить дело так, что восстание было подготовлено по инициативе враждебных государств, но ход дела неумолимо показывал, что оно было вызвано непосильным гнетом и эксплуатацией, которым подвергались народы края.

29 декабря начался судебный процесс, а через несколько дней был вынесен следующий приговор:

«Сентенция о наказании смертною казнью изменника, бунтовщика и самозванца Пугачева и его сообщников.

С присоединением объявления прицаемым преступникам.

Сего ради Собрание, находя дело в таких обстоятельствах, сообразуясь беспримерному Ея Императорского Величества милосердию, зная Ея сострадательное и человеколюбивое сердце, и наконец, рассуждая, что закон и долг требуют правосудия, а не мищения, нигде по Христианскому закону несовместного, единодушно приговорили и определили, за все учиненные злодеяния, бунтовщику и самозванцу Емельке Пугачеву, в силу прописанных Божеских и гражданских законов, учинить смертную казнь, а именно: четвертовать, голову взоткнуть на кол, части тела разнести по четырем частям города и положить на колеса, а после на тех же местах сжечь. Главнейших его сообщников, способствующих в его злодеяниях: 1. Яицкого казака Афанасия Перфильева, яко главнейшего любимца и содейственника во всех злых намерениях, предприятии и деле изверга и самозванца Пугачева, паче всех злостию и предательством своим достойного лютейшия казни, и которого дела во ужас каждого сердца привести могут, что сей злодей, будучи в Петербурге в то самое время, когда изверг и самозванец обнаружился перед Оренбургом, сам добровольно предъявил себя начальству с таковым предложением, якобы он будучи побуждаем верностью к общей пользе и спокойствию, желал уговорить главнейших сообщников злодейских, Яицких казаков к покорению законной власти, и привести злодея обще с ними с повинною. По сему точно удостоверению и клятве отправлен он был к Оренбургу; но сожженная совесть сего злодея под покровом благонамерения алкала злобою: он приехав в сонм злодеев, представился к главному бунтовщику и самозванцу, в Берде тогда бывшему, и не только удержался от исполнения той услуги, которую исполнить он обещал и заклинался, но, что-б уверять самозванца в верности, объявил ему откровенно все намерение свое, и соединяясь предательской совестью своею с мерзкою душою самого изверга, пребыл с того времени до самого конца непоколебим в усердии ко врагу отечества, был главнейшим соучастником зверских дел его, производил все мучительнейшия казни над теми несчастными людьми, которых бедственный жребий осуждал попасться в кровожаждущия руки злодеев, и наконец, когда злодейское скотище разрушено в последние под Черным Яром, и самые любимцы изверга Пугачева кинулись на Яицкую степь, и искав спасения, разбились на разные шайки, то казак Пустобаев увещевал товарищей своих явиться в Яицком городе с повинною, на что другие и согласились; но сей ненавистный предатель сказал, что он лучше желает живым быть зарыту в зею, нежели от-

даться в руки Ея Императорского Величества определенным, начальствам; однако ж высланною командою пойман; в чем сам он предатель Перфильев перед судом облачен и винился; - четвертовать в Москве.

Яицкому казаку Ивану Чике, он же и Зарубин, самоназвавшемуся Графом Чернышевым, присному любимцу злодея Пугачева, и который при самом начале бунта злодея паче всех в самозванстве утвердил, многим другим соблазнительный пример подал и с крайним рачением укрыл его от поимки, когда за самозванцем выслана была из города сыскная команда, и потом при обнаружении злодея и самозванца Пугачева, был из главнейших его содейственников, начальствовал отделенною толпою, осаждал город Уфу. За нарушение данной перед всемогущим Богом клятвы в верности Ея Императорскому Величеству за прилепление к бунтовщику и самозванцу, за исполнение мерзких дел его, за все разорения, похищения и убийства - отсечь голову, и взоткнуть ея на кол для всенародного зрелища, а труп его сжечь со эшафотом купно. И сию казнь совершить в Уфе, яко в главном из тех мест, где все его богомерзкие дела производимы были.

Яицкого казака Максима Шигаева, Оренбургского казачьего Сотника Подурова и Оренбургского неслужащего казака Василия Торнова, из которых первого Шигаева, за то, что он по слуху о самозванце добровольно ездил к нему на умет, или постоянный двор к Степану Абаляеву, отстоящем неподалеку от Яицкого города совещевал в пользу обнаружения злодея и самозванца Пугачева, разглашал о нем в городе, и по елику смысл его привлекал вероятие простых людей, то произвел там во многих к бунтовщику и самозванцу привязанность; а потам, когда злодей уже явно похитив имя покойного Государя Петра Третьего, приступил к Яицкому городу, то был он при нем из первых содейственников его. При обложении ж Оренбурга, во всякое время, когда сам главный злодей оттуда отлучался к Яицкому городу, оставлял его начальником бунтовщицъей толпы своей. А в сие ненавистное начальство производил он Шигаев многие злости: повесил посланного в Оренбург от Генерал-Маіора и Кавалера Князя Голицына Лейб-Гвардии конного полку рейтара с известием о его приближении, единственно за сохраненную сказанным рейтаром истинную верность к Ея императорскому Величеству, законной своей Государыне. Второго Подурова, яко сущего изменника, который не только предался сам злодею и самозванцу, но и писал многая развратительныя в народе письма, увещевал верных Ея Императорскому Величеству Яицких казаков предаться к злодею и бунтовщику, называя его и уверяя других, яко бы он был истинный Государь, и наконец писал угрожительные письма к Оренбургскому Губернатору Генерал-Поручику и Кавалеру Рейнсдорпу, к Оренбургскому Атаману Могучову и к верному Старшине Яицкого войска Мартемьяну Бородину, которыми письмами сей изменник убежден и признался. Третьего Торнова, яко сущаго злодея и губителя душ человеческих, разорившаго Нагайбацкую крепость и некоторыя жительствова, и притом вторично прилепившагося к самозванцу, повесить в Москве всех их троих.

Яицких казаков, Василия Плотникова, Дениса Каравая, Григория Закладнова, Мещерятскаго Сотника Казнафера Усаева, и Ржевскаго купца Долгополова за то что, оные злодейские сообщники, Плотников и Каравая, при самом начале злодейскаго умысла, приезжали к пахотному солдату Абаляеву, где самозванец тогда находился, и условясь с ним о возмущении Яицких казаков, делали первыя разглашения в народ, и Каравая рассказывал, яко бы видел на злодее Царские знаки... Приводя таким образом в соблазн простых людей, оный Каравая и Плотников, по слуху о самозванце будучи взяты под караул, о нем не объявили. Закладнов был подобно первым из начальных разглашателей о злодее, и самый первый, перед кем злодей дерзнул назвать себя Государем. Казнафер Усаев был двоекратно в толпе злодейской, в разныя ездил места для возмущения Башкирцев и находился при злодеях Белобородове и Чике, разныя тиранства производивших. Он в первый раз захвачен верными войсками под предводительством Полковника Михельсона при разбитии злодейской шайки под городом Уфою, и отпущен с билетом на прежнее жительство;

но не чувствуя оказанного ему милосердия, опять обратился к самозванцу, и привез к нему купца Долгополова. Ржевский же купец Долгополов, разными лже составленными вымыслами приводил простых и легкомысленных людей в вящее ослепление, так, что и Казнафер Усаев утвердись больше на его уверениях, прилепился вторично к злодею. Всех пятерых высечь кнутом, поставить знаки и вырвав ноздри, сослать на каторгу, и из них Долгополова сверх того содержать в оковах.

Яицкого казака Ивана Почиталина, Илецкого Максима Горшкова и Яицкого же Илью Ульянова за то, что Почиталин и Горшков были производителями письменных дел при самозванце, составляли и подписывали его скверные листы, называя Государевыми манифестами и указами, через что умножая разврат в простых людях, были виною их неучастия и пагубы. Ульянова, яко бывшего с ними всегда в злодейских шайках, и производившаго, равно как и они, убийства, всех троих высечь кнутом и, вырвав ноздри, сослать на каторгу.

Яицких казаков: Тимофея Мясникова, Михайлу Кожевникова, Петра Кочурова, Петра Толкачева, Ивана Харчева, Тимофея Скачкова, Петра Горшенина, Понкрата Ягунова, пахотного солдата Степана Абаляева и ссыльного крестьянина Афанасия Чуйкова, яко бывших при самозванце, и способствовавших ему во лживых разглашениях и составлении злодейских шаяк, высечь кнутом, и вырвав ноздри, послать на поселение.

Отставного Гвардии фурьера Михаила Голева, Саратовского купца Федора Кобякова и раскольника Пахомия, первых за прилепление к злодею и происходимые соблазны от их разглашений, а последнего за ложные показания высечь кнутом, Голева и Пахомия в Москве, а Кобякова в Саратове, да Саратовского ж купца Протопопова за несохранение в нужном случае должной верности, высечь плетью.

Илецкаго казака Ивана Тварогова, да Яицких, Федора Чумакова, Василия Коновалова, Ивана Бурнова, Ивана Федулова, Петра Пустобаева, Козьму Кочурова, Якова Почиталина и Семена Шелудякова, в силу Высочайшего Ея Императорскаго Величества милостивого манифеста; от всякого наказания освободить; первых пять человек по тому, что вняв гласу угрызению совести, и возчувствуя тяжесть беззаконий своих, не только пришли с повинною, но я виновника пагубы их Пугачева связав, предали себя и самого злодея и самозванца законной власти и правосудию; Пустобаева, за то, что он отделившуюся шайку от самого Пугачева склонил притти с повинованием, равномерно и Кочурова, еще прежде того времени явившегося с повинною; а последних двух за оказанные ими знаки верности, когда они были захвачены в толпу злодейскую и были подсылаемы от злодеев в Яицкий город, но они приходя туда, хотя отстать от толпы, опасались, однако возвещали всегда о злодейских обстоятельствах и о приближении к крепости верных войск; и потом когда разрушена была злодейская толпа под Яицким городом, то сами они к военачальнику явились. И о сем Высочайшем Милосердии Ея Императорского Величества и помиловании сделать им особое объявление, через потрясенного из собрания Члена, сего Генваря 11 дня, при всенародном зрелище пред грановитую Палату, где и снять с них оковы.

Определенную злодеям смертную казнь в Москве учинить на болоте, сего Генваря 10 дня. К чему привести и злодея Чуку, назначенного на казнь в городе Уфе, и после здешней экзекуции того же часа отправить на казнь в назначенное ему место. И для того, как опубликовании сей сентенции, так и сказуемом милосердии прощаемым и о надлежащих ж тому приуготовлениях и нарядах послать из Сената, куда надлежит, указы. Заключена Генваря 9 дня 1775 года».

(Полное собрание законов Российской империи.
Год 1775. 10-го января. Закон №14233, стр. 1-7)

Как видно из текста, приговор полон ненависти и жестокого мщения к рабам, которые осмелились восстать против своих угнетателей. Сквозь лицемерные слова о милосердии, сострадания, о человеколюбии во всей наготе выступает звериная злоба и желание расправиться

со всей жестокостью с Пугачевым и его соратниками.

Кулаки, предавшие Пугачева, были помилованы. Приговор Екатериной II был утвержден. Осужденные пощады не просиди.

10 января 1775 года в Москве царские палачи казнили народного вождя и его сподвижников. Пугачева и Перфильева должны были четвертовать живыми, но палач «ошибся» и отрубил им прежде головы, а потом четвертовал.

Оренбургский губернатор Рейнсдорф, полковник Михельсон и другие командиры за подавление народного восстания получили в награду новые чины, деревни с крепостными крестьянами и землями, а также большие денежные суммы.

После пугачевского восстания

Пугачевское восстание показало правительству Екатерины народную силу и то, что всякому терпению есть предел. Передовые люди того времени понимали, что ликвидировать недовольство народных масс, или хотя снизить его, можно только проведением решительных реформ, удовлетворяющих запросы народа. Но поступить так, означало выступить против интересов господствующего класса, капиталистов и дворян.

Чтобы предупредить восстания, правительство проводит другого рода меры. Екатерина II, желая стереть из памяти ненавистные имена, связанные с Пугачёвским движением, переименовала названия различных мест; так станица Зимовейская на Дону, где родился Пугачев, была переименована в Потемкинскую; Екатерина II велела сжечь дом, где родился Пугачев. При этом произошел курьез. Так как дом Пугачева ранее был продан и перенесен на другую усадьбу, то его приказали поставить на прежнее место и потом, в силу указа, сожгли. Река Яик была названа Уралом. Яицкое войско Уральским казачьим войском, Яицкий городок - Уральском, Верхне-Яицкая пристань - Верхнеуральском и т. д. Именной указ Сената по этому поводу гласит:

«...для совершенного забвения сего на Яике последовавшего несчастного происшествия, реку Яик, по которой, как оное войско, так и город его название свое донныне имели, по причине той, что оная река протекает из Уральских гор, переименовать Уралом, а потому и войско наименовать Уральским, и впредь яицким не называть, равно и Яицкому городу называться отныне Уральск; о чем для сведения и исполнения сим и публикуется».

*(Полное собрание законов Российской империи.
Год 1775. 15-го января. Закон № 14235, стр. 15).*

В крае были сконцентрированы крупные военные силы. Опираясь на них, следственные комиссии чинили суд и расправу над участниками восстания.

Все остроги и тюрьмы были переполнены арестованными. В одном только Оренбурге их находилось более 4000. Тюремный замок был набит, и арестованных сажали в каменные лавки гостиного двора. Расправа была жестокой: во время пыток у многих вырывали ноздри, сажали на колья, клеймили горячим клеймом, и массами отправляли людей на поселение и вечную каторгу.

Последние признаки казачьего самоуправления были ликвидированы, и среди казачьего войска установлен жесткий режим, разрушенные крепости были восстановлены, а комендантами крепостей назначены преданные правительству офицеры-службисты. После восстания власть комендантов крепостей еще более расширилась и стала неограниченной. В каждом казаке коменданты видели «бунтовщика», «вора», «разбойника». Коменданты прикрепляли из гарнизона солдат капралов для наблюдения за казаками. Жалобы казаков рассматривались как неподчинение. Многие коменданты вводили твердый регламент, который предусматривал время, когда казаки должны топить печи, когда мыться в бане, когда вечером гасить огни. За малейшее нарушение установленного регламента виновных стегали плетьюми.

Ухудшилось положение крепостного крестьянства: оно должно было работать на помещика еще больше, чтобы восполнить материальные затраты, понесенные во время восстания. Многих рабочих сослали на каторжную работу.

Для улучшения наблюдения за порядками в крае в 1782 году была проведена новая реформа. Вместо губернии учреждены два наместничества: Симбирское и Уфимское, которые, в свою очередь, делились на области, последние на уезды, а уезды на волости. Уфимское

наместничество состояло из двух областей - Оренбургской и Уфимской. В состав

Оренбургской области входили уезды: Оренбургский, Бузулукский, Верхнеуральский, Сергиевский и Троицкий. Ряд крепостей превращены в города Бугуруслан, Орск, Троицк, Челябинск, с соответствующим штатом чиновников и воинскими командами. Первым наместником в крае был барон Игельстром, резиденцией которого являлся г. Симбирск, а с 1784 года - Уфа.

В 1796 году Оренбургская губерния восстановлена в составе 13 уездов с административным центром в г. Оренбурге.

Эпизоды из времен крепостного права в Оренбургской губернии

В конце 18-го века царское правительство устремляет свое внимание на казахов, которых и покоряет силой оружия в первой половине 19-го века.

Покорив население Оренбургского края, правительство раздает дворянам земли как пустующие, так и заселенные. Жители или переселяются в другие места, где менее плодородная земля, или превращаются в крепостных крестьян. На новые земли помещики перебрасывают крепостных из центральных губерний России.

Если бесправие крестьян центральных губерний доходило до того, что правительство вынуждено было одергивать зарвавшихся феодалов и издать ряд законов, запрещающих издеваться над крестьянами, то не трудно представить положение крестьян отдаленных провинций, и в частности крестьян Оренбургского края.

Помещик расширяет свое хозяйство и заставляет крестьян как можно больше работать, чтобы выбросить больше сельскохозяйственных товаров на рынок. Многие владельцы вводят урочную систему труда. На работу привлекаются старики, женщины и дети. После выполнения урока крестьянину не оставалось времени для ведения своего хозяйства, и оно приходило с каждым днем в упадок.

Доведенные до крайних пределов эксплуатации, бесправия и издевательств, крестьяне убегали из дому в одиночку и семьями, пытались жаловаться «высокородным» губернаторам, доходили до сената и царя, но положение не менялось.

Жалобы разбирались годами и десятилетиями, а помещики расправлялись с жалобщиками, как находили нужным. Уездное и губернское начальство, спаянное с помещиками родственными узами и единством классовых интересов, оставляло жалобы крестьян без последствий или обвиняло жалобщиков, в лености, непокорности и т. д.

В чкаловском областном архиве сохранилось множество дел времен крепостного права. Ниже мы даем несколько зарисовок, характеризующих проявление крепостного права. Эти зарисовки составлены на основе дел канцелярии оренбургского генерал-губернатора.

Во власти взяточников

Недалеко от Бугульмы есть небольшое село Новое Спиридоново, а рядом расположено село Иштиряково. В 1796 году, в летнюю пору, крестьяне села Иштирякова захватили у спиридонцев 452 десятины сенокоса. На предложения разрешить вопрос мирным путем и отдать обратно землю, крестьяне села Иштирякова ответили отказом. При этом они ссылались на то, что спиридоновцы владели землей незаконно, что она искони была иштиряковской.

Тогда крестьяне села Спиридонова, вооружившись кто чем мог, вышли косить. Узнав об этом, лавой нахлынули крестьяне села Иштирякова. Завязалась кровавая борьба. Обе стороны пустили в ход вилы, косы и колья. Спорное поле оросилось кровью. Больше часа шла междоусобная война. Наконец жители села Спиридонова не выдержали и пустились бежать, оставив на поле битвы до 20 человек раненых и одного убитого - Егора Осипова.

Потерпев поражение, обиженные решили искать правду в Бугульминском нижнем земском суде. В то время каждая деревня имела поверенного, который должен был выступать перед властями ходатаем по всем общественным делам. Не теряя времени, пока еще не было свезено сено, поверенный села Спиридонова Филипп Исаев отправился в Бугульму и передал прошение в суд.

Разбирательство дела суд поручил дворянскому заседателю Мореву, который, видимо, не раз выполнял подобные поручения и знал в них прок. Приехав в Спиридоново, он начал вести

допрос. В частных разговорах Морев разъяснял крестьянам, что дело очень запутанное, что очень трудно установить, кто прав, кто виноват, что в таких делах нередко оправдывают виноватого и наоборот. Мужики не понимали, к чему Морев клонит речь. Наконец Морев оказал прямо, что исход дела зависит полностью от него и что если спиридоновцы дадут на расходы по делу 700 рублей, то могут надеяться, что землю получают обратно.

«В коридоре окружного суда»

Репродукция картины Н. А. Касаткина. В своей картине

Художник отмечает бытовые черты, характерные для второй половины XIX века

Для небольшого и маломощного села, каким являлось Спиридоново, 700 рублей были огромной суммой. Денег не было даже для того, чтобы уплатить подати и купить соли. К тому же случилось несчастье: весной, во время разлива, вода разрушила мельничную плотину и, чтобы не ездить за пятьдесят верст, все жители сложились и построили новую. На это было израсходовано около 700 рублей. Поверенный все это объяснил Мореву и сказал, что спиридоновцы никак не могут заплатить такой суммы.

Тогда Морев, не закончив следствия, арестовал 16 человек и как преступников увез в Бугульму под стражей. Там им забили ноги в колодки и бросили в тюрьму. Заседатель после этого выехал в Иштиряково. Иначе поступи крестьяне села Иштирякова. Они дали Мореву крупную взятку. Морев, уезжая из Иштирякова, арестовал, для отвода глаз, трех человек. Но арестованные были направлены в Бугульму без стражи и заключены не в тюрьму, а в караульную избу. В ней они оставались несколько суток без всякой охраны, а затем отпущены «на поруки».

В это время арестованные спиридоновцы терпели различные притеснения. Они собрали 50 рублей денег и отдали их Мореву. Приняв взятку, Морев обещал выпустить арестованных тогда, когда они внесут еще 650 рублей.

Тогда жители села Спиридоново написали на Морева жалобу и с тремя ходоками, Семеном Ивановым, Иваном и Исаем Спиридоновыми, направили ее в Уфимское наместничество. Дорога была неблизкая, а челобитчики шли пешком. Потянулись дни за днями.

Заседатель, узнав о челобитной, приказал солдатам перехватить жалобщиков на дороге и

арестовать их. Но ходоки уже успели передать жалобу и возвратиться назад. Морев решил применить другие средства воздействия на «бунтовщиков».

Когда полночь опустилась на землю и утомленные дневной работой люди спали крепким сном, в Спиридонове вспыхнуло одновременно несколько строений. Ударили в набат, раздались крики, зовущие на помощь. От дома к дому перебежали какие-то незнакомые люди, вооруженные кольями, пешнями, вилами. Они поджигали дворы, врываются по несколько человек в избы, избивали хозяев, отбирали деньги, извлекали из сундуков праздничную одежду и уносили с собой. Это были подручные Морева.

Растерявшиеся спиридоновцы не знали, куда бросаться что делать. Крики: караул! спасите! горим! - раздавались отовсюду. В суматохе были схвачены Кирилл Иванов и Семен Иванов. Их забили в колодки, отправили в Бугульму и посадили в тюремный замок. Семена Иванова Марев выпорол плетью, одел на шею железную цепь и свободный конец ее приковал наглухо к стене камеры.

Когда Иванов начал просить объяснения, за какую вину, как тяжчайшего преступника приковывают его на цепь, заседатель ответил:

— Чтобы меньше по наместничествам ходил да меньше писал о том, что Морев с мужиков берет взятки.

На этом дело не окончилось. Озлившийся дворянский заседатель решил проучить мужиков так, чтоб другим не было повадно. Недели через две в полусожженную Спиридоновку явился гневный начальник. Приведя с собой команду каторжан из ведомства Оренбургской конторы строений, он собрал жителей на сходку и в немногих словах объявил, что мельница и мельничная плотина построены не на месте, что если оставить плотину здесь, то вода, постепенно напирая на правый берег, образует обвалы, и река может изменить свое русло. На основании указа о построении на реках плотин Морев предложил мельницу и плотину убрать.

Напрасно крестьяне просили и доказывали, что мельница на этом месте десятки лет стоит, а берег не обвалился и река со своего места не ушла. Грозный начальник был неумолим. К вечеру мельница была разрушена, и на месте плотины остался только илистый водоем. Уезжая в Бугульму, заседатель арестовал и забрал с собой остальных двух челобитчиков, Ивана и Исаю Спиридоновых. В Бугульме он подверг их жестокому наказанию плетью, забил в колодки, одел на них железную цепь и приковал к стене. Морев решил вырвать 700 рублей по частям. Он сказал арестованным, что освободит их тогда, когда они внесут 60 рублей.

Домашние Спиридоновых продали все, что могли, и набрали только 30 рублей. Деньги Морев взял, но выпустил арестованных из тюрьмы только тогда, когда арестованные дали обещание, что по приезде домой внесут остальные 30 рублей. Через несколько дней после освобождения, к братьям Спиридоновым явился посланный заседателя Бушуев. Он потребовал от них обещанные 30 рублей и 10 четвертей муки дополнительно. Братья же Спиридоновы, возвратившись домой, увидели, что уже продан последний хлеб, что им не только нечем уплатить заседателю остальные деньги, но придется голодать вместе с семьями. Бушуев уехал ни с чем.

Узнав об этом, Морев пришел в ярость. Он сам выехал в Спиридонове и записал всех мужчин соответствующего возраста в рекрутский набор. Спиридоновцы решили искать правды и защиты теперь уже у самой царицы. Крестьяне собрали денег и отправили в Петербург своего поверенного Филиппа Исаева. Крепко надеялись мужики на царскую помощь. Скоро слухи о посылке к царице докатились до Морева.

Не дожидаясь заключения царицы или сената, Морев собрал своих крепостных и, руководя лично, произвел новое опустошительное нападение на Спиридоновку. Снова огненные языки запрыгали по крышам изб, снова раздались призывные крики о помощи. Сколько было ограблено и сожжено домов, осталось неизвестным, но о последствиях пожара свидетельствует то, что только не обмолоченного хлеба было сожжено 400 возов.

Больше всех досталось родным Филиппа Исаева. Морев арестовал его сноху, больного старого отца, дядю. Он забил их в колодки и увез в Бугульму. Там их пороли плетью до полусмерти и после экзекуции бросили в тюрьму. Но этого показалось мало. Заседатель запретил выдавать заключенным пищу. Больной старик, после тяжелых побоев и нескольких дней голодовки, умер в тюрьме. Смерть старика немного отрезвила Морева; он понял, что ему могут

предъявить обвинение в убийстве. Желая сгладить свой поступок, Морев отдал труп старика для похорон в Спиридоново и освободил Филиппова дядю, вручив ему билет из бугульминской управы благочиния о благонадежности.

Между тем Филипп достиг Петербурга. После ряда мытарств прошение Филиппа попало в сенат и 29 ноября 1796 года было заслушано. Результатом этого заседания был указ от имени сената на имя генерал-губернатора Вязьмитинова. Ему предлагалось лично заняться разбором дела. Но генерал-губернатор этим сам не стал заниматься, а отдал распоряжение Бугульминскому нижнему земскому суду.

Возвратившись, Филипп Исаев обрадовал мужиков известием, что их дело пошло в ход, что сам сенат взялся за разбирательство. Крестьяне со дня на день ожидали вызова в наместничество. Но всех бугульминских чиновников связывала одна нить преступлений. Поэтому нижний земский суд спешно «разобрал» дело, не вызывая крестьян, и нашел жалобу их неосновательной, а действия Морева законными; земля была оставлена за крестьянами села Иштирякова. Решение суда было отправлено Вязьмитинову, а последний его переслал в сенат.

Узнав об этом, крестьяне поникли головами. Большинство решило примириться, руководствуясь пословицей «плетью обуха не перешибешь».

Тогда Филипп Исаев один, без копейки в кармане, пошел в далекий Питер. Питаясь подаванием, он еще раз прошел длинный путь. Сенат вновь разобрал жалобу Филиппа и указал Оренбургскому ведомству суда и расправы, что необходимо пересмотреть дело. Но бугульминские стражи закона времени не теряли. На крестьян Филиппа Исаева, Петра Иванова и Ивана Спиридонова был составлен материал, обвиняющий их в бунте, неподчинении властям, нежелании платить подати. Оренбургское ведомство суда и расправы судебное дело по жалобе оставило без последствий и издало приказ об аресте «бунтовщиков».

Бесправие матери

Агафья родилась в селе Озерках (впоследствии Архангельское). Родители ее были крепостными барина Петра Вяхляева.

Годы шли. Подросла Агафья, на барщину стала ходить, вместе с отцом и матерью. Семнадцатый год пошел Агафье, когда умер старый барин. Именье по завещанию досталось далекой родственнице.

Когда прошло 40 дней после смерти Вяхляева, новая хозяйка оповестила всю округу о продаже имения с торгов. Продавались крестьяне в одиночку и семьями, продавался скот, хлеб, сено и все, что составляло собственность покойного. На троицын день в усадьбу наехало много господ: одни - купить, другие - из любопытства. От богатых помещиков приехали управляющие.

Тут было и несколько офицеров Самарского гарнизона, случайно находившихся поблизости. Среди них был поручик Елютин. Он отделился от друзей и пошел к крестьянам. Мимо пожилых, с детьми, проходил, а около девушек останавливался, внимательно осматривал каждую со всех сторон. Оглядев всех, поручик побрел к крыльцу, видимо, не найдя того, чего искал. Вдруг он увидел в стороне от всех девушку. Лицо девушки понравилось ему. Елютин поспешил к ней.

— Дворовая барыни Пыхачевой? — спросил он. Девушка мельком взглянула на него и, отвернувшись в сторону, проронила:

— Да.

— А звать как?

— Агафьей.

Через некоторое время после разговора плачущую Агафью вырвали из рук матери и посадили в офицерский возок. На другой день ее доставили в квартиру Елютина. Он ласково встретил Агафью и поместил ее в маленьком чуланчике, рядом со своей комнатой.

Около недели прожила она у Елютина и уже начала думать, что он и вправду хороший человек. Но однажды ночью убедилась, что мать была права, когда говорила, что барин купил ее для надругательства.

ТОРГ. Картина рисует бытовую обстановку помещика средней руки, совершающего куплю-продажу крепостных крестьян. Репродукция с картины Н. В. Неверова

Да не таковская была Агафья: она, как уж, выскользнула из трясущихся рук Елютина, схватила медный подсвечник и бросилась на обидчика. Елютин струсил и бежал.

На другой день Агафья сказала Елютину: — Ежели вы, барин, для того меня купили, то убейте сейчас. Не то я убью вас. А о чем думаете — того не будет.

Елютин понял, что игра опасная, и временно оставил Агафью в покое.

Неожиданно для всех к Елютину явилась жена. Узнав, что муж без ее ведома купил девушку, она объяснилась с ним при помощи пощечин; но Агафью не тронула, только не велела попадаться к себе на глаза. Около месяца гостила жена у Елютина. Уезжая, она увезла с собой в Стерлитамак Агафью.

Началась несладкая жизнь для девушки. Барыня назначила ее скотницей. Да не работа сушила, к работе Агафья привыкла с пеленок.

Скоро вся дворня стала хихикать, глядя на нее. Мужики, да парни начали приставать. Агафья отбивалась от них, плакала,

Барыня нередко вызывала к себе Агафью, мольбой, лаской и побоями хотела вынудить признания о том, чего не было. Агафья плакала, клялась в невинности, а барыня озлоблялась, плевала в лицо, била и кричала: «Врешь, подлая, врешь, лживая рабыня! Узнаю, узнаю все!» Дело заканчивалось тем, что барыня выталкивала Агафью и велела наказывать розгами.

Еще хуже стало, когда, выйдя в отставку, возвратился домой барин. Он боялся жены и об Агафье словно забыл. А барыня еще больше возненавидела ее.

Около трех лет мучилась Агафья и однажды в ночь 29 апреля 1788 года после жестоких побоев, взяв на дорогу кусок хлеба, ушла из Стерлитамака. Она не знала, куда идти, - везде были чужие люди. Двое суток шла голодная, боясь зайти во встречные деревни. На третьи сутки силы совершенно оставили ее. Она почувствовала, что идти больше не может, и свалилась у проселка. Все последующее застлал туман.

Придя в сознание, Агафья узнала, что попала в село Нижне-Озерное, имение коллежского советника Тимашева. На другой день ушла, по совету приютивших ее крестьян, в с. Никольское. Начинался сев. Тимашев заседал не одну тысячу десятин земли; рабочие руки были нужны. Кроме крестьян, в имениях работали каторжники из Оренбургского ведомства конторы строений.

Управляющий на работу Агафью принял. Около года она проработала в Никольске и полюбила каторжанина Матвея Чернобаева, весной в 1789 году вышла за него замуж. Муж любил Агафью, никогда не обижал. Они усиленно работали, откладывая по копейке сбережения, чтоб выкупить ей вольную.

В 1790 году родился у них сын, Иван, а через три года другой сын, Александр. Трудно было жить Чернобаевым, да когда вспоминала Агафья жизнь свою у Елютина, то ей казалось

будто она вновь на свет родилась, будто солнышко ласковее светить стало.

Недолго радовалась Агафья. Занедужил Матвей, слег я умер. Управляющий выдал расчет. Куда идти? Куда податься с двумя маленькими? Кому нужна? Кто позаботится о сиротах? Каторжник Заворухин Григорий, товарищ Матвея, помогать стал. Полюбились детишки, да и они к нему тянуться стали. Вышла замуж Агафья второй раз, за Заворухина.

Осенью 1793 года команду каторжан перевели в Оренбург, куда с мужем уехала и Агафья.

Между тем жена Елютина везде разыскивала бежавшую и напала в Оренбурге на ее след. 23 ноября 1793 года она подала прошение в оренбургскую управу благочиния. Елютина обвиняла Агафью в похищении вещей; помимо этого госпожа требовала примерного наказания Агафьи за развратное поведение.

Управа благочиния начала разбор дела. Был запрошен Никольский священник Антип и стерлитамакское городское правление. Пока шло разбирательство дела, трехлетний сын Агафьи Иван был отдан Елютиной и находился на ее оренбургской квартире. Елютина запретила допускать к нему мать и неродного отца.

Стерлитамакское правление ответило, что Елютина действительно подавала прошение о том, чтобы оказать содействие в отыскании бежавшей девки Агафьи, но ни одним словом не упоминала о том, что беглянка похитила барские вещи.

Пришел ответ от Антипа, он подтверждал, что венчал Агафью с обоими мужьями и крестил обоих детей, родившихся в законный после замужества срок. Обвинение в похищении вещей и рождении сына Ивана вне брака не подтвердилось. По существующему тогда положению, если крепостная девушка выходила замуж за человека, находящегося на казенных работах, то она освобождалась от крепостной зависимости и записывалась в число казенных крестьян при условии, что за нее вносили выкуп.

Елютиной жаль было терять крепостную душу, и она решила доказать, что старший сын Агафьи рожден до ее брака. А по законам крепостного времени ребенок, рожденный крепостной женщиной, оставался холопом помещика.

Елютину и Заворухиных вызвали в управу благочиния. Елютина сначала отказывалась, взять выкуп за Агафью, но присутствовавшие офицеры доказывали, что закон нарушать нельзя. Тогда Елютина приняла от Заворухина 120 руб. выкупа за жену и детей и пообещала на следующий день выдать отпускную.

Рано поутру Агафья стучала в ворота двора, где остановилась Елютина. Отворившая калитку женщина на вопрос Агафьи рассказала, что Елютина уехала домой. Она написала вольную только на Агафью да на младшего сына Александра, а старшего увезла в Стерлитамак.

Целый месяц билась в белой горячке Агафья. А когда поднялась и начала выходить из избы, отнесла прошение в управу благочиния.

Снова началась переписка, заскрипели перья чиновников. Из свмдетелей были допрошены поп Антип и восприемники мальчика: дворový человек Тимашева Михаил Жариков и девица Анна Глебова. Правда была на стороне Агафьи. Дело казалось ясным. Однако, выяснив все это, управа благочиния не решила сама действовать против дворянки в пользу жены каторжника, бывшей крепостной девки, а передала дело на рассмотрение оренбургского уездного суда.

Третий раз начался пересмотр заведомо ясного дела. Снова допрашивались свидетели, подтвердившие прежние свои показания. Уездный суд вынужден был признать незаконными действия помещицы Елютиной, но, чтобы не поставить дворянку в неудобное положение перед крепостными, он применил к мальчику указ от 17 декабря 1748 года, по которому дети каторжан могли быть изъяты от родителей. В решении суда от 9 декабря 1794 года указано: мальчика от Елютиной взять и отписать на царя, до совершеннолетия передав коменданту города.

Елютина решение передала на пересмотр в уфимский суд. Последний, разобрав дело, согласился с решением оренбургского уездного суда;

Решение оренбургского и уфимского суда было направлено на утверждение сената 2 ноября 1797 года. В сенате дело пролежало около трех лет. Все это время мальчик находился у Елютиной.

Наконец 1 августа 1800 года сенат «удосужился» рассмотреть решение по делу Агафьи. Великое злодеяние было сенатом утверждено. Мальчика отобрали от Елютиной и по этапу доставили в распоряжение оренбургского городского коменданта.

Прошлое села Якутино

В Грачевском районе, на берегу извилистой речки Боровки, расположено большое колхозное село Якутино. Его история уходит в далекое прошлое. Можно предполагать, что оно застроено в XVII или начале XVIII века.

В настоящее время Якутинский колхоз является одним из мощных колхозов района. Советская власть и Сталинская Конституция дали жителям Якутина свободную, радостную, культурную жизнь. Якутинцы, как и все трудящиеся СССР, живущие зажиточной жизнью, вспоминают о годах нужды и бесправия, как о кошмарном прошлом.

В то далекое время Якутино и некоторые другие селения (Покровское) принадлежали помещику Василию Племянникову. Василий Племянников или «хромой барин», как называли его крестьяне, будучи мелким помещиком и имея небольшое количество крепостных, старался выжать из них все, что было возможно.

Особенно усилилась эксплуатация крестьян, когда Племянников определил своих сыновей на военную службу. Молодые офицеры, чтобы не ударить в грязь лицом перед товарищами, должны были иметь деньги, вести богатую, праздную жизнь. Если раньше крестьяне работали на помещика 3 дня в неделю, то теперь это уже не удовлетворяло Племянникова, он заставляет крестьян работать больше, почти не оставляя им времени для работы в своем хозяйстве. Кроме того, крестьяне должны были платить своему хозяину натуральный налог. Начало взимания этого налога уходит в давние годы. Будто бы кто-то из предков Племянникова, проявляя заботу о крепостных, роздал им на обзаведение мелкий скот и домашнюю птицу. За это крестьяне должны были каждый год отдавать барину часть годовичного приплода от скота и птиц. Во что выливался этот побор ранее, неизвестно, но при Василии Племянникове крестьяне ежегодно вносили: за выданные 5 овец - 2 барана и 7,5 фунтов шерсти; за 2 курицы - 1 курицу и 2 цыпленка; за 1 гусыню - по 1 гусю. Простая арифметика показывает настоящую цену барской заботы о крестьянах. Если помещик роздал крестьянам 100 овец, 100 кур, 100 гусей, то за 20 лет (возьмем для примера 20 лет) он получил от них 800 баранов, 3000 фунтов шерсти, 2000 кур, 4000 цыплят и 2000 гусей. Этот простой расчет показывает, что помещику было не безынтересно «заботиться» о крепостных.

Племянников учитывал все работоспособное население. В число работоспособных включались дети с 12 лет, мужчины и женщины, старики и старухи любого возраста. Каждый должен был выполнять порученную работу. Никаких уважительных причин, освобождающих от работы, барин не признавал. Даже болезнь он считал за леность. Единственным методом «лечения» крестьян была порка. Особенно тяжело было жить крестьянам села Покровского, где жил сам помещик. По его приказанию пороли крестьян за малейшую провинность.

Дальше так жить стало невмоготу. Крестьяне условились при очередной порке собраться вместе и всем миром просить барина отменить телесные наказания.

В 1817 году у крестьянина с. Покровского заболел сын. Помещик, разгневанный невыходом больного на работу, отдал приказание пороть его розгами. Узнав об этом, отец бросился на барский двор и стал просить дворовых, чтобы они не дали бить больного. Экзекуция была отменена. Но Племянников, счел это событие за бунт, а отца больного - за главаря разбойничьей шайки, которая будто бы собиралась убить Племянникова и его семью.

На место происшествия выехал бузулукский исправник. Собрав крестьян, он убедился, что никто бунтовать не собирался. Крестьяне просили исправника воздействовать на барина, чтобы он не притеснял их, не бил, не заставлял сверх сил работать и не обременял непосильными поборами. На эти просьбы исправник ответил, что его дело охранять закон, а не вмешиваться в хозяйственные вопросы помещиков. Арестовав трех крестьян, исправник уехал в Бузулук, где арестованные были заключены в тюрьму.

После этого помещик начал расправляться с крестьянами еще суровее. Крестьяне написали прошение в судебные органы.

Следственная комиссия установила, что крестьяне не бунтовали, а собирались просить помещика смягчить наказания, что арестованный крестьянин сзывал народ не для расправы с баринном, а для защиты больного. Жалоба Племянникова, оказалась необоснованной. Все крестьяне в один голос показывали, что Племянников разоряет и издевается над ними. Крестьяне жаловались на большие «уроки», на вымогательства барина, на штрафы, на частые порки и

избиения.

Племянников и его родственники опровергнуть показания крестьян не могли. Василий Племянников и сам соглашался, что все изложенное в жалобе крестьян имело или имеет место в Покровском, но не в том освещении, которое дают крестьяне. Все свои преступления Племянников оправдывал законами или заботой о том, чтобы превратить крестьян в добросовестных и трудолюбивых работников. Только покровский священник показал, что за десятилетнюю свою службу в приходе никогда не слышал о жестоком обращении Племянникова с крестьянами. Служитель бога считал более выгодным поддержать помещика. Процесс закончился внушением крестьянам, что во всем нужно подчиняться барину. Племянникову же было дано разъяснение, что долг помещика быть человеколюбивым по отношению к крестьянам.

В 1833 году начинается новое дело между крестьянами и Племянниковым. К этому времени в управлении имениями наступили некоторые изменения. Сам «хромой барин», Василий Племянников умер, и имение было разделено между наследниками. Старшему сыну умершего - майору Андрею Васильевичу досталось с. Покровское, а младшему - штабс-капитану Николаю Васильевичу - Якутино.

Николай Племянников начал свою хозяйственную деятельность с того, что превратил Якутино в крепость. Все село было обнесено плетнем и рвом. Попасть в него или выйти за его пределы можно было через единственные ворота, постоянно охраняемые караульщиками. Без разрешения барина они не имели права никого ни впустить, ни выпустить.

Молодой хозяин взял на учет всех работоспособных. От работы не освобождались ни старики, ни больные, ни беременные, ни женщины, имеющие грудных детей. Каждому давались нормы выработки, или, как их тогда называли, «уроки». Помещик устанавливал уроки по своему усмотрению.

Выходя на барщину, каждый крестьянин знал, что если он не выполнит урока, то должен будет дорабатывать его не в барский, а крестьянский день. Племянниковым было точно установлено, сколько снопов должен нажать жнец, сколько дров должен привезти крестьянин за день, сколько должен вспахать, сколько крестьянка должна напрядь и соткать холста или сукна за определенный промежуток времени. Из материалов следственной комиссии видно, что «уроки» в Якутино были самыми высокими. Их должны были выполнять в одинаковой мере старики и подростки, беременная женщина и сильный мужчина. В распорядке дня не предусматривалось времени для кормления грудных детей. Поэтому женщины вынуждены были оставлять их дома под надзором малолеток или совершенно нетрудоспособных старух, которые в барщинные дни присматривали не только за ребятами, но и за домашним хозяйством.

Если поле находилось от села далеко, то все мужчины и женщины во время полевых работ оставались ночевать в поле. Если мать хотела навестить своих детей, то она могла идти домой только ночью. Тот, кто опаздывал придти на работу к восходу солнца, подвергался штрафу; но если крестьяне работали и после захода солнца, что случалось очень часто, за это взыскания не накладывались. Крестьяне не имели ни одной свободной минуты. Даже в то время, когда одни кормили или поили лошадей, другие должны были выкорчевывать пни, рубить кустарник и т. д.

Крестьяне почти никогда не выполняли уроков, а это влекло за собой палочную расправу, увеличение барщинного времени, уменьшение времени для работы крестьянина в личном хозяйстве.

Для того, чтобы стала понятной невероятная перегрузка, приведем один пример: в свободное от полевых работ время или в перерыв крестьяне должны были возить на барский двор дрова, которые находились в лесу за 30 верст. Племянников установил, что каждый крестьянин должен на протяжении рабочего дня доставить на барский двор не менее 1 куб. сажени. Простой подсчет показывает, что это невыполнимо.

Племянников приобрел в Московской губернии 50 крестьян. Переселяя их в Якутино, он поручил своему уполномоченному продать крестьянские дома и после продажи деньги присвоил себе. Переселенные бывшие тягловые крестьяне попали в полную зависимость от нового барина. Помещик расселил часть крестьян по избам села Якутино, а часть - в людские, превратив их таким образом в дворовых, т. е. в полных рабов.

Крестьянские земельные наделы являлись худшими, вся лучшая земля обрабатывалась для помещика, ему же принадлежал и лес. За каждой вязанкой хвороста, за жердью для оглобли, за

лыком для лаптей крестьяне должны были обращаться к барину и покупать по дорогой цене.

Система штрафов, как видно из следственных материалов, давала немалый доход помещику. Штрафы взимались по любой причине: заболел крестьянин и не вышел на барщину - штраф, отдохнул в неурочное время - штраф, не выполнил урока - штраф, и так без конца. Особенно много штрафовалось крестьян в летнее время, когда все, за исключением малых детей да больных стариков, были на барских полевых работах. Племянников штрафовал крестьян не только тогда, когда скот находился на его земле, но и в тех случаях, когда «потрава» производилась на землях соседних помещиков.

Все крепостные крестьяне платили в казну подати. Племянников и отсюда сумел извлечь для себя выгоды. Когда у крестьянина платить было нечем, барин отбирал у него имущество, главным образом скот. Отобранное оценивалось обычно не выше суммы недоимки. Лошадей Племянников отбирал в исключительных случаях, так как знал, что, оставив лошадь, он всегда сумеет выколотить из крестьянина больше пользы. Барин не допускал в Якутино и купцов. Для того, чтобы уплатить подати, крестьянин при таком положении мог что-либо продать только Племянникову; понятно, что Племянников покупал за бесценок. Он был глубоко убежден в том, что если допустить общение крестьян с внешним миром, то крестьяне могут разложиться, выйти из повиновения.

Дворовые Племянникова получали готовую пищу из барской кухни или сухой месячной паек, так называемую «месячину». Месячина состояла из одной ржаной муки; никаких круп, овощей Племянников крепостным не давал. О мясных и молочных продуктах не могло быть и речи. Однако, как ни скудна была «месячина», крестьяне предпочитали пользоваться ею, чем питаться в барской застольной. Это позволяет думать, как скудно кормили в застольной.

Как жили якутинские крестьяне, видно из секретной переписки по делу Племянникова между уездным и губернским начальством, между дворянским собранием, военным и гражданским губернаторами Оренбургского края. В этих материалах неоднократно упоминается, что к допросу крестьяне являлись почти нагими. Следственная комиссия выявила, что в Якутине не было ни одного, крестьянина, избежавшего телесных наказаний. Жестокие телесные наказания и тяжелая жизнь нередко приводили крестьян к самоубийству.

Следственная комиссия установила среди крестьян, принадлежащих Василию Племянникову, три случая самоубийства. В 1830 году староста Кузьма Моисеев по неизвестным причинам впал в немилость помещика. Помещик преследовал его на каждом шагу. Не будучи в силах терпеть дальше издевательства и унижения, Моисеев ушел в лес и там повесился на березе.

Вторым по счету было покушение на самоубийство Гаврилы Матвеева. Матвееву было 50 лет. Он жаловался на болезнь. Помещик не верил этому и заставлял его работать наравне с другими. Не справляясь с работой, Матвеев был неоднократно жестоко бит. Желая избавиться от мучений, Матвеев решил перерезать себе горло, но выполнить этого не смог; он прожил еще 28 дней, в течение которых его опять заставляли отбывать барщину. При вскрытии трупа было обнаружено, что Матвеев был болен водянкой.

Третьим, пытавшимся прекратить свою жизнь, был пожилой крестьянин Родионов. Он тоже решил перерезать себе горло, но также неудачно. Родионов показывал, что решил убить себя, не желая дальше терпеть издевательства и притеснения помещика. Уездное начальство, связанное с Племянниковым узами родства, признало виновным Родионова и заключило его в бузулукский тюремный замок, где он скоро скончался. Дело так и осталось незаконченным.

Племянниковым была организована «больница», в которой не было ни одного медицинского работника. Если крестьянин не являлся на барщину по болезни, то его немедленно отправляли в эту больницу и лечили дегтярной водой. Крестьяне почитали за лучшее умереть, чем идти в больницу.

Особо провинившихся, помимо побоев, Племянников заковывал в колодки и заставлял наравне с другими выполнять «урок» на барщине. Примером такого жестокого наказания может быть Дарья Васильева, которая около полугода ходила на барщину, не снимая колодок.

Якутинские крестьяне долго терпели эти издевательства, но всему бывают границы, они решили жаловаться. В начале августа 1833 года ходоки Иван Петров, Василий Демидов, Афанасий Григорьев, Никита Сидоров, Ерофей Васильев, Аркадий Андреев и Савелий Селиверстов явились в Оренбург и подали военному губернатору Перовскому жалобу на

Племянникова. Они обвиняли его в жестоком обращении. Жалоба была принята, а ее податели, как преступники, под полицейским конвоем доставлены в Бузулук.

Началось длительное следствие. Следователи выявили за Племянниковым большое количество уголовных преступлений, среди которых главное место заняло систематическое изнасилование крестьянских девушек и женщин.

Губернатор и следственные комиссии неоднократно выносили решение о необходимости учредить над имениями Племянникова опеку, но эти решения отменялись. Больше того, исправник г. Бузулука Яновский, выступивший более резко против Племянникова, по указу сената был отдан под суд по обвинению в умышленном сгущении красок против дворянина.

Несмотря на то, что Племянников был под следствием, он не прекращал гнусных действий. И только последние его преступления, изнасилование девочки Корочкиной и истязания крестьян, показавших во время следствия против него, заставили начальство принять ряд мер.

Игра в правосудие, тянувшаяся более 20 лет, закончилась тем, что Племянников был предан уголовному суду. Отбыв около 3,5 лет тюремного заключения, он был выпущен на свободу, но «оставлен в сильном подозрении» в изнасиловании женщин и жестокостях по отношению к крепостным.

Запоротая до смерти

Село Дементьево Бузулукского уезда - давнее село. При царе Петре Первом башкирские земли стали захватывать дворяне, чиновники и все, кто выслуживался перед начальством. После смерти Петра захват башкирских земель усилился еще больше. В это время из-под Москвы прибыл барин, поручик Дементьев, со своими холопами. Наградной земли он получил много, а мужиков привел около ста человек. Поручик застроил село и назвал его Дементьевым. Так оно с тех пор и называется.

Чкалов. Дом на Советской улице, построенный не позднее начала XIX века. Здание характерно для той эпохи

Фото ЕЛАГИНА

Трудно было жить мужикам у барина, но еще хуже стало, когда после его смерти стала хозяйничать поручица. Барин умер от пельменей - поел без меры покойник, а барыня в смерти мужа обвинила мужиков. Из Бузулука выезжал суд, вскрывали умершего, нашли заворот кишок, да она и суду не поверила. Когда прошло 40 дней после похорон, Дементьева позвала казенных мужиков, которые недавно поселились возле Дементьева, и велела выпороть всю свою дворню.

При Дементьеве мужики отбывали барщину по 3-4 дня в неделю, а барыня стала гонять каждый день, кроме воскресных, да двенадцатых праздников. В праздничные дни наказывала управителю имения следить - не работает ли кто из мужиков. И если такой оказывался, то собирала всю челядь и заставляла пороть виновного.

Жить стало невмоготу, а Дементьева новую казнь придумала: парням запретила жениться, а девкам - выходить замуж. Через управляющего она передала мужикам, что если кто придет за разрешением на венец, то жениха отдадут в рекруты, а невесту - под розги. Около пяти лет свадеб не было.

Однажды летом барыня собралась ехать с дочкой в Оренбург. Все было приготовлено, лошади запряжены. Она уже садилась в возок, когда к ней с хлебом в руках подошла дворовая девушка Наталья и сапожник Фенюген. Они стали перед барыней на колени и, протягивая каравай, попросили разрешения на венец. Барыня взглянула на них, удобнее уселась в возок и обратилась к Наталье:

- В чем стоишь, садись на заднюю телегу, поедешь со мной. А насчет молодца, - обратилась она к управляющему, - отправь по наряду. Ну, трогай с богом!

На другой день жениха отправили в присутствие. Из Оренбурга возвратились все, кроме Натальи. Горничная шепотом рассказывала дворне, что Наталью барыня продала какому-то офицеру из Москвы.

Вместо Натальи, барыня взяла в девичью дочь Романа Игнатьева - Аграфену. Не хотелось ей идти, боялась, что проведает барыня и навеки разлучит с кузнецом Василием, из казенных мужиков. Он был лучшим мастером в округе и надеялся года через два выкупить Аграфену и зажить вместе с ней.

Четыре года темными ночами встречалась с ним Груша и не опомнилась сама, как в одну весеннюю ночь случился грех.

Почувствовав беременность, Аграфена проплакала всю ночь, а на другой день встретилась с Василием и рассказала все. Он понимал ее горе, утешал, как мог, и просил скрыть пока до поры до времени.

- Не хватает маленько денег, Груша, а управитель уехал в Москву. Приедет, упаду в ноги, попрошу, он за работу меня любит, может даст.

Уже подоспело время брать коноплю, август был на дворе, а управитель не ехал да не ехал. Все стали замечать, что Груша осунулась, побледнела. Злые языки стали из уст в уста передавать, чем больна Аграфена.

17 августа Аграфена и еще четыре девушки из девичьей, да три девушки из села были отправлены за село брать коноплю. Оставшиеся в девичьей пряли шерсть. Дверь была приоткрыта. Барыня, обойдя весь двор, тихо подошла к полуоткрытой двери и на миг остановилась. Слышно было шуршанье веретен и тихий полусшепот девушек.

- Правда, девоньки, Груша беременна, - говорила одна. - Сама видела.

Барыня дальше не стала слушать, она отошла, от девичьей и, войдя в дом, послала за Маланьей, матерью Аграфены. Старушка быстро явилась, встревоженная неожиданным вызовом барыни.

- Пришла, старая греховодница, - встретила Маланью барышня, - рассказывай: с кем свела дочь? Маланья упала на колени.

- Матушка барыня, о чем вы?

- Мать, а не знаешь, что твоя дочь беременна. Ступай на конопляник и, если правда, - живого места на тебе не оставлю и сына в рекруты отдам.

Из барского дома Маланья вышла, как в чаду. Она чувствовала, что над головой нависла беда. Со всех ног Маланья побежала к коноплянику. Конопляник был у мельницы, версты три от села.

У мельничной избы стоял возок, а на нем толстая связка таловых прутьев. На конопляник первой приехала барыня. Она послала работавшего на мельнице дворового человека Анисима Романова резать прутья, а сама позвала девушек с конопляника в избу. Когда девушки вошли, она закрыла на запор дверь и, не объясняя ничего, вытянула костлявый палец в сторону Аграфены:

- Раздеть донага!

Аграфена вздрогнула, инстинктивно подалась назад. Ее лицо на миг вспыхнуло и тут же покрылось меловой бледностью.

- Кто ослушается моих слов, ляжет под прутья вместо Аграфены.

Аграфена кричала, отбивалась, но сила семерых одолела. С нее стащили кофту, юбку, рубашку. Под рубашкой оказался полотняный платок. Он обвивал ее стан и глубоко врезывался в живот.

Развяжите платок и пустите ее! - приказала барыня. Тяжело дыша, поднялась Аграфена, по ее лицу катились слезы.

Дементьева ткнула девушку в живот:

- Беременна?

Аграфена чуть заметно качнула головой.

- С кем? — спросила Дементьева. Девушка шепотом ответила:

- Убейте, не скажу.

- Ах, ты не скажешь! - крикнула Дементьева и железные пряжки вожжей впились в тугий живот девушки. Хватающий за сердце крик прорезал воздух. Аграфена отшатнулась от столба, ничего не видящими глазами, полными ужаса и боли окинула она комнату и, схватившись за живот руками, рухнула на пол.

- Скажешь, подлая, - прошептала барыня, - и, бросив сбившимся в угол девушкам вожжи, приказала, - привяжите ее к столбу.

Почти не сопротивлявшуюся Аграфену привязали под руки к столбу.

Дементьева ухватила самый толстый прут, взяла в руки тонкий конец, а толстым стала наносить удары. Тело Аграфены покрылось кровавыми пятнами с зловещей синевой. Вдруг она отделилась от столба и упала на пол, лицом вниз.

Аграфену снова привязали к столбу, и экзекуция продолжалась. По приказанию Дементьевой Аграфену били еще девушки. Только когда она перестала дышать, испугавшаяся барыня велела отвязать Аграфену от столба и полить водой, а сама поспешно уехала домой.

Возле убитой девушки осталась ее мать.

Ночью привезли тело Аграфены. К избе Романа Игнатьева собралось почти все село. Мужики советовали подать жалобу на барыню в бузулукский земский суд.

Восемнадцатого августа в Дементьево прибыл бузулукский исправник с штаб-лекарем. Исправник взял 13 человек понятых из Дементьева и других соседних сел и приступил к вскрытию трупа.

Гневный гул слышался среди присутствующих, когда при вскрытии они увидели, что у Аграфены от битья кожа отстала от тела и кусками запеклась кровь. Лекарь извлек пятимесячного мертвого ребенка.

Начался допрос. Все девки, бравшие коноплю, Анисим и Маланья показали все, как было, одна барыня рассказывала по-иному. По ее показаниям, Аграфену сильно била мать Маланья, немного посекали девки и она - Дементьева. Но что смерть приключилась через жестокие побои Маланьи.

Около месяца шло разбирательство дела в бузулукском нижнем земском суде. Не один раз выезжали из суда в Дементьево, не один раз производили повторные дознания, но все показания оставались одинаковыми.

Наконец состоялось заседание суда. В своем решении суд, признал главной виновницей Дементьеву и приговорил ее к лишению дворянских прав и пожизненной ссылке в Сибирь. Девки, избивавшие Аграфену, были присуждены к наказанию плетьюми, а о Маланье решено передать дело духовным властям.

Бузулукский суд отправил свое решение оренбургской палате уголовных дел для утверждения.

26 ноября оренбургская палата утвердила решение и признала Маланью невиновной в убийстве дочери.

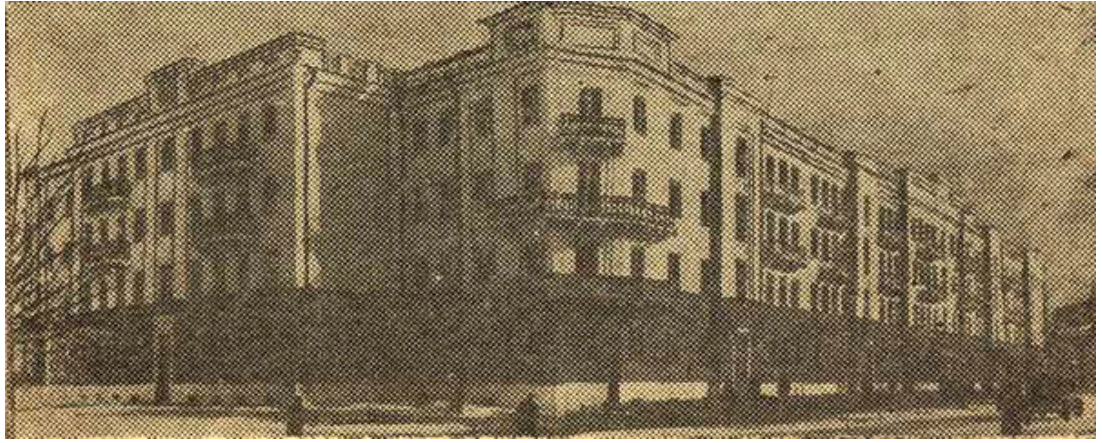
Все судебные инстанции, за исключением сената, были пройдены и, казалось, что дни возмездия за преступление Дементьевой наступили. Но это только так казалось.

Дочь Дементьевой осталась недовольна решением суда и апеллировала в сенат. В заявлении она указала, что мать ее не знала о беременности убитой и хотела немного проучить Аграфену, основываясь на слухах. Всю вину за смерть Аграфены она перелагла на Маланью и выражала удивление, что ни бузулукский нижний суд, ни оренбургская уголовная палата не сумели усмотреть настоящую преступницу, Маланью. Она просила пересмотреть дело и встать на защиту всеми обиженной одинокой старушки, ее матери.

В сенате дело пролежало около года. За это время Дементьева немало перепорола людей еще, но наконец 10 декабря следующего года сенат заслушал дело об убийстве Аграфены. В тот же день был подписан указ на имя оренбургского генерал-губернатора.

Губернатору предлагалось: Маланью отправить в монастырь, девок заключить под стражу, а на Дементьеву наложить церковное покаяние.

Решение было последним и обжалованию не подлежало.

Чкалов. Новый жилой дом, выстроенный в 1936 г. на Советской улице

Заключение

Колонизация Оренбургского края, сопровождавшаяся казнями и грабежами, эксплуатацией и издевательствами власть имущих бар над трудящимися различных национальностей, имела такой же принцип, как и любая феодально-капиталистическая колонизация. Вся история классовых государств есть история колонизации, порабощения и угнетения человека человеком.

Карл Маркс в статье «Будущие результаты британского господства в Индии» (соч., т. IX, стр. 362—366) указывает на цели колонизации Индии: «Господствующие классы Великобритании до тех пор лишь случайно, временно и в виде исключения заинтересованы были в развитии Индии. Аристократия желала ее покорить, финансовая плутократия хотела ее грабить, а промышленная буржуазия стремилась победить ее большей дешевизной своих товаров». Анализируя эксплуататорскую сущность буржуазии, Маркс говорит о ней: «Разве она когда-либо осуществляла прогресс, не толкая как отдельных людей, так и целые народы на путь крови и грязи, бедствий и унижений?»

В речи на совещании передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана с руководителями партии и правительства товарищ Сталин указал: «В старое время, когда у власти в нашей стране стояли царь, капиталисты, помещики, политика правительства состояла в том, чтобы сделать один народ - русский народ - господствующим, а все другие народы - подчиненными, угнетенными. Это была зверская, волчья политика. В Октябре 1917 года, когда развернулась Великая пролетарская революция, когда мы свергли царя, помещиков и капиталистов, великий Ленин, наш учитель, наш отец и воспитатель сказал, что не должно быть отныне ни господствующих, ни подчиненных народов, что народы должны быть равными и свободными. Этим он похоронил в гроб старую царскую, буржуазную политику и провозгласил новую, большевистскую политику - политику дружбы, политику братства между народами нашей страны».

Чкалов. Советская улица. На первом плане вновь выстроенное здание

Фото ЕЛАГИНА

Национальная политика советской власти явилась тем мощным орудием, той цементирующей силой, которая спаяла в одну семью трудящихся всех национальностей нашего Союза. Вышедшая из недр буржуазного общества поговорка «человек человеку волк» упразднена. Люди узнают друг в друге врага и друга не по национальной принадлежности, а по классовой. Национальная политика изменила лицо многонациональной России.

На том же совещании товарищ Сталин говорил: «С тех пор прошло 18 лет. И вот, мы имеем уже благие результаты этой политики. Настоящее совещание является ярким доказательством того, что былому недоверию между народами СССР давно уже положен конец, что недоверие сменилось полным взаимным доверием, что дружба между народами СССР растет и крепнет. Это, товарищи, самое ценное из того, что дала нам большевистская национальная политика».

Выросла передовая техника, расцвела культура, национальная по форме, социалистическая по содержанию. Многие народы, обреченные при царизме на вымирание, в настоящее время, под руководством ВКП(б) и вождя народов тов. Сталина, твердо и уверенно строят новое коммунистическое общество.

* * *

Первая половина 19 века характеризуется разложением крепостного хозяйства и резким обострением аграрного вопроса. Реформа 1861 года принесла новое ограбление башкирского народа. Волнения среди башкирского населения усиливаются к 1905 году. После буржуазно-демократической февральской революции вспыхивает национально-освободительное движение, но к руководству им пробираются башкирская буржуазия и буржуазная интеллигенция. На первом Всероссийском съезде мусульман в 1917 г. в Москве было организовано башкирское областное бюро в составе Валидова, Ягафарова и Миросова. Это бюро вскоре после съезда в Москве, в июле 1917 г. созывает в Оренбурге первый Башкирский съезд (курултай). Он избрал башкирский областной совет (шуро) и потребовал автономии Башкирии, с чем не согласилось Временное правительство. В августе 1917 г. в Уфе был созван второй съезд, переизбравший

совет. Этот совет проводил политику национально-территориальную, политику кулачества. Он требовал выселения из Башкирии всех русских и других жителей не-башкир. Националисты Башкирии встретили Октябрьскую революцию враждебно.

Чкалов. Общий вид с Дома Советов.

Фото ЕЛАГИНА

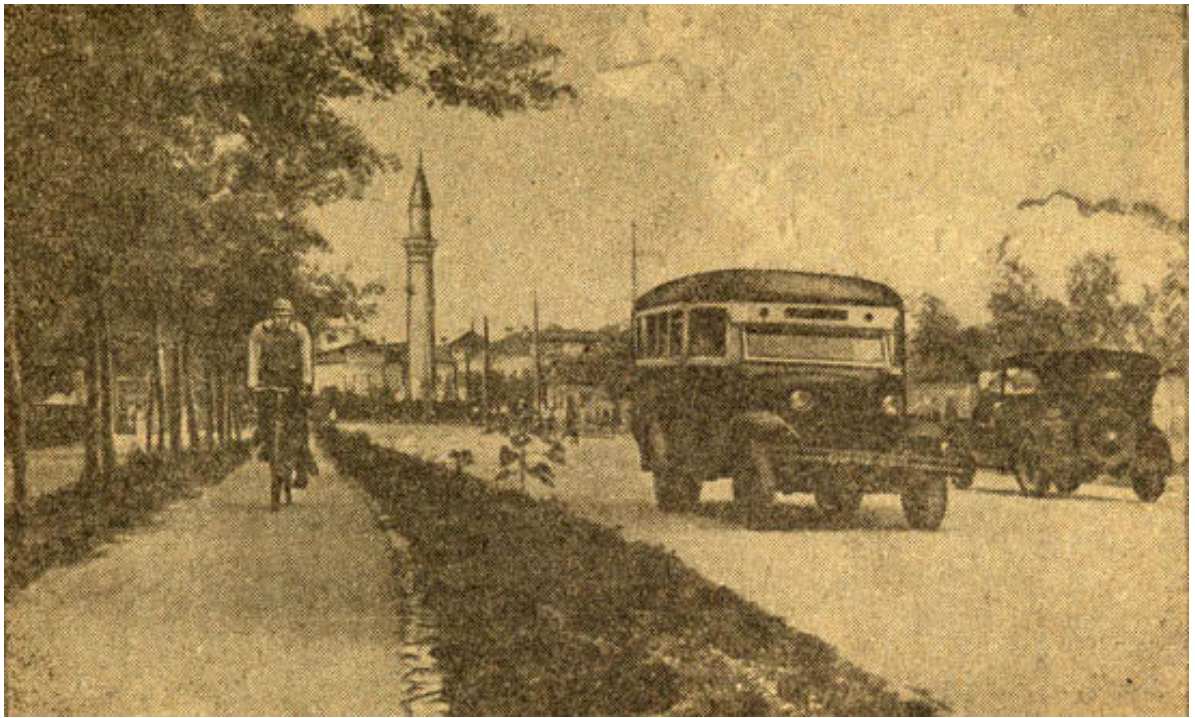
В конце 1917 года под покровительством Дутова совет созывает снова в Оренбурге 3-й Всебашкирский съезд, на котором и была провозглашена автономная буржуазная Башкирская республика. Совет, во главе с Валидовым, объединился с Колчаком и развернул борьбу с советской властью.

Башкирский народ увидел, с кем идут валидовцы, башкирские войска переходят на сторону красных, растут партизанские отряды. 23 марта 1911 г. ВЦИК издал декрет о создании Автономной Башкирской советской республики. Были организованы башкирские красноармейские части, доблестно защищавшие советскую власть. Валидов неудачно пытался поднять восстание, затем присоединился к басмачам и, наконец, скрылся за границу.

До революции башкирский народ был обречен на вымирание. По статистическим данным, 1913 год был годом наименьшей смертности. В этом году в Башкирии умерло 99785 человек. Народ жил бедной, нищенской жизнью. В 1916 году около 52% башкир были безлошадными. В настоящее время Башкирии не узнать, под руководством партии Ленина - Сталина она превратилась в цветущую страну.

С каждым годом растут капиталовложения в хозяйство страны, ведь в одном только 1932 году была вложена такая сумма, которую царское правительство вложило на протяжении 50 лет. За вторую сталинскую пятилетку в хозяйство Башкирии вложено более 1 миллиарда рублей. Эти капиталовложения оправдываются гигантским ростом народного хозяйства и культуры в Башкирии. До революции в Башкирии почти совсем не было промышленных предприятий, а сейчас там выстроены десятки новых, оборудованных по последнему слову техники заводов. Среди них виднейшее место занимают Уфимский моторный завод, Крекингзавод, Ишимбаевские нефтяные промыслы и др.

В корне изменилось лицо сельского хозяйства. Советская власть отдала башкирам в вечное пользование земли, луга и пастбища. Сельское хозяйство Башкирии переведено на социалистические рельсы, оно оснащено новейшей техникой.

Чкалов. Парковый проспект с видом на Караван-рарай

Ни с чем не соизмерим рост культуры в Башкирии. До революции Башкирия была краем сплошной неграмотности, а если часть башкирских детей и училась, то это были дети баев и мулл. В 1938 году была почти полностью ликвидирована неграмотность. В школах обучается более 600000 детей. Нет никакого сравнения в ассигнованиях на народное образование: в 1914 г. было ассигновано 2767 тыс. рублей, а в 1938 году 180 млн. рублей.

В дореволюционное время Башкирия была местом пристанища различных эпидемий и социальных болезней, медицинская помощь почти отсутствовала: медицинского персонала было всего 441 чел. В 1337 г. на территории Башкирии уже работало 3192 медицинских специалиста.

В 1935 году Башкирия, бывшая царская колония, в настоящее время строящая социализм, стала орденоносной республикой. БАССР награждена орденом Ленина.

* * *

Казахский народ стонал под двойным гнетом - «своих» эксплуататоров и российского империализма. Местная национально-феодалная знать, как мы видели выше, была пособником и союзником русского империализма в закабалении казахского народа.

Революционная борьба пролетариата России не прошла мимо трудящихся казахов. Революционное движение 1905 года охватило не только рабочих-казахов, но проникло и в аулы, поднимая угнетенную бедноту на революционные бои. В 1916 году разгорается мощное восстание народов Казахстана, поводом к которому, как последняя капля, переполнившая сосуд, явилось объявление мобилизации казахов на прифронтовые работы в тылу. Восстанием был охвачен почти весь Казахстан. Повстанцы - батраки и беднота - явились той силой, которая поднялась на последний бой с самодержавием и местной феодальной, аристократией.

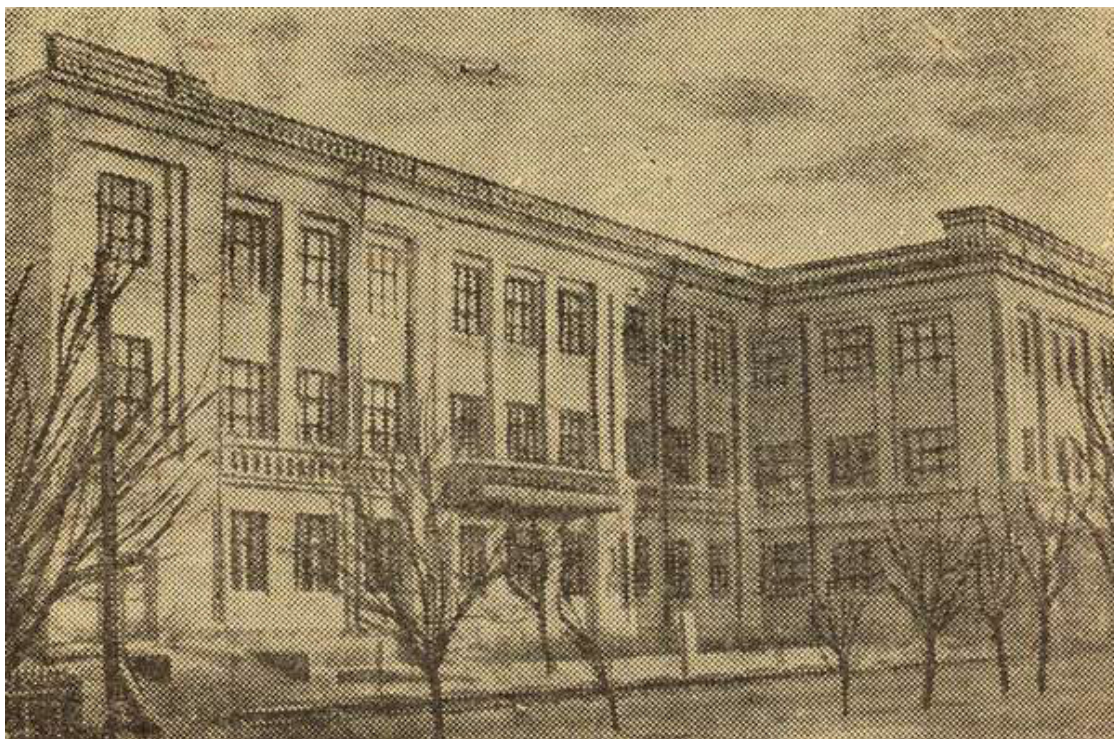
Народные массы рождали своих вождей, подобных герою, батраку Амангельды Иманову, который провозгласил в Тургайской области советскую власть.

Жестоко расправилось самодержавие с повстанцами. Около 300000 казахов были изгнаны в Китай, аулы разорены и разграблены.

Алаш-орда - контрреволюционная националистическая группа баев и других эксплуататоров - играла в этой борьбе исключительно предательскую роль.

Февральская революция 1917 года не принесла желанной свободы. Временное правительство продолжало проводить политику самодержавия по отношению к народам национальных окраин. «Уничтожение царизма и появление у власти буржуазии не повело,

однако, к уничтожению национального гнета. Старая грубая форма национального гнета сменилась новой, утонченной, но зато более опасной формой гнета Правительство Львова-Миллюкова-Керенского не только не порвало с политикой национального гнета, но организовало еще новый поход против Финляндия (разгон сейма летом 1917 г.) И Украины (разгром культурных учреждений Украины). Более того: это правительство, империалистическое по своей природе, призвало население к продолжению войны для подчинения новых земель, новых колоний и национальностей». (Сталин, Марксизм и национально колониальный вопрос, Партиздат ЦК ВКП(б), 1937 г., стр. 52).

Чкалов. Фельдшерско-акушерская школа на Советской улице.

Только Октябрьская революция освободила казахский парад от векового рабства.

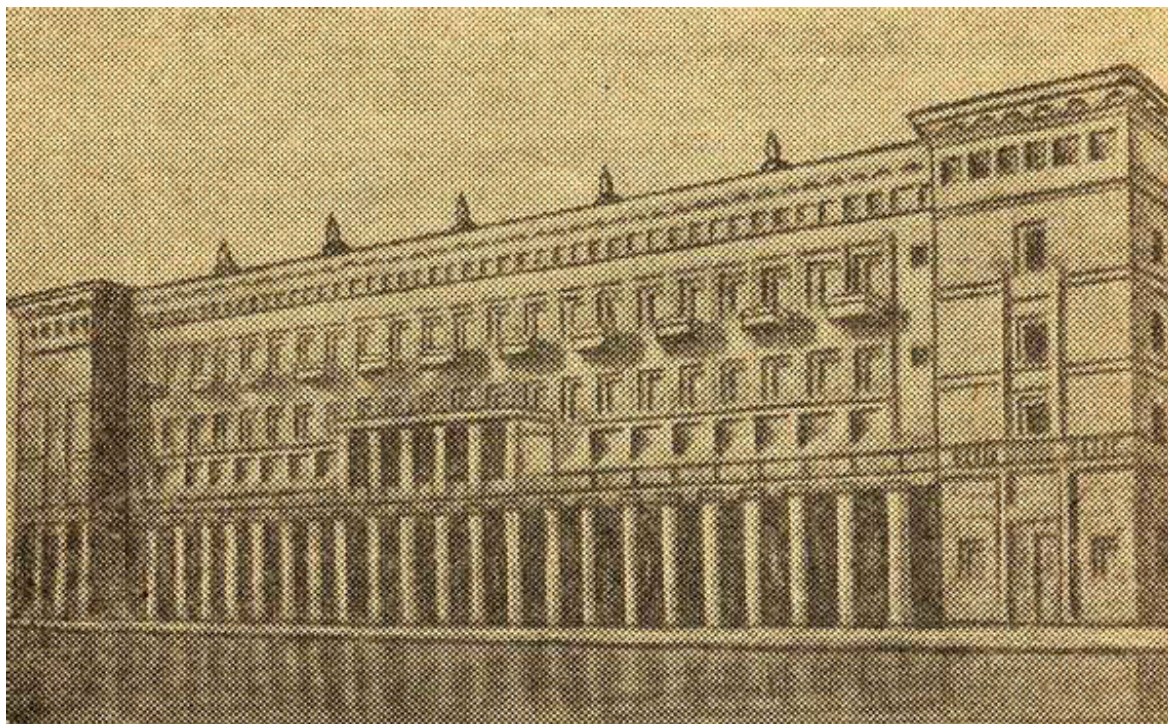
Трудящиеся Казахстана встали под знамена Октября и под руководством русского пролетариата разгромили Алаш-орду, Дутова, Колчака и другие контрреволюционные банды. В партизанской войне казахский народ, поддержанный Красной Армией, разбил все остатки белых банд, в 1920 году весь Казахстан стал советским.

16 августа 1920 года Всероссийским центральным исполнительным комитетом был издан декрет об образовании Киргизской (В настоящее время Казахская ССР) автономной социалистической республики.

Казахский народ увидел, что только национальная политика советской власти, которую создали вожди, гении человечества Ленин и Сталин, несет подлинную свободу, счастливую творческую жизнь. Путь казахского народа, пройденный от Октябрьской революции до наших дней, является великим путем побед. Порабощенная и угнетенная полуколониальная окраина царской России, окраина, на территории которой могла бы поместиться вся Западная Европа, за годы советской власти превратилась в цветущую социалистическую республику. Совершенно изменилось лицо Казахстана. Казахская республика стала мощной и цветущей индустриально-аграрной республикой.

Богатые запасы полезных ископаемых до Октябрьской революции почти не использовались и были неизвестны. За время существования советской власти, за годы сталинских пятилеток в Казахской республике открыты большие запасы металлов, угля и нефти. Запасы меди в Казахстане составляют 60% всех запасов Советского Союза, Балхашский и Джезказганский медеплавильные комбинаты являются красой и гордостью Казахстана. Чимкентский, Риддерский и другие свинцовые заводы Казахской республики дают Союзу более

70% всей выплавки свинца.

Проект строящейся гостиницы в Чкалове, на Пушкинской улице, угол Советской

На заседании Второй Сессии Совета Национальностей, 14-го августа 1938 г., депутат Казакпаев А. заявил: «Казахская республика стала республикой меди, цинка, свинца, угля, республикой крупной пищевой промышленности. Казахстан в любую минуту может дать для нашей славной Красной Армии столько свинца и меди, сколько ей нужно для разгрома японо-германских фашистов». (Стенографический отчет, стр.424).

В дореволюционное время богатства Казахстана использовались главным образом иностранными капиталистами.

За годы советской власти в промышленное строительство Казахстана вложены огромные капиталовложения - 2.258,7 млн. рублей. На эти средства воздвигнуты крупнейшие предприятия, имеющие всесоюзное значение: Чимкентский свинцовый завод, Актюбинский химкомбинат, Семипалатинский мясокомбинат, Гурьевский консервный рыбокомбинат, сахарные заводы, табачная фабрика, химические заводы и др. Кроме вступивших в эксплуатацию, ряд гигантов тяжелой промышленности находятся в процессе стройки: цементный завод в Караганде, Семипалатинский суконный комбинат, Балхашский медеплавильный завод, Тургайстрой, Чиндагатустрой и др.

По выявленным запасам нефти Казахстан занимает в Союзе второе место. Карагандинский угольный бассейн по запасам угля занимает третье место в Союзе. Казахские степи, где недавно караваны верблюдов были единственным средством сообщения, покрыты сетью железных дорог.

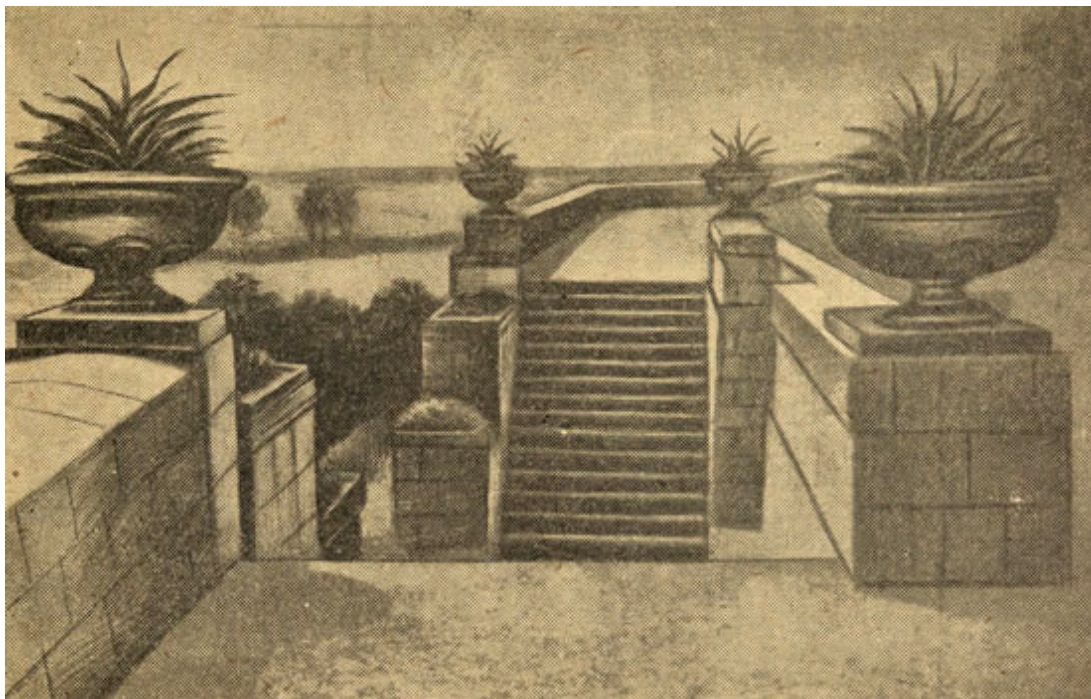
Редкость в дореволюционное время «шайтан арба» - автомобиль прочно вошел в хозяйство Казахстана. В 1938 г. в городах, колхозах и совхозах Казахской республики было около 20000 грузовых и легковых автомобилей.

Нельзя узнать и сельского хозяйства Казахстана. До революции казахи вели кочевой образ жизни, основным их занятием было животноводство. Хотя поголовье стада были и большое, но основная масса скота сосредоточивалась в руках баев. Большинство бедноты, лишившись скота, превращалось в вечных батраков богатых баев.

Земледелие стояло еще на более низкой ступени развития. Орудиями для обработки земли были суковатая палка и первобытная соха. При такой технике земледелия земля давала очень низкий урожай.

В настоящее время лицо сельского хозяйства полностью изменилось. Кулачество ликвидировано, уничтожена эксплуатация. Казахи перешли к оседлому образу жизни. Колхозам

и совхозам принадлежит 99,6% всех посевов. Необходимо отметить, что по сравнению с дореволюционным временем посевная площадь значительно расширилась: в 1917 г. обрабатывалось 4 млн. 80 тыс. гектаров, а в 1937 г. 5 млн. 831 тыс. гектаров. На территории Казахстана имеется 241 совхоз, 287 МТС. На полях Казахстана работает 24 тыс. тракторов, 7374 комбайна. Механизация сельского хозяйства повысила урожайность. Если раньше урожай равнялся 2-3 центнерам с гектара, то в настоящее время он достигает 25 центнеров с гектара. Товарищ Сталин дал указание превратить Казахстан в передовую базу социалистического животноводства на Востоке. Это указание вождя в настоящее время осуществляется. Скотоводство в сельском хозяйстве играет главную роль.

Чкалов. Лестница на Свердловском бульваре. Спуск к реке Урала

Национальная политика советской власти обеспечила рост не только хозяйства, но и культуры. В Казахской республике в настоящее время с успехом осуществляется всеобщее обучение, растут кадры интеллигенции, растет сеть высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений. Слава, покрывшая казахский оперный театр при постановке «Ер-Таргын», говорит о росте искусства казахского народа.

Взлелеянные сталинской лаской, в Казахстане растут прекрасные люди, имена которых, как героев социалистического труда, известны всему миру. Во время выборов в Верховный Совет СССР, народы Казахстана выдвинули депутатами в Верховный Совет лучших своих сынов и дочерей. Среди них: доярка Салиха Оторбаева, комбайнеры Логвиняко и Михин, забойщик Кузембаев и другие.

Народы Казахстана с огромной радостью встретили Сталинскую Конституцию. Знаменитый мудрый акын Джамбул так изложил в стихах отношение казахов к Конституции:

Я славлю великий советский закон.
Закон, по которому радость приходит,
Закон, по которому степь плодородит,
Закон, по которому сердце поет,
Закон, по которому юность цветет,
Закон, по которому служит природа,
Во славу и честь трудового народа.
Закон, по которому вольным джигитам
К подвигам смелым дорога открыта.

Закон, по которому в праздник наш.
Овеяна славой родная Куляш.
Закон, по которому едут учиться
Дети аульные в школы столицы.
Закон, по которому все мы равны
В созвездии братских республик страны.

* * *

Оренбург, основанный как центр национально-колониального угнетения казахов, башкир и других народностей, населяющих Оренбургский край, оставался таким вплоть до Октябрьской революции. После Октября Оренбург стал центром, где ковались силы для борьбы с контрреволюцией, откуда, шла пролетарская помощь казахам, башкирам и другим национальностям в деле их освобождения от векового угнетения и порабощения, в деле установления и упрочения советской власти.

Оренбург после Октября был колыбелью нарождающейся Казахской республики. Он был первой столицей Казахской республики, он давал кадры организаторов для всех областей хозяйственной и культурной работы.

Историю Оренбурга, его роль после Октября прекрасно выразил певец казахского народа Джамбул в следующих строках стихотворения «Орымбор»:

И настали другие дни,
Старый город степей - Орымбор!
Засияли другие огни,
Озаряя степной простор.

Если б встал из могилы Пугач,
И Бекета¹ нашлись- следы,
Если б степью промчался вскачь
Наш любимый Амангельды -

Их бы встретил, как лучших друзей,
И повел по душам разговор
Город радуг, садов и огней –
Расцветающий Орымбор.

Их бы встретил, как лучших гостей,
Подстелив им чудесный ковер -
Тоем,² песнями, шумом затей,
Хлебосольный, родной Орымбор.

Так живи и богатство копи
И огнями мани, как костер, -
Большевистская крепость в степи,
Наш советский навек, Орымбор!

Хронологическая таблица

1556 г. Башкирия присоединена к России.

1556 г. Взята русскими войсками Астрахань - столица ногайских татар.

1556 г. В Башкирии введен ясак.

1557 г. Царь Иван IV выдал башкирам грамоту на вечное пользование землями и всеми

¹ Бекет - народный герой Казахстана, руководитель восстания казахской бедноты в XIX веке.

² Той—пир.

угодьями.

1557 г. Построена крепость Оса.

1574 г. Основан г. Уфа.

1574 г. Воеводой Иваном Нагим разбиты и взяты в плен сибирские царевичи Аблай Тевкей.

1584 г. Основан город Мензеливск.

1584 г. Восстание башкир у г. Уфы.

1586 г. Основан город Самара (сейчас Куйбышев).

1613 г. Царь Михаил Федорович выдал яицким казакам грамоту о передаче в их собственность р. Яика и прилегающих к нему земель.

1622 г. Основан город Гурьев.

1645 г. Восстание башкир; осаждение ими Мегазеливска.

1658 г. Основание города Челябинска.

1662-1680 г. Сеитовское восстание.

1682 г. Восстание башкир в окрестностях Уфы.

1703 г. Основание Сергиевска (у Серных вод).

1707 г. Алдаро-Кусюмовское восстание.

1717 г. Петром I отправлена в Среднюю Азию экспедиция под руководством Бековича-Черкасского.

1720 г. Петр I подчинил Военной коллегии яицких казаков.

1724 г. Башкирские леса объявлены государственными.

1730 г. Прибыли в Уфу для переговоров с Россией послы Абулхаир-хана.

1731 г. В мае месяце отправлен к Абулхаиру Тевкелев для приведения казахов в русское подданство.

1733 г. В январе Тевкелев возвратился в Уфу с ханскими послами и прибыл с ними в Петербург.

1734 г. Основание Верхне-Яицкой крепости (В.-Уральск).

1735 г. 6 августа экспедиция Кириллова прибыла к устью р. Орь.

1735 г. 15 августа заложена на Преображевской горе Оренбургская крепость (Орская).

1735 г. 31 августа заложен город Оренбург (Орск).

1735 г. В Сакмарске казнен вождь башкирского восстания Кильмакаев.

1735 г. Основана Уклы-Карагайская крепость.

1735 г. Застроена станица Наслединская.

1735 г. Основана Михайловская крепость.

1736 г. Основание Красносамарской крепости.

1736 г. Застроена Тоцкая крепость.

1736 г. Заложена Сорочинская крепость.

1736 г. Основана Озерная крепость.

1736 г. Основание Нагайбацкой крепости.

1736 г. 11 февраля издан указ о свободной покупке башкирских земель.

1736 г. Застроены станицы Ново-Озерная, Елизаветинская, Мариинская, Атаманская, Екатерининская, Константиновская, Княжицкая, Никольская крепость, Елшанская крепость, Надеждинская крепость, Варваринская крепость.

1736 г. Основана Бузулукская крепость (г. Бузулук).

1736 г. На карательный отряд Румянцева напали у деревни Урманеевой восставшие башкиры под руководством Кильмяка-Абыза.

1736-37 г. Зимой погиб отряд солдат в 800 ч., посланный из Оренбурга (Орска) за продуктами.

1737 г. Основание крепостей Кумакской, Петровкой, Павловской, Андреевской, Ассинской, Георгиевской, Ольгинской, Владимирской, Александровской, Софийской, Натальинской, Кирилловской.

1737 г. Взяты в плен и казнены вожди восставших башкир Кильмяк-Абыз и Акай Кусюмов.

1738 г. В Оренбурге (Орске) открыта первая ярмарка.

1738 г. Основание Новосергиевской крепости.
1738 г. Из Оренбурга, (Орска) отправлен в Среднюю Азию первый торговый караван.
1739 г. Татищев освобожден от обязанности начальника края.
1739 г. Начальником края назначен военный генерал князь Урусов.
1739 г. 9 августа издан указ о переименовании Оренбурга в Орскую крепость и перенесении города Оренбурга к урочищу Красная гора (Красногорская станица).
1740 г. В марте началось восстание башкир и других народов края под руководством Карасакала.
1740 г. У урочища Красная гора заложен город Оренбург.
1740 г. 15 июня состоялся в Сакмарске под руководством Урусова военный совет по вопросу подавления восстания Карасакала.
1740 г. 21 июня из Сакмарска выступили войска для борьбы с Карасакалом.
1740 г. В первых числах августа Урусов казнил в Орской крепости 122 человека из пленных повстанцев.
1740 г. 19 августа в Орскую крепость прибыли сыновья Абулхаир-хана – Нурали и Ерали, султаны со старшинами.
1740 г. 24 августа прибыл в Орскую крепость хан Средней Азии - Абдулмаммет.
1740 г. 28 августа Абдулмаммет дал присягу на подданство русским царям.
1740 г. 4 сентября из Орской крепости была отправлена к Сыр-Дарье разведывательная экспедиция под руководством Гладышева.
1740 г. 17 сентября в Сакмарске Урусов казнил 476 человек из пленных повстанцев.
1741 г. Основание Елшанской крепости.
1741 г. Начальником края назначен генерал Соймонов.
1742 г. Заселение Бугурусланской слободы отставными солдатами.
1742 г. Отстранение генерала Соймонова, от обязанностей начальника края.
1742 г. Начальником края назначен И. И. Неплюев.
1742 г. Основана станица Вязовская.
1742 г. Основаны крепости Ильинская, Воздвиженская, Пречистенская.
1742 г. 18 октября императрицей Елизаветой Петровной издан указ о перенесении Оренбурга от урочища Красная гора на место Бердской крепости. 1749 г. Перенесение станицы Берды на настоящее ее место.
1743 г. Основаны крепости: Рассыпная, Уртазымская, Таналыцкая.
1743 г. В августе заложен город Оренбург, где он находится и теперь (Чкалов).
1743 г. Построен в Оренбурге гостиный двор.
1744 г. 15 марта учреждена Оренбургская губерния.
1744 г. У Оренбурга построен Меновой двор.
1744 г. Яицким казакам вменено в обязанность охранять Нижне-яицкую линию.
1744 г. 27 июня все беглые, жившие по крепостям края, приписаны в казаки.
1745 г. Все казаки, населявшие Оренбургский край, подчинены одному войсковому атаману, а последний оренбургскому губернатору.
1745 г. Застроен Сеитовский посад (Каргала).
1745 г. Из форштадтских казаков организован нерегулярный казачий корпус.
1750 г. Основан Стерлитамак.
1751 г. Основан Златоустовский завод.
1751 г. Основан Каноникольский завод.
1752 г. Основан Богоявленский завод.
1754 г. Бердскими казаками заложена крепость Нижне-Озерная.
1754 г. В Оренбургском крае ясак заменен монополией на соль.
1755 г. Демидовым заложен Верхний Авзяно-Петровский завод.
1755 г. Восстание башкир под руководством Батырши.
1750 г. Основан Нижний Авзяно-Петровский завод.
1756 г. Основан Благовещенский завод.
1756 г. 8 августа в селе Азика Батырша схвачен старшиной Сулейманом Деваевым.
1756 г. 23 августа Батырша доставлен в Оренбург.

1757 г. Батырша заключен в Шлиссельбургскую крепость.
1758 г. Основан Саткинский завод.
1759 г. Основан Верхотурский завод.
1762 г. 24 июня убит в Шлиссельбургской крепости Батырша.
1762 г. Основан Белорецкий завод.
1770 г. В Оренбурге учрежден госпиталь.
1771 г. Уход калмыков с территории Оренбургского края.
1771 г. Восстание яицких казаков против самоуправления старшин.
1771 г. Яицкими казаками разгромлен карательный отряд и убит его командир Траунбенберг.
1772 г. В Яицкий городок прибыл Пугачев.
1773 г. Арест Пугачева.
1773 г. 19 июня Пугачев бежал из Казани на Яик.
1773 г. 18 сентября Пугачев подступил к Яицкому городку.
1773 г. 24 сентября Пугачевым взята крепость Рассыпная.
1773 г. 28 сентября Пугачевым взята крепость Татищево.
1773 г. 29 сентября Пугачевым взята крепость Чернореченская.
1773 г. 1 октября Пугачевым взят Сакмарский городок.
1773 г. 1 октября Пугачев подступил к Оренбургу.
1775 г. Основан Преображенский завод.
1775 г. Основан Покровский завод.
1777 г. Основан Миасский завод.
1780 г. Из Оренбургской и Уфимской губ. образовано Уфимское наместничество.
1782 г. Центр наместничества перенесен из Оренбурга в Уфу.
1821 г. В Илецкой Защите открыта горная школа для детей мастеровых.
1822 г. В Оренбурге открыто уездное училище.
1824 г. В Оренбурге открыто Неплюевское училище.
1829-30-31 гг. В Оренбургском крае свирепствовала холера.
1831 г. При Неплюевском училище основан музей.
1843 г. 6 мая издан указ о переводе казенных крестьян в казаки.
1843 г. В селах: Никольском, Дедуровке, Павловке и Краснохолме крестьяне восстали против насильственного оказачивания.